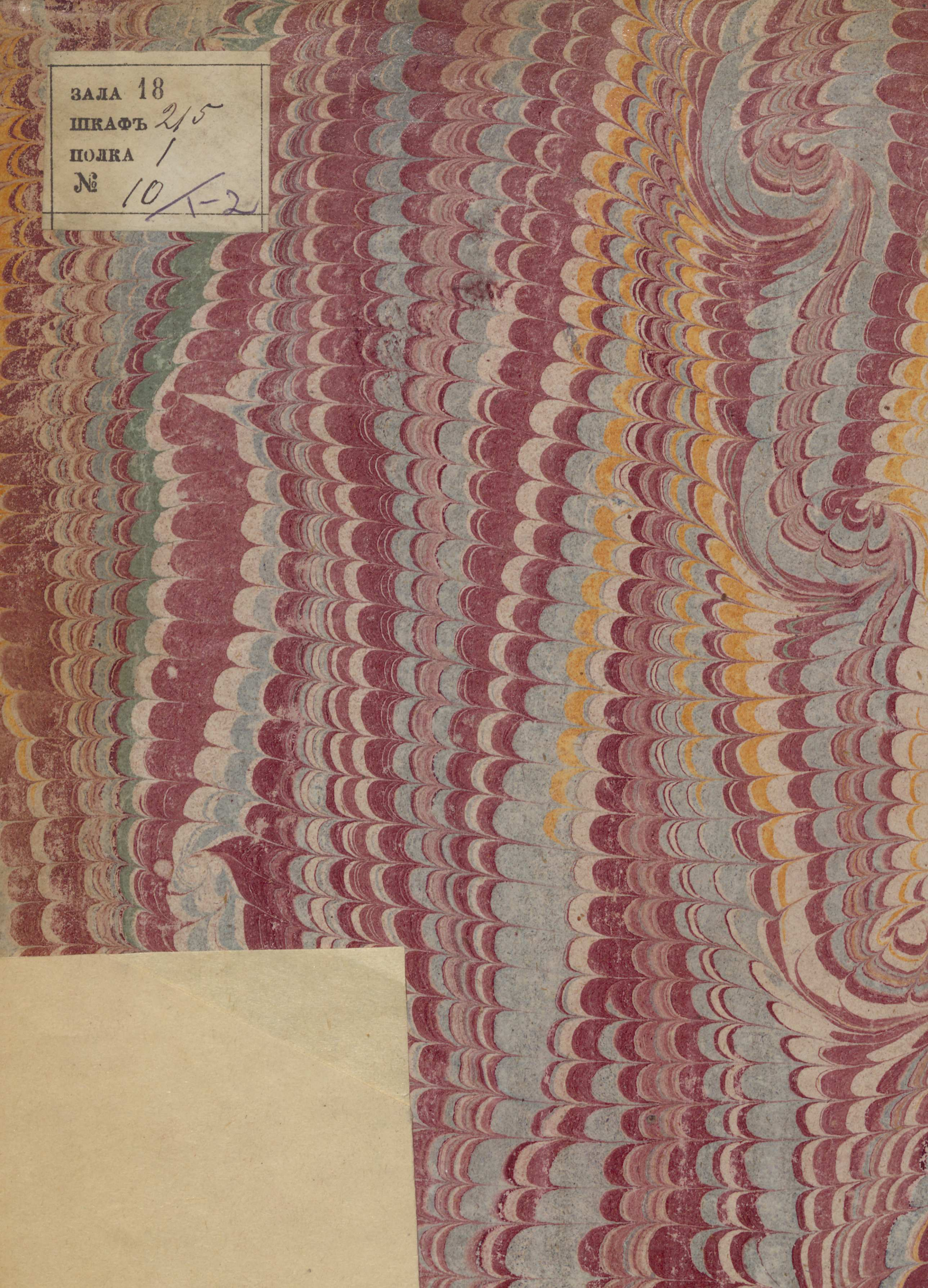
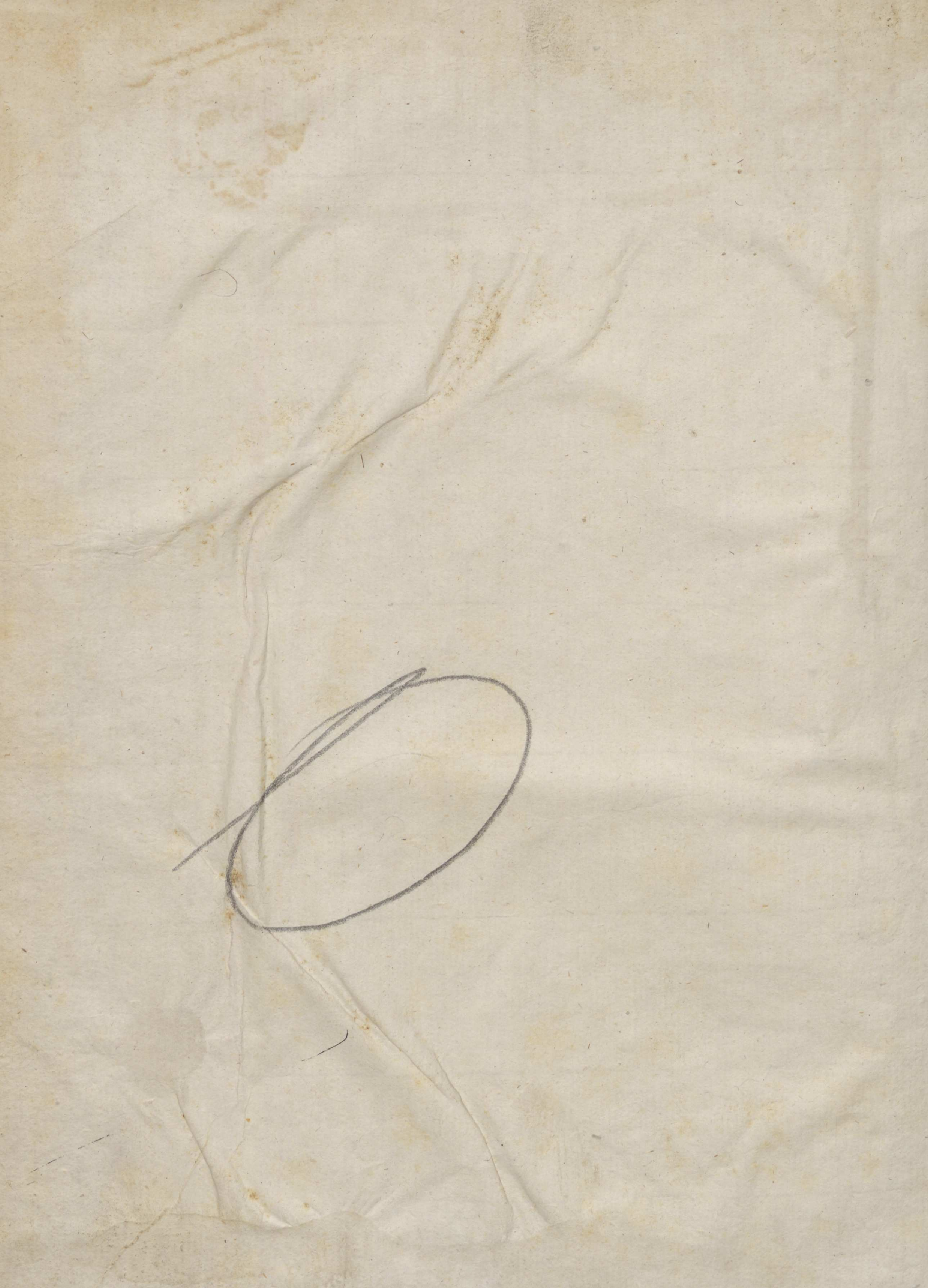




ІОАННА АДОЛЬФА ГОФМАНА

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ,

[а другую печатаютъ]

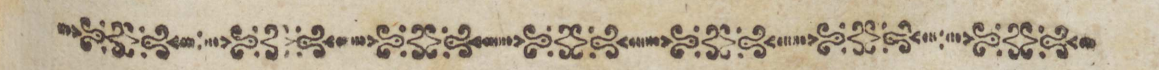
О СПОКОЙСТВѢ И УДОВОЛЬСТВІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ,

съ Нѣмецкаго языка переведена

Серьгѣемъ Волчковымъ

перьвымъ тисненіемъ напечатана

при Сенатѣ.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1762 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРЬВОЙ КНИГИ.

Пункты: Страницы:

33.

ПЕРВАЯ КНИГА, О СПОКОЙСТВѢ И УДОВОЛЬСТВІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ

ПУНКТЪ I.

Въ непогоду и въ ненастьливое время, увидѣлъ я прохожаго. Холодной вѣтеръ сквозь все тѣло ево проходилъ, а сильной дожжъ въ Октябрѣ, сухой нитки на человѣке не оставилъ. Ноги ево по грязи такъ кользятъ, что безъ страха ни одиножды шагнуть не можетъ; а всѣ члены ево, отъ стужи дрожатъ. Хотя прохожей, съ одной стороны отъ мокроты, а съ другой, отъ холоду и закрывается; однако напрасно. Епанчу его дожжемъ такъ пробило, что бѣдной человѣкъ насилу ноги волочетъ. Смотря на сіе, самъ я себѣ подумалъ; какъ изрядно и спокойно человѣку, въ теплой избѣ дома сидѣть: а какому безпокойству, всѣ путьшествующіе подвержены. Я сіе пишу въ пользу спокойства, и къ большей хвалѣ удовольствія. Свѣтъ сей, вся земля; жизнь наша, путешествіе; человѣкъ, прохожей; а благополучіе и нещастіе, есть погода съ тою дорогою, по которой меня судьба божія ведетъ. Я ужѣ на свѣте, больше сорока лѣтъ Вступленіе.

 стран-

странствую. Временем дорога суха и хороша, а по большой части, худа и не проходима была. Въ товарищахъ, никогда я недостатку не имѣлъ; а всѣ они, свѣтскіе люди были. Этѣ пріятели, звали меня на пространные луга. Они же хотѣли меня вести въ изрядные сады и въ бесѣдки, съ такимъ внушеніемъ: будто этѣ мѣста рай, и Елисейскіе поля. Но какъ процвѣтающая, и еще немного зеленѣющаяся лѣтняя радость стала увядать, а намъ надобно было въ путь свой ѣхать; то таварищи мои увидѣли, что отъ праваго пути удалились; а этѣ луга не рай, да такія мѣста были; кудаословъ, и другую скотину на пасству гоняютъ. Нечаянной случай всю нашу компанію разлучивши, одного позвалъ туда, другова въ другую сторону: а я какъ въ пустынѣ, одинъ остался. Не обыкновенное мнѣ одиначество, привело меня въ страхъ; а великой шумъ лѣтящаго съ деревья, и грудами около меня падающаго листу, то въ память мою привелъ; что и мнѣ смерти не миновать. Туманная осень, всѣ лѣтнія пріятности и забавы помрачила. Я было хотѣлъ далѣе итти; но темнота долгихъ ночей, путь мой мракомъ закрыла. Въ такихъ обстоятельствахъ, платье мое стало за терновникъ зацеплятся. Ноги мои, въ лужи и въ болота пошли; а глаза мракомъ покрылисъ. Взошедшая на небѣ туча, громомъ и бурею грозитъ. Не истинноель сіе подобіе бѣднаго житія нашего; въ которомъ человѣкъ за одну радость, тысячу печалей терпитъ? Тѣ то напасти, какъ студеной вѣтръ сквозь тѣло человѣческое проходя; судно надежды нашей, туда и сюда бросаютъ. Онѣ, какъ полая вода; до души человѣческой проходятъ. Удовольствіе наше, скоро пропадаетъ. Послѣ весны юношества, и по прошествіи жару лѣтъ мужескихъ; страшитъ насъ осень и зима старости, жестокою бурею болѣзней и прискорбностеи. Это мнѣ для того скучно показалосъ, что я по розеновымъ цвѣтамъ ходить обыкъ; а ни одна терновая спица, отъ роду меня не укалывала. Прискорбная перемена! Какъ скоро можетъ послѣ радости, печаль наступить? Я живалъ съ беренисою въ палатахъ, а теперь, очутился съ Агарью въ пустынѣ. Ежелибъ Ангелъ и меня, также какъ Агарь спросилъ: откуда ты пришолъ, и куда идешъ? Тобъ я ему, такой горестной отвѣтъ сказалъ. Изъ прекраснаго едема, въ эту юдоль плачевную. Отъ радости, въ печаль;

отъ здоровья, въ болѣзнь; изъ довольства, въ скудость; отъ веселья, въ туженіе; отъ солнца благополучія, подъ темную тучу бѣдъ и не щастія. Печаль, не только ближе ко мнѣ; но уже и до души моеи проходитъ. Прохожей потому щасливѣе меня, что его только до тѣла промочило; а мое сердце, въ пучинѣ бѣдъ и печалей утопаетъ. По се время, страхъ съ надеждою, равной во мнѣ вѣсь имѣли; а нынѣ уже надежда, страхомъ поглотиласъ. Душа моя, подобна птицѣ отъ гнѣзда своего удалившейся. Минувшее, меня мучитъ; настоящее, безпокоитъ: а будущаго, сильно боюсъ. Такимъ то образомъ сердце мое въ печалѣхъ, какъ корабль въ волнахъ, безпрестанно погружается; и наподобіе отъ Ноя изъ ковчега выпущенова голубя, къ отдохновенію своему сухова мѣста не находитъ. Тѣло мое, печаль душевную чувствуетъ. болѣзни ево, на поминаютъ мнѣ то; какъ жестока печаль моя. Нѣтъ ли безопаснаго убѣжища, и такой крѣпкой пристани; куда бы сердцу моему, отъ толь сильной бури уйти? Есть тебѣ великое спасеніе, печальная душа моя! Есть такое безопасное мѣсто; куда тебѣ, какъ въ не преоборимую крѣпость отъ всѣхъ твоихъ печалей, удаляться надлѣжитъ. Хотя болѣзнь твоя и велика, однако съ помощію божіею; я тебѣ сильное на то лѣкарство обѣщаю, ежели только сама, тѣ способы употребить похочешъ: которыми ты, желаемое тобою спокойство такъ надежно получить можешъ, какъ то безпокойство подлинно слышишъ, которое тебя мучитъ. Однако, я не такой тиранъ; которой бы тебѣ о бѣдахъ и напастяхъ твоихъ, также запрещалъ печалиться; какъ Римской Цесарь Адріянъ, подъ державою своею въ крайнихъ горестяхъ находившимся жидамъ, ни о чемъ тужить не велѣлъ. Сіе, подаетъ облегченіе такому въ прискорбностяхъ живущему человѣку; которой о печаляхъ своихъ, умѣренно жалуется. Печаль, жалобными словами изъ сердца по малу выходитъ; а умѣренныя слезы, тугу и скорбь сердечную, исподоволь омываютъ. Сего въ печаляхъ облегченія, никто у тебя не перебиваетъ; только тебѣ надобно того смотрѣть, что бы слезныя рѣки, сердца твоего не потопили. Въ самыхъ слезахъ и печаляхъ, не забывай того, что печаль твоя временна; а ты смерти подверженъ. Сердечныя раны, жестокую печаль причиняютъ; а та надежда, должна твоимъ исцелѣніемъ быть; что на сію рану, лѣкарство есть. Когда люди такое художество изобрѣли, которое тѣлесныя болѣзни цѣлитъ;

тобѣ уже богу, и здравому разуму противно было: ежелибъ печальные люди, никакой пользы и утѣхи себѣ найти не могли. Тѣло человѣческое, земля; а болѣзни его, тѣми же травами и вѣщми исцѣляются, которыя земля производитъ. Только всѣ эте лѣкарства, ко исцѣленію душевной болѣзни негодятся. Что болѣе человѣкъ старанія прилагаетъ, душевную печаль земными веселіями исцѣлить; тѣмъ сильнѣе печаль свою отягчитъ. А что больше ты, пользованіе сей болѣзни, день за день отсрочивать станешъ; тѣмъ неисцельнѣе оную здѣлаешъ.

2.

Разделеніе. Когда уже душа наша, образъ и подобіе всемогущаго Творца своего будучи, отъ самого бога произошла; то оную кромѣ божественнаго и духовнаго, ни что другое пользовать не можетъ. Но какъ тѣлеснымъ болѣнямъ, силою натуры и дѣйствомъ лѣкарствъ, желанная помощь чинится: такъ и Господь богъ, въ печаляхъ погруженымъ сердцамъ, сугубое основаніе пользы даровалъ. 1. Святое Слово свое. 2. А потомъ, употребленіе здраваго разума. Оба эте духовные способы, къ поспѣшествованію тишины и спокойства душамъ нашимъ, толь удивительнымъ образомъ соединяются; что къ тѣлесному здоровью, душевное исцѣленіе человѣку приносятъ. Ты отъ недостатку сего здоровья, часто охаешъ и мечешся; по примѣру такихъ больныхъ, которые немочь свою чувствуютъ; а что у нихъ подлинно болитъ, того сами незнаютъ. Душа, главнѣйшая твоя часть; а тѣло безъ души, ни что. Ежели душа больна, то и во всемъ человѣке ни чево здороваго нѣтъ. Буде она не довольна, и безпокойна; то и человѣку, во всей своей жизни также мало вкусу будетъ, какъ лихорадкою болящему въ ѣствахъ. Задумчивость съ сумнѣніемъ, а больше всего печаль съ не терпеливостію; всѣ твои безгрѣшныя забавы, власно какъ сладкое питье жолчью огорчитъ. Самая пріятность, совсѣмъ тебѣ омерзѣетъ; а легкая печаль, не сносною покажется. Лутчей твой другъ, подозрителенъ; а непорочное увеселеніе, противно тебѣ будетъ. Страхъ тобою такъ обладаетъ, что нетолько тѣнь опасности, ужасъ тебѣ причинитъ; да самъ всегда и всего бояться,

а при-

а притомъ безпрестанно печаленъ, и задумчивъ будешъ. Такой то туманъ на печальное сердце упадаючи, препятствуетъ тому; что солнце радости и удовольствія, осіять его не можетъ. Премногія мысли и сущія мечты, помрачаютъ въ человѣке день веселости; а ночной покой и сладкой сонъ нашъ, тужебною безсонницою пресѣкаетъ. Ѣствы наши, въ печаль; а напитки, въ слезы претворяются. Ни что такому человѣку не мило, которой въ себѣ не доволенъ; и такъ безпокоится.

3.

Есть, спокойные люди.

Недостойно ли жалости, такъ бѣдное состояніе душъ, сею печалью разболѣвшихся? Однако; гдѣ болѣзнь, тамъ и исцѣленіе: пока только жизнь въ человѣке есть. Хотя бы свѣтъ сей, всеобщей моровой домъ былъ; однако, моровое повѣтріе: не вездѣ, и не у всѣхъ въ одномъ градусѣ. Хотябъ ужѐ и отчаяніе близко было, такъ еще надежда съ животомъ осталасъ. Которой больной, облегченія себѣ не желаетъ; а кто изъ насъ, здоровью не радъ? Сіе, всѣмъ намъ [любезный читатель] общеусердное желаніе, ясно кажетъ; что ко исцѣленію поврежденнаго здоровья человѣческаго, способъ и лѣкарство есть. Правда: что всѣ мы, въ грѣшномъ несовершенствѣ пресмыкаемся. Жизнь наша, подобна непрестанной войнѣ; и вседневнымъ трудамъ бѣднаго работника. Ежели работнику не отдохнуть; а салдату въ непрестанной войнѣ, во всегдашнихъ трудахъ, въ походахъ, и въ работѣ быть: то, можетъ ли жизнь ихъ продлиться? Ежели мы сами себя безвременно погубить не хотимъ, то и намъ, такого себѣ покоя искать надобно; которой бы труды наши облегчать, а войну окончать намъ помогъ. По сему, не надобно ужѐ того говорить; будто мнѣніи о спокойствѣ суетны, и на семъ свѣте ненадобны. Ни какъ! Они, для того весьма нужны; что человѣкъ, также равно къ тихому и спокойному житью, какъ на вседневныя труды, и на обыкновенную работу родился. Хотя тѣлесныя нужды; много труда, заботы, и безпокойства человѣку причиняютъ: однако естественное состояніе души всякаго человѣка, къ тихому размышленію и къ спокойству, всѣхъ насъ равно склоняетъ. Въ семъ то; главному и

 лутчему

лутчему упражненїю нашему, состоять надлѣжало. богъ, ни одной склонности въ душу нашу даромъ не вложилъ. Ежели у всѣхъ людей, одно желанїе щасливыми себя учинить; то, всѣмъ намъ благополучнымъ быть можно. Когда всѣ мы, отъ естества равно удѣленную намъ склонность къ спокойству и къ тихой жизни имѣемъ, то для чего бы всякому человѣку, этой склонности не понять; а еи, напрасно въ насъ быть? Человѣку можно спокойнымъ, и собою довольну быть, съ такою умѣренностью; какъ мы дѣйству благодати божїя, и здравому разуму повинемся. Иное, во временной жизни совершенно: а иное дѣло, по человѣчески довольну и спокойну быть. Ангели, и живущїе въ небѣ святыя, сего наставленїя не требуютъ; да однимъ только на землѣ сущимъ грѣшнымъ людямъ, весьма оно надобно. Но понеже представленїе мое, далѣе сего не простирается: то я ни какихъ басенъ не пишу, да о томъ только говорю: чего на семъ свѣте искать надлѣжитъ, и что получить можно. Ежелибъ сею книгою предлагаемое спокойство, единой пунктъ было; то хотябъ всѣ души около ево лѣтали, однако бы не многїя; въ самой пунктъ трафили. Но понеже оно какъ пространное поле, всѣмъ открыто; а притомъ многїя раздѣленїи въ себѣ имѣетъ: то видно, что всякому человѣку въ этомъ спокойствѣ предовольно мѣста, и еще больше возможности къ тому есть; что бы разныя степени сего спокойства получить. Человѣку на сїе, больше того труда не надобно, какъ только собственной своей разумной натурѣ послѣдовать: а душу, какъ посуществу ея духовную, и безсмертную вѣщь; отъ земли, и отъ всѣхъ оныя тлѣнностей отводя, къ небеси, и къ превѣчному ея началу, то есть къ богу возводить. Чемъ больше мы сїе дѣлать, тѣмъ болѣе въ себѣ спокойства имѣть будемъ; а что меньше о семъ старанїя приложимъ, тѣмъ тижелѣ, и въ себѣ беспокойнѣе останемся: по точному примѣру тягости той земли, изъ которой человѣкъ сотворенъ; или какъ тѣ корабли со множествомъ желѣзныхъ гвоздьей, о которыхъ Палладїй пишетъ: будто въ Індїй лѣжащей магнитовой островъ, такъ крѣпко ихъ держитъ; что корабли, отъ сего острова отойти не могутъ. Подобное во всей твари; [натура] равное и подобное ему, естественно къ себѣ влечетъ: а земной умъ, земное и думаетъ. Тутъ, кромѣ безпокойства и жалобы; никакого добра нѣтъ. А просвѣщен-

ныя души, въ такое спокойное и вышшее мѣсто удаляются; о которомъ низко стоящіе, разсуждать немогши: весьма напрасно того спокойства не признаваютъ, котораго еще сами не вкусили; а о чувствованіи онаго никогда не старались. По сему мы, въ неудовольствіи своемъ сами виноваты; а на то ни мало не смотримъ, что сама разумная природа къ спокойству насъ ведетъ. Философы, отъ начала свѣта о многихъ дѣлахъ спорывались; но о семъ дѣле мнѣніи ихъ, удивительное между собою согласіе имѣли: что бы всякому человѣку того блаженнаго спокойства искать, къ которому всѣ мы родились, и онаго, весьма легко достигнуть можемъ. Хотя помянутые мудрецы, о разныхъ къ достиженію сего спокойства дорогахъ, многіе между собою споры имѣли; но о самомъ дѣле никто, и никогда еще изъ нихъ не сумнѣвался: что спокойное состояніе души человѣческой безъ болѣзни и безъ печалей, нетолько за крайнее благополучіе почитать, но онаго всею возможностью искать надлѣжитъ. Сего то удовольствія, всѣ разумные язычники ревностно искали; и нѣкоторые изъ нихъ сами признались, что сіе, всего на свѣте дражайшее сокровище, дѣйствительно нашли. Для чегожъ Христіянамъ, онаго не найти? Или одни Христіяне такъ жестоки, чтобъ у человѣка всю надежду отнять? развѣ мы себѣ сами того не хотимъ, чего варвары другъ другу желаютъ? Ежели Турокъ, жидъ, или Индѣецъ знакомаго увидитъ; то ево симъ обыкновеннымъ у нихъ привѣтствіемъ поздравляетъ. Миръ! Когда праотецъ Іяковъ, къ дядѣ и тестю своему Лавану итти хотѣлъ, то прежде всего спросилъ: имать ли миръ? Сіе тоесть всеобщее намѣреніе, котораго цѣлой свѣтъ достигнуть желаетъ. По семубъ разумное созданіе человѣкъ, безумнѣе всѣхъ тварей былъ; ежелибъ такого способу не нашелъ, которымъ бы самъ въ себѣ доволенъ, и спокоенъ быть; или бы душевному миру препятства, тоесть печали, облегчить могъ. Какъ бы тому статься, что люди о достиженіи такого мира сумнѣваются; или Христіянами называющіеся, противъ его спорятъ: а самая благодать божія, разумная природа, времена́ ветхаго и новаго завѣта, свѣтъ Евангелія Святаго, и просвѣщенной разумъ, такихъ великихъ мужей намъ представляетъ; которые въ наибольшихъ злополучіяхъ своихъ, спокойны были? Терьпѣніе Іовле, Давидовы искушеніи, съ бодрственнымъ ношеніемъ оныхъ; Павловы гоненіи, бѣды и

печа-

жечали, съ радостнымъ духомъ ивеселымъ сердцемъ, оставили въ родѣ человѣческомъ вѣчной тому примѣръ: какъ много здравой разумъ, а особливо благодать божія: къ истинному спокойству руковожденія, и помощи подаетъ? Только надобно отдать истиннымъ Христіянамъ преимущество, а Святому Евангелію власть и силу, въ превозходящей всякъ умъ утѣхе душъ скорбящихъ. Истинные исповѣдники, и послѣдователи
Къ корин- Христовы; во всемъ скорбяще, но неутужающе си; не-
фян: гл: 4. чаеми, но не отчаевами; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не погибающе; яко скорбяще, присно же радующеся. Ктобъ подумалъ усумнѣться, о исповѣданіи толь великаго Апостола: и такого, самимъ богомъ избраннаго Сосуда, которой за Христа, и за проповѣдь божественнаго слова его, столь много зла и бѣдъ самоизволно претерьпѣлъ; сколько злой свѣтъ сей, вымыслить могъ. Но всѣ эте горести, спокойству души его такъ мало вреда и препятства нанесть могли; что сей Языковъ учитель и во узахъ сидя,
Къ Филип- слѣдующее пишетъ. Азъ бо навыкохъ; въ нихъ же есмь, дово-
пис: гл. ленъ быти. Вѣмъ, и смирятися; вѣмъ и избыточествовати.
4. Навыкохъ бо и насыщатися, избыточествовати, и лишатися. Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ Іисусѣ. Кто сего непризнаваетъ, что спокойные христіяне естъ; тотъ [какъ видно] словамъ Апостольскимъ невѣритъ; или ужѐ все Святое писаніе съ Церковными преданіями отмещетъ: которое намъ нетолько радостныхъ мучениковъ, но и тысячу такихъ кроткихъ, а въсебѣ спокойныхъ, добродѣтельныхъ мужей представляетъ. развѣ эти новомодныя критики повысокоумію, или лутче сказать по безумію своему такъ скажутъ. Павелъ былъ Апостолъ, и отъ самаго бога просвѣщенной человѣкъ; а намъ ужѐ такова спокойства иждать нѣчего, какое онъ имѣлъ. Развѣ милость ваша, не такой же человѣкъ каковъ онъ былъ? Или нынѣ благодать божія, передъ тогдашнимъ умалилась? Или ужѐ, не посредственное божіе просвѣщеніе къ тому надобно; что бы человѣку разумъ свой, на успокоеніе себя прямо употреблять. Положимъ же; [напримѣръ] будто ты сего спокойства въ такой высокой степени получить не можешъ, какое Апостолъ Павелъ имѣлъ; однако ты, безъ сумнѣнія такъ спокоенъ быть въ состояніи: какъ Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека, Эпиктетъ, и Плютархъ со многими языческими Философами; не только о удоволь-

ствіи

ствїи много писали; но и въ тяжчайшихъ бѣдахъ своихъ самымъ дѣломъ показали, что они спокойные люди были. Весьма разумна сїя безчувственность, которая ихъ въ терпѣнїи, такъ великодушными, и толь спокойными творитъ. А стоическая крѣпость сихъ мужей, еще большей хвалы за то достойна; что въ терпѣнїи напастей, отъ часу болѣе ихъ ожесточала. Напротивъ того думаю: что особливая, отъ спокойства къ хвастовству ведущая гордость сихъ Философовъ, истиннаго удовольствїя вкусить, никогда не допускала. Предложенныя отъ нихъ къ собственному утѣшенїю доказательствы, такъ изрядны и сильны; а наставленїи ихъ, столь разумны и важны, что и самого тебя въ томъ увѣрятъ; будто оныя, отъ добраго намѣренїя самоизвольно произошли. Всѣхъ тѣхъ людей хвалить будешъ; которые стопамъ сихъ славныхъ мужей, до нынѣ послѣдуютъ. Хотя высокой и мало виданой разумъ ихъ, главное руководство къ тому подалъ; однакожъ бы намъ очень стыдно было, ежелибъ язычники, умнѣе Христїянъ поступили. Это также будетъ глупо, какъ бы кто сказалъ: будто человѣкъ въ сумерки лутче, нежели въ полдни видѣть можетъ. Сами вы благосклонный читатель увидите; сколько здравой разумъ, къ человѣческому спокойству способствуетъ: ежели добрыя мнѣнїи предъ симъ объявленныхъ язычниковъ, противъ печальныхъ обстоятельствъ жизни ихъ, здраво разсудите. Что можетъ чувствительнѣе сего быть; какъ бѣды и нещастїе за то терпѣть, что человѣкъ добро дѣлаетъ? Что болѣзненнѣе сего, какъ отъ тѣхъ людей гониму, поругану, и не навидиму быть; которымъ человѣкъ истинной пользы ищетъ? Что сего печальнѣе, какъ за истинную ревность о всеобщемъ благополучїи, изъ отечества своего выгнану быть; которому человѣкъ многїе годы крайнею ревностїю служивши, за его пользу, не только всего имѣнїя лишился: но и здоровье свое потерялъ? Притомъ же съ крайнею болѣзнїю сердца своего видѣлъ, какъ надъ нимъ враги его смѣются; а друзья, всю вѣрность нарушили. Не назовешъ ли и ты сихъ обстоятельствъ, съ помянутыми предъ симъ мужами; злымъ, и великимъ нещастьемъ? Хотя такое, и еще большее злоключенїе, многимъ добродѣтельнымъ язычникамъ случилосъ; только они, всякимъ бѣдамъ супротивляясь, на тѣ поры весьма бодрствовали; какъ здравой разумъ имъ присовѣтовалъ,

божественныя заповѣди твердо наблюдать. Сократъ, всѣ свои труды въ то полагалъ; чтобъ ему молодыхъ людей добродѣтельными, а старыхъ, благополучными учинить. Злоба грубыхъ невѣждъ, и корысть свою безмѣрно любящихъ людей; Сократовой добродѣтели терпѣть не могла. Знатной у Афинянъ Анитъ; ложными обвиненіями, Сократа озлобляетъ. Комендіанты были къ тому подкуплены, что бы сего добродѣтельнаго мужа, на театрахъ публично ругать; а наконецъ, по многихъ ложныхъ свидѣтельствахъ, приговорили сего великаго мужа къ смерти, въ сущей его неповинности. Во всѣхъ сихъ бѣдахъ не унывающей Сократъ; на слезы друзей, жены, и дѣтей своихъ спокойно, смотрѣлъ. На враговъ своихъ не жалуется, да только бога пѣніемъ хвалитъ: а предстоящимъ, полезное наставленіе даетъ. Утѣшается разговорами о благости божїей; а скорбь съ болѣзнію сердца своего, услаждаетъ мудрымъ разсужденіемъ, о блаженной и вѣчной жизни. Напоминаніе о воздаяніи праведнѣйшаго бога; возбуждаетъ его, къ непоколебимому терпѣнію. Поднесенную ему съ ядомъ чашу, за здоровье враговъ своихъ, безбоязненно выпиваетъ. Наконецъ, уснулъ Сократъ сномъ вѣчнымъ; въ мудрыхъ разговорахъ о безсмертіи души. Безчеловѣчіе Цесаря Нерона; дядькѣ, и перьвому его Министру Сенекѣ, подало притчину ко утѣшенію себя, о неблагодарности ученика своего. Изъ Сенекиныхъ писемъ можно лутче усмотрѣть, какъ велика кротость его была. Цицеронова печаль, тѣмъ мучительнѣе ему казалась; чѣмъ долговременнѣе сей славной человѣкъ, отечеству своему полезнымъ себя учинить, крайнія силы прилагалъ: а надъ всѣ свои бѣды, единой дочери Тульліи лишился. Послѣ ея смерти, сѣдинами украшенной старикъ; не только отъ враговъ своихъ гонимъ, но отъ всѣхъ друзей хотя и оставленъ, однако въ такихъ бѣдахъ не унывая, къ пріятелю своему, такъ пишетъ. Какъ намъ отъ змѣинаго угрызенія, разныя лѣкарства даны; какъ труды съ прилѣжаніемъ, бѣднаго человѣка отъ убожества охраняютъ. Какъ мы стыдѣніе, вмѣсто ружья и обороны отъ бесчетной роскоши, изъ рукъ разумной природы получили: такъ власно премудрость, вмѣсто лѣкарства роду человѣчу на всякое зло, отъ безсмертнаго бога дарована. Отъ ея то десницы; преодолѣніе самаго себя, спокойство, и удовольствіе сердца моего: а при

томъ

томъ не только власть надъ всѣми вождѣленіями, но все мое нынѣшнее терпѣніе и кротость въ бѣдахъ, горестной Цицеронъ получилъ. Никогдабъ я при изгнаніи изъ отечества моего, такъ спокоенъ: а посреди сіянія всей чести своей такъ воздерженъ, или въ нынѣшней печали столь разуменъ и крѣпокъ быть не могъ; ежелибъ ты, о блаженная и великая премудрость, вразумительница честныхъ и добрыхъ нравовъ: мнѣ въ немощахъ моихъ силы, и возможности къ тому не даровала. Я сюды Цицерона за тѣмъ привожу; что нѣкоторые буйственники, сего славнаго мужа робкимъ человѣкомъ, весьма напрасно звали. Хотя онъ сперьва о нещастьѣ своемъ много жаловался, и никакой помощи съ утѣхою найти себѣ не могъ; но какъ полезныя книги читать, отъ себя новыя издавать, и умными разсужденіями ободряться началъ: то весьма, и такъ въ себѣ перемѣнился, что суету и ничтожество всего свѣтскаго здраво разсудя, и ни о какихъ своихъ бѣдахъ не печаляся; къ другу своему Аттику, такъ пишетъ. Нынѣ ужея на свѣте, ничего выше доброй совѣсти не почитаю; а другое все того не стоитъ, что бы человѣкъ о чемъ нибудь печалился. И я не хочу въ печаль вдаваться; которая человѣка умертвить можетъ, буде ей не попротивиться. Ни къ роскоши въ подданство за тѣмъ не пойду; что она, умному человѣку не пристойна. Вмѣсто обѣихъ, стану себѣ облегченія искать въ наукахъ. Мнѣ, въ нынѣшней горести моей, то лутчая отрада: что я время получилъ, двѣ книги о должности человѣческой написать. буде и ты желаешъ отъ своихъ напастей свободиться; то сего утѣшенія, у одной мудрости ищи. Хотя въ злостяхъ утопающей Антоній, сего добродѣтельнаго мужа отъ часу жесточаѣ гонитъ; однако Цицеронъ мудрыми разсужденіи укрѣпясь, изъ сылки своей, къ тому же Аттику слѣдующее пишетъ. И за это я, божественной премудрости благодарить долженъ; что она, не только отъ всякой печали меня удалила: но и противъ жесточайшихъ нападковъ, крѣпко вооружила. И тебѣ дорогой мой Аттикъ, дружески совѣтую; тожъ самое дѣлать. бѣдной, и хромой Эпиктетъ; такое увѣщаніе намъ далъ. Хотя хроманіе, ногѣ и препятствуетъ; только доброй волѣ, нималаго помѣшательства здѣлать неможетъ. Великой въ Римскихъ Цесаряхъ Императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ, по прозванію Философъ; при всѣхъ дѣлахъ Монарша правленія своего, спокойное сердце имѣя;

 мало

мало на то смотрѣлъ, знаютъ ли прото другїе люди. Для того, въ концѣ третей своей книги, такъ о семъ пишетъ. Хотябъ никто тебѣ въ томъ не вѣрилъ; что ты не порочно, праведно, честно, спокойно, постоянно, и богу угодно живешъ: однако ты ни на кого не смотря, и не сердясь, тоюжъ прямою дорогою по прежнему поди; которая тебя въ покоѣ, къ концу дней твоихъ ведетъ. Только сїе; безпринужденїя, безъ насильства, безъ притвору, во всякой кротости, и отъ всего сердца своего дѣлай. Подитежъ безпокойные люди; и не говорите того, будто спокойства на свѣте нѣтъ. Подите маловѣрные Христїяне; научитесь премудрости, у невѣровавшихъ во Христа. Подите буїи, и туманные головы. Стыдитесь о нетерпеливости вашей. Бѣгите неразумные, и научитесь разума у язычниковъ. Не думайте того; будто этѣ добродѣтельные люди, васъ обманули. Они, больше того претерпѣли; нежели я здѣсь описать могу. А о томъ; дѣла и книги ихъ, твердо насъ увѣряютъ, что они въ себѣ совершенное спокойство имѣли. Всѣ сїи славные люди; какъ объ одномъ, такъ и о другомъ, довольно разсуждали: но спокойство въ сердцахъ ихъ, всѣ болѣзни преодолѣло. Этѣ славные мужи, такъ великїе люди были; которые въ самомъ дѣле искусясь, сущую истинну написали. Для того мы имъ, безъ всякаго сумнительства и прекословїя вѣрить должны. Когда уже язычникамъ, при свѣче естественнаго разума удалось, сквозь темноту печалей пройти; то какъ Христїянамъ въ полномъ свѣте Святаго Евангелїя, большаго и лутчаго не уповать? Мы, слава богу! Несравненно величайшїя передъ язычниками пользы имѣемъ. Основанїи нашего утѣшенїя, тѣмъ сильнѣе языческихъ утѣхъ; что благодать и милость божїя, съ преестественнымъ дѣйствїемъ Духа Святаго, всякъ умъ превосходитъ. Разумнаго служенїя отъ Христїянъ требующїй богъ, отнюдь того не желаетъ; чтобъ они въ печалехъ своихъ безумны были. Христїянинъ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, такой притчины къ печали не имѣетъ, какъ язычникъ. Святая вѣра, и здравой разумъ, желаемые Христїянамъ способы къ тому подаетъ; дабы они во всякихъ злоключенїяхъ своихъ скорѣе опамятоваться, и утѣшенїе себѣ найти могли. Многїе добродѣтельные Христїяне; сугубою помощїю благодати божїя, и разумной природы,

такъ укрѣпились; что къ собственному утѣшенію, и къ наставленію другихъ людей, цѣлыя книги написали: которыя тѣмъ сильнѣе, что издатели ихъ, сами во всемъ искусились. Славной дю Муленъ, [издатель книги миръ душевной] не послѣдней изъ нихъ. Многія не щастіи, научили его терпѣнію, и утѣшенію въ печаляхъ: о которыхъ онъ въ предисловіи на помянутую книгу, слѣдующее пишетъ. Предъ нѣсколько лѣтами, ѣхалъ я моремъ. Какъ жестокою бурею по разбитіи нашего корабля, бывшихъ со мною людей въ неизвѣстныя мнѣ мѣста разсѣяло, а меня одного на берегъ выбросило; то я сѣвши у берегу, на волнующееся море спокойно смотрѣлъ. Прежнее мое состояніе съ житьемъ, къ нынѣшнему спокойству, за тѣмъ прилично и весьма способно было; чѣмъ меньше оно мнѣ, къ печали о иномъ причины оставило; что уже прошло, или еще впредь будетъ. Я чувствовалъ такое желаніе; какъ бы сей настоящей часъ покоя, къ будущему утѣшенію моему, со всякимъ успѣхомъ употребить. Притомъ хотѣлъ отвѣдать; не можноль мнѣ будетъ успокоеніемъ самого себя, спокойство и утѣшеніе другихъ людей поспѣшествовать? Та половина пустой земли, гдѣ я былъ; подала мнѣ къ симъ разсужденіямъ только четыре книги. библію, натуру, провидѣніе божіе, и человѣка. Его то мнѣ, изъ сихъ трехъ книгъ; исправлять, и успокоивать надлѣжало. Хотя человѣческой разумъ, къ тому и способенъ; однако божіей мудрости и силѣ, въ этомъ великомъ дѣле, на и болѣе дѣйствовать должно. На двухъ колесахъ, гораздо лутче ѣхать, нежели на одномъ. Одна Харронова кривая Философія, конечно того не здѣлаетъ. А дабы ни чего не упустить, что къ сильному утѣшенію печальныхъ сердецъ служить можетъ; то я правила вѣры, и здраваго разума, такъ соединю; что бы всякъ разсудить могъ, какъ мало человѣкъ причины имѣетъ печалиться. Самъ богъ, и собственная природа наша, всечасно насъ утѣшаетъ. Но понеже люди разсужденіемъ, больше и скорѣе всего побуждаются; то я не столько разумныя, но больше Христіянскія разсужденіи о спокойствѣ человѣческомъ употреблю; а Господа бога о благословеніи, и о помощи на сіе дѣло молить буду.

4.

Притчины безпокойства нашего.

Мнѣ въ начало сего дѣла, должно поступить по примѣру лѣкарей; которые у болящихъ, прежде пользованія; спрашиваютъ о притчинѣ болѣзни ихъ. А понеже я ко успокоенію человѣческому, руководство дать намѣренъ; то мнѣ прежде всего, притчины не удовольства изслѣдовать надлѣжитъ. Только не спокойствъ всякаго человѣка порознь, за тѣмъ разсматривать не буду; чтобъ письму моему также бы конца не было, какъ жалобамъ всякаго человѣка, окончанія не будетъ. Хотя бы я и все описалъ, такъ бы по довольномъ разсмотрѣніи нашлось; что лутчее изъ того, ни малаго труда нестоило. И тобъ напрасная работа была; ежелибъ дражайшее спокойство, такимъ строптивымъ людямъ надмѣру выхвалять; которые по вздорному нраву своему, всякой день, изъ малѣйшихъ припадковъ; новыхъ притчинъ къ ссорамъ, и къ безпокойству сами ищутъ. Строптивой нравъ сихъ вздорныхъ людей, ни какихъ умныхъ представленей слушать не хочетъ. Отъ сихъ строптивцовъ, власно того же ждать, и надѣяться должно; что отъ молодого пива, или отъ винограднаго вина; которое въ тѣ поры устоявшись чисто будетъ, какъ перебродитъ: а дрожжи его, на низъ опадутъ.

5.

А во первыхъ, грѣшныя вождѣлении.

У всякаго безпокойства, весьма горькой коренъ. Человѣкъ, въ беззаконіи зачатъ; а вогрѣсехъ рожденъ. Симъ удаленіемъ отъ бога; наполнился онъ, [по точному примѣру, изъ тѣла вывихнутыхъ членовъ] всякаго безпокойства, и болѣзней. Человѣкъ, имѣетъ душу и тѣло. Душевныя силы, грѣхомъ умалились; а тѣлесная въ немъ мочь, сильнѣе стала. Въ тѣле, пять чувствъ; а всякое изъ нихъ, разныя случаи, и особливые припадки съ поощреніями въ себѣ имѣетъ. Чрезъ сіе, и отъ того то; страсти съ вождѣленіями въ человѣке родятся. Какъ воздухъ, и вѣтръ съ погодою; къ плодородію и къ неплодству земли, естественно способствуетъ: такъ тѣлесныя чувства, къ продолженію, и къ пресѣканію жизни нашей; отъ природы устроены. Сожалѣнія достойное дѣло было; что этѣ Амморей въ обѣтованной землѣ, власть и верьхъ взявши: самого Израиля какъ врага своего, беззаконно утѣсняли. Въ то время бѣдная душа, разными способы искушаема; а сердце человѣческое, безчи-

сленными

сленными страстьми терзано, и раздираемо было. Иногда любовь, или ненависть; временем омерзѣніе, или желаніе; однимъ часомъ смѣлсство, или робость; а другою порою гнѣвъ, или жалѣніе; страхъ, или надежда; увеселеніе, или скука; печаль, или радость; упованіе, или отчаяніе; упрямство, или стыдъ; роскошъ, или болѣзнь; ревность, или мщеніе; сердце наше попеременно терзаетъ. Всѣ эте страсти, душу человѣчу, власно какъ сильные вѣтры лодку; съ одной волны на другую безпрестанно бросали. Естественное души нашей желаніе вѣчнаго блага; честью, роскошьми, или богатствомъ, непрерывно пресѣкали. Сими то страшными орудіями: душу, съ высоты спокойства и удовольствія, въ ровъ печалей и безпокойства, низвергнуть старались. Не разсужденіе; отъ поощренія сихъ страстей, умножилось чувствами. Чувствы, жестокими страстьми обманулись; а обое, не только сильную помочь къ непорядкамъ подало: но одно мечтаніе, на самой престолъ разума взошедши, хотѣло жизнь человѣческую; ложно затвердѣлымъ мнѣніемъ, заблужденіемъ, прелестными новыми модами, не правдою старыхъ обычаевъ, развращеннымъ мнѣніемъ, и пагубнымъ самолюбіемъ, въ совершенное смятеніе привесть. Чрезъ сіе то человѣкъ, отъ первозданной природы своей; день за день, больше удалился. Разумная природа его; чиста, проста, праведна, непорочна, кротка; любовна, тиха, и спокойна была. Человѣческое спокойство, тѣмъ болѣе потерялось; чѣмъ больше человѣкъ разумное созданіе, отъ премудрѣйшаго Создателя; а за тѣмъ уже, и отъ своей разумной природы, къ собственному нещастію отвратился. Цесарь Маркъ Аврелій; въ 20 главѣ, девятой книги нравоучительныхъ разсужденей своихъ; многія изъ тѣхъ вѣщей объявляетъ, которыя къ человѣческому безпокойству; притчину, и поводъ подаютъ. 1. Мечтаніе; 2. безумное самолюбіе. 3. Отъ него произходящее скрываніе грѣховъ и неправдъ своихъ, ложью и притворствомъ. 4. Вожделеній, то есть похоти плотскія. Хотя у души разумныя силы и есть; только душа, тѣснымъ соединеніемъ съ тѣломъ своимъ сплочена: а сіе тѣло такія скотскія дѣйства свои имѣетъ, которыя всегда на душу воюютъ; и ей, безпрестанно противятся. Пока душа, собственныя силы и преимущества свои употребляетъ; или только, безпрестанно объ нихъ помнитъ: то, хотя она сіе и чувствуетъ, что плотскія страсти, еѣ поощряя искушаютъ, и сильно

Мечтаніе.

борютъ;

борютъ; однако душѣ, немедлѣнно въ память то приходитъ, что этѣ плотскія страсти, скотамъ сродны, и имъ однимъ приличны: а разумной душе, весьма не пристойны: и слѣдственно вредны. буде же душа сего не помня, въ чувственныя вѣщи такъ углубится, что сама себя забудетъ; то мнѣніе, вмѣсто разума: на престолъ его сядетъ. Сія мысль; строитъ въ головѣ у человѣка разные, и ему пріятные образы, съ ложнымъ представленіемъ о земныхъ вѣщахъ: смотря потому, какъ оно чувствами и страстьми ихъ, черезъ скорость жизненныхъ духовъ, поощряется; и движимо бываетъ. Оно то человѣку; всякое своевольное представленіе, за самую правду на сильно внушая, не велитъ тому вѣрить, что собственное тѣло его чувствуетъ: а здравой разумъ, сущею истинною кажетъ. Это жестокое и свирѣпое мнѣніе, призываетъ къ себѣ въ помочь старой обычай; а природную у души склонность къ спокойству, шумомъ многихъ, только все ложныхъ свидѣтелей, и примѣровъ; очень хитро заглушаетъ. Оно же человѣка, почти отъ самаго младенчества; развращеннымъ мечтаніемъ прелыщая, ко всякому злу влечетъ. Такимъ то образомъ; во нравѣ и въ сердце у человѣка, вмѣсто природной искренности и чистоты; злыя, и развращенныя мысли насаждаются: а изъ нихъ ужѐ, пагубныя мечты, съ безпокойствомъ сердца родятся. Всякое время человѣческаго возраста; [младенчество, юношество, или молодость; лѣта мужескія, и старость] мнѣніе, по новой модѣ, и по указанію пяти чувствъ, принимать хочетъ: а разумъ и здравое разсужденіе, самолюбіе славнѣйшихъ на свѣте; такія ложныя мнѣніи всегда при себѣ держитъ, питаетъ, и нѣжитъ. Почитаетъ ихъ за изрядные способы къ закрученію головы, и къ приведенію людей въ покорность себѣ. Все сіе, для того дѣлаютъ; что къ мудрому обладанію собою, крайне нужной разумъ, головою потеряли. Въ такихъ то вѣщахъ, и дѣлахъ; мечта съ ложнымъ мнѣніемъ, гораздо больше нежели разумъ, участія имѣетъ. Они то жизнь человѣческую, на и болѣе мучатъ. Разумъ, отъ мечты; малоуміемъ затмѣняется. Разумная и добрая воля, отъ послѣдованія истинному благу; зажженными мечтами о ложныхъ, а не о истинныхъ благихъ: сильное препятствіе терпитъ. Тожъ мечтаніе, человѣку внушаетъ; будто намъ ни что такъ не сродно, какъ болѣзни тѣла нашего. Тутъ ужѐ бѣдная душа, мѣры свои по тѣлу беретъ;

Развращенныя мнѣнія.

беретъ; а жизнь, уподобиться тому: будто весь человѣкъ только одно тѣло, а души въ немъ нѣтъ; чему статься не возможно. Временемъ, тѣлесныя мудрованїй верьхъ надъ душею взявши, такїя ложныя мысли изыскиваютъ; которыми бы тѣлу, не порядки и погрѣшности свои: какъ, и чѣмъ можно, скорѣе замазать. Человѣкъ, самъ себя безпокоитъ, и обманываетъ; вымышленнымъ различїемъ между правдою, и между пользою. Сверьхъ того; въ разсужденїяхъ о самомъ себѣ, такъ далеко идетъ: что ни чего полезнымъ непризнаваетъ, кромѣ такихъ вѣщей; которые только могутъ чувства удовольствовать, и до одного тѣла касаются. Тогда вождѣленїй наши столько воюютъ, сколько гражданскїе законы дозволяютъ. Это они для того дѣлаютъ, что уже́ совершенно ослѣпшее самолюбїе; между добромъ и зломъ, никакого различїя больше здѣлать не можетъ. Что ему по нравится, то онъ добромъ и называетъ: а что здѣлать можетъ, то его и право. Молодые, получаютъ сїю бѣдность въ наслѣдство отъ старыхъ; а малые, отъ большихъ. Развращенное воспитанїе, затьмѣняетъ разумъ; а худой обычай, подкрѣпляетъ у человѣка злую волю. Темнота, столь больше и гуще становится; чѣмъ болѣе душа наша, отъ превѣчнаго Свѣта, и бога своего удаляется: а сїянїе, отъ самого Творца дарованнаго ей луча; чувственностьми и вождѣленїями бреннаго тѣла своего, совершенно помрачаетъ. Такимъ образомъ родится то заблужденїе, которымъ человѣческое безпокойство, весьма поспѣшествуется; а состоитъ сїе заблужденїе въ неправедномъ разсужденїи о добрѣ, и о злѣ: или уже́ въ томъ; что человѣкъ, на душевныя стяжанїи свои не смотритъ: но внѣшнїя, тоесть тѣлесныя; какъ самые постороннїя, и душе не принадлежащїя имѣнїи, за свои собственныя, ложно признавая: временное, выше вѣчнаго; весьма не праведно почитаетъ. Душа наша, имѣетъ природную склонность къ такому благу; которое, самой ей подобно: тоесть праведно, непремѣнно, духовно, и вѣчно. Сей лучъ божественной правды, супротивленїемъ мѣшающихся между имъ, тѣлесныхъ вѣщей; весьма часто пресѣкается. Чувственность, родитъ такое ложное мнѣнїе; которое, мечтательнымъ видомъ тѣлеснаго подкрѣпляючись: въ тѣле волнующуюся душу, на тлѣнномъ основанїи утвердивши, спокойною учинить думаетъ. Но вѣчная склон-

Заблужденїе.

склонность ея къ нетлѣнному, весьма сему противится. Природное души нашей желанíе, простирается далѣ. Чемъ больше тѣлесное мнѣнíе душу нанизъ влечетъ, тѣмъ сильнѣе безпокойство душевное, для того умножается; что все видимое на свѣте, тлѣнное и временное будучи: не тлѣннаго и вѣчнаго существа, тоесть души; насытить, и удовольствовать не можетъ. За сíе то начинается междоусобная брань, или домашняя война у здраваго разума, съ ложнымъ мнѣнíемъ: а у доброй совѣсти, съ тѣлесными страстьми и похотьми. Хотя мы на семъ свѣте, и временно живемъ; однако къ другому вѣчному свѣту, и къ безконечной жизни сотворены. Для сей притчины, должно удовольствíю нашему въ наслажденíи настоящимъ, весьма не совершенну быть; за тѣмъ, что человѣкъ естественнымъ образомъ, всегда будущаго желаетъ Главное его увеселенíе въ томъ, чего еще нѣтъ; а лутчее благополучíе, утверждается на отсудствующемъ. Сей то ради важной притчины, человѣкъ; настоящею и маловременною тлѣнностíю, доволенъ быть не можетъ: ежели души своей будущимъ, вѣчнымъ, и не тлѣннымъ; еще на семъ свѣте живучи, заранѣе не насытитъ. Которые люди къ сему великому дѣлу несклонны, и за благовременно себя ко оному непрíучаютъ; тѣ настоящимъ житьемъ и состоянíемъ своимъ, довольствоваться не могутъ; каковобъ оное изрядно нибыло. Много уже видано, что этѣ люди; дѣйствительную честь свою съ настоящимъ имѣнíемъ, на полученíе такой суетной чести, мечтательныхъ чиновъ, и ложныхъ стяжанѣй отваживаютъ: которыхъ въ самомъ дѣле нѣтъ, но въ одномъ только мнѣнíи стоятъ. Жизнь, отъ бога удаляющихся людей; страхомъ, и надеждою; вождѣленíями, и попеченíемъ; чаянíемъ и сумнительствомъ: безпрестанно раздирается. А понеже человѣкъ таковъ родился, что всегда желать долженъ; то ему до тѣхъ поръ спокойну быть не льзя, пока развращеннаго мнѣнíя о ложномъ изрядствѣ всего плотскаго, совершенно не отложитъ: а вмѣсто ихъ, вѣчнымъ благомъ веселиться не начнетъ.

6.

Удаленíе отъ бога.

Сíе непремѣнно вѣчное и дражайшее благо, есть богъ; отъ котораго человѣкъ, грѣховнымъ паденíемъ своимъ удалившись; на себя самого, а особливо на тлѣнную часть человѣчества, то есть

есть на бренное тѣло свое; выше всѣхъ мѣръ, крѣпко положился. Чрезъ сей то способъ, и человѣкъ; также власно какъ гнилое тѣло его: не постояненъ, злобенъ, безпокоенъ, и многими болѣзньми наполненъ учинился. Хотя у него та изрядная склонность и осталась, чтобъ ему благополучнымъ; тоесть въ себѣ спокойнымъ, и собою довольну быть: только чувственныя вождѣлѣнія, а яснѣе сказать плотскія похоти, такое заблуждение въ человѣке причинили; чтобъ ему спокойства своего внѣ, и кромѣ бога; въ самомъ себѣ и въ собственной тлѣнности, тоесть въ гниломъ тѣле его: или въ подобной ему видимой твари, безразсудно искать. Тѣмъ то безпокойство человѣческое, для того больше умножилось; что нетлѣной духъ въ человѣкѣ, тлѣнностью насытится: и удовольствовать себя не могъ. безъ желания, бѣдному человѣку не льзя было жить; а природа его, научила самого себя любить. Но понеже самолюбіе человѣческое, послѣ паденія его, отъ прихотей такъ непорядочнымъ здѣлалось; что человѣкъ, не столько бога, яко верьховнѣйшее благо свое: да больше самого себя, и тлѣнное тѣло свое любить сталъ; то, какъ природное не достаточество, такъ и безмѣрное самолюбіе, долженствовало человѣка мучить. Онъ искалъ такого блага, которое бы также вѣчно было, каковъ самъ человѣкъ; только сего добра въ гниломъ тѣле своемъ, и въ видимой твари, найти немогъ. Но понеже сіе, не подлинное мѣсто спокойства, и удовольствія человѣческаго было; то безразсудной человѣкъ, въ великое неспокойство пришолъ, наподобіе такихъ прохожихъ; которые при нощной темнотѣ, отъ большой дороги удалясь: въ болота, и въ боераки забредутъ. Человѣкъ; желаемаго себѣ всегда искалъ, а найти не могъ: тоесть, удовольствія въ наслажденіи вѣщми свѣта сего. Чѣмъ болѣе духъ, и умъ человѣческой; отъ чувствъ заглушенъ, мечтаніемъ настращенъ, вождѣлѣніями подавленъ, а отъ злаго обычая, утѣсненъ быть сталъ: тѣмъ меньше силы и возможности у человѣка на то осталось, что бы душевную любовь къ превѣчному благу, тоесть ко Творцу и богу своему, по должности устремлять; а сердце и умъ по естественному долгу, къ нему же Господу своему, не престанно возводить. Для сего то бѣдной человѣкъ; безпокойными мысльми, весьма долго мучился. Пагубное самолюбіе его, побуждало человѣка къ тому; что бы онъ, однимъ собою

Не разумное желаніе.

 доволь-

довольствовался. Но отъ сего ложнаго внушенія, и само за тѣмъ въ великой страхъ пришло; что самолюбіе изъ средины удовольствіа бѣжавши, къ ужасному рву крайней погибели приступило. Мечтаніе человѣческое, въ движеніе приведенными чувствами, такъ возбуждается; что всякому изъ насъ ложно внушаетъ, будто человѣкъ, много такихъ припадковъ внутрь себя чувствуетъ: которыя, только тѣ люди внѣ человѣка находятъ; съ коими онъ любовію, и желаніемъ соединился.

7.

А особливо скупость.

Котораго человѣка природа, склонность, обычай, и прихоть, къ любленію денегъ влечетъ; тотъ никакой вѣщи выше золота да серебра неставитъ, и ничего больше того не желаетъ; какъ, и чѣмъ бы ему; не насытство свое удовольствовать. Какъ такой скупецъ не разумно себя любитъ, такъ безумно о себѣ и печется; буйственнымъ хватаніемъ того, что къ его мнимому содержанію надобно. Но понеже онъ, у Творца всего мира; честь попеченія и промысла его, не только обо всемъ родѣ человѣческомъ вообще: но о малѣйшей птицѣ, и о послѣдней твари порознь, юродственно отнимаетъ; то и богъ, въ такое порабощеніе скупого предалъ: что бы ему надежду свою на золотыя, на серебреныя, да еще на мѣдныя слитки положить. Сіе злое вожделѣніе толь ядовитѣе, и тѣмъ неизцѣльнѣе: чѣмъ больше съ невѣріемъ соединено. Роскошной, утрудясъ; со временемъ устанетъ. Честолюбивой, по довольномъ времени безуміе свое узнавши; все любленіе суетной чести, оставитъ. Одна только скупость, со временемъ умножается; старостью подкрѣпляется; и часъ отъ часу, бѣшенее бываетъ. Чувства; силу свою, съ тѣмъ же временемъ теряютъ. Ухо, наслушается; а желудокъ, скоро наѣстся. Руки, устаютъ; а ноги, притупляются. Одинъ только глазъ у человѣка, никогда зрѣніемъ не насыщается. Сей ради притчины, скупость, во Святомъ писаніи, похотью очей для того названа: что скупой человѣкъ, все передъ глазами, и въ рукахъ у себя имѣть желаетъ; а тому вѣрить не хочетъ, чего не видитъ. Тотъ же скупякъ, другимъ людямъ; ни когда, и ничего удѣлить не хочетъ. Онъ; и собственныя желаніи, власно также непостоянными дѣлаетъ, какъ глаза свои: которыя ежеминутно, что ни будь

новаго

новаго увидѣть желаютъ; а никогда наглядѣться, и ничѣмъ себя насытить не могутъ. Едва только скупой, къ заграбленію богатства руку протянетъ; а уже скупости ево, серебренныхъ кучъ, и мало кажется. Еще мѣшокъ не полонъ, и къ совершенному вороху серебреной пыли, многова не достаетъ. Изъ остатковъ; надобно новому капиталу быть. Отъ всякой трети года, надобно знатное число денегъ въ особливой сундукъ положить. Для сихъ притчинъ, скупякъ; у собственнаго рта, и отъ вседневнаго содержанія домашнихъ своихъ, многое: въ такомъ безчеловѣчномъ мнѣніи отымаетъ, дабы деньгамъ лишняго росходу не было; а ему бы, процентной суммы не тронуть: да [по его варварскому слову] чѣмъ нибудь, и хотя съ голодомъ по поламъ, нищетски пробавляться. То уже горше всего; что скупой, во всякомъ довольствѣ и въ великомъ изобиліи своемъ, всегда нищъ, и безпрестанно алченъ; а по живому мнѣнію его, во всемъ не достатокъ терьпитъ. Саломонъ; уподобляетъ сіе ни чѣмъ не наполнимое желаніе скупыхъ, не сытому аду: а служителей этой страсти, слѣдующими словами описываетъ. Адъ, и погибель, не насыщаются; такожде и очи человѣчестіи, несыты. [Притчи: Саломон: Гл: 20.] Какъ тамъ спокойству быть; гдѣ сердце человѣческое, никогда того не подумаетъ, и само въ себѣ не скажетъ: полно мнѣ. Возможноль тамъ удовольствіе, и внутреннюю тишину найти; гдѣ ненасытное желаніе, отъ одной погибели къ другой бѣжитъ? Вѣтромъ торгующія Агличане да Французы, отъ того скоро въ бѣдность приходятъ; что за пустою, и вѣтренною прибылью бѣгаютъ. Одинъ другова, сею язвою заражаетъ; а потомъ уже взапуски вѣшаются, и другъ передъ другомъ, на перерывъ стрѣляются. Въ такое точно безуміе впадаетъ скупой; силою страстй, и вожделѣней его. Онъ, сердцемъ своимъ отъ Всемогущаго отступилъ; а божію любовь его, съ бездушнымъ богатствомъ такъ соединилъ: что скупость, глаза ево со всѣмъ ослѣпивши; умъ, и чувства скупого: совершенно помрачила. Ежели у нево денегъ мало; то скупякъ о томъ крушится, что дражайшаго идола своего неимѣетъ. Это безумное попеченіе; такія безпокойства въ человѣкѣ раждаетъ, какъ бы ему денегъ промыслить: которыхъ всякими неправдами, и крайнею возможностью ищетъ. буде же у нево денегъ много; то опять, двойное безпокойство скупова мучитъ. Сребролюбіе, возрастаетъ съ

 богат-

богатствомъ ; а сребролюбецъ, печалится о томъ : что у него не столько богатства , сколько онъ желаетъ . больше, того боится ; что бы въ рукахъ находящагося не потерять . Сїе безпокойство ; наполняетъ скупова не вѣроятностью , и подозрѣнїемъ . Обѣ этѣ страсти ; бѣдную душу ево , какъ вихремъ вертятъ ; а сердце ускупова, такъ власно какъ черьви дерево точатъ . Ежели у нево деньги , какимъ нибудь способомъ пропадутъ ; то страхъ съ ненасытствомъ , да съ отчаянїемъ совокупясь : сердце и мысль ево , не престанно терзаютъ . Основанїе всей надежды его , въ землю уходитъ ; а любовь къ серебру, за нимъ же обваливается . Скупой , внѣ себя будучи , весьма ложно думаетъ ; будто со всѣмъ пропалъ . Погибшее богатство ; сердце ево укравши , съ собою унесло . Мука его , тѣмъ больше умножается ; чѣмъ меньше надежды , къ возвращенїю потеряннаго остается . На конецъ ; страхъ , печаль , болѣзнь , и отчаянїе , такъ человѣка одолѣетъ : что бѣдной скупецъ , къ освобожденїю себя отъ такова ежеминутнаго мученїя , лутче того способа не находитъ ; какъ веревкою , пистолью , ножемъ , шпагою , или другимъ ужаснымъ способомъ , самому себя убивши : душу свою на вѣчное мученїе во адъ , поскорѣе къ дїяволу отправитъ . Небо , и земля , по старому стоитъ . Учрежденные отъ бога времена , и лѣта ; по прежнему текутъ . Стужа , и жаръ ; сѣвъ , и жатва ; до нынѣ продолжается . Земля , всѣ тѣ же плоды приноситъ ; а вода , тѣмъ же множествомъ рыбъ кипитъ : какъ въ старину бывало . Одно только человѣческое не насытство , ни чѣмъ недовольствуючись ; всю землю узкою , и тѣсною намъ кажетъ . Что же мнѣ дѣлать ; дабы я всегда спокоенъ , и въ себѣ доволенъ былъ ? Не имѣнїе свое умножай ; да страстей , и прихотей твоихъ убавляй .

8.

роскошь. Которые люди , безумнымъ страстямъ и прихотямъ своимъ поддавшись , такъ не разсудно себя любятъ ; что безъ престанно веселится , и во вседневныхъ роскошахъ жить хотятъ ; тѣ , самолюбїемъ своимъ, въ страшную глубину забавъ погружаются : а душевное спокойство , посреди радостей для того теряютъ : что всѣ тѣлесныя чувства у такихъ людей, нарочно ко обезпо-

коиванїю

коиванію ихъ востаютъ. Чѣмъ ближе сія склонность къ плотскому человѣку; тѣмъ жесточаѣ, и безпокойнѣе. Она; живетъ у человѣка въ тѣле, и въ крови. Внушренню его, къ ево же собственному мученію, сильно волнуетъ; а человѣка, такими вожделѣніями или похотьми терзаетъ: которыя, плоть веселятъ. Сіе вожделѣніе, тѣмъ не воздержнѣе становится; чѣмъ больше, скотскаго въ себѣ имѣетъ. Потомъ, часъ отъ часу больше насъ мучитъ; чѣмъ больше, и горячѣе, человѣкъ къ нему пристанетъ. Эта устремительная похоть, уподобляетъ человѣка такимъ пьянымъ людямъ; которые, что больше пьютъ, то чаще пить просятъ: и всякой часъ кричатъ; поднеси. Отъ умноженія сего огня, испотворованное желаніе; всю натуру ко услуженію вожделѣніямъ, сильно возбуждаетъ. Не великаль сія пагуба съ безпокойствомъ; когда глаза, уши, ротъ, носъ, гортань, и желудокъ, со всею внутреннею: черезъ разныя способы хотятъ услаждены, насыщены, увеселены, и успокоены быть? Воистинну! Этѣ идолы; больше тѣхъ съ ѣстныхъ и питейныхъ жертвъ, на всякой день сожрутъ: которые, древнимъ языческимъ божкамъ приносились. А всего при сихъ обстоятельствахъ, то хуже; что это ежедневное разпощеніе, новыхъ иждивеней: и великихъ росходовъ требуетъ. За тѣмъ; у роскошныхъ людей, до новаго о томъ безпокойства доходитъ: какъ бы имъ всѣми неправдами, столько собрать; сколько роскошное повѣтріе, собраннаго промотать, и развѣять можетъ. Сіе, всего удивительнѣе; что съ роскошными людьми, власно какъ съ лѣжащими при смерти дѣлается: а на смертной постелѣ лѣжащіе, тогда, меньше другихъ поръ болѣзни чувствуютъ: когда болѣзнь ихъ, не изцѣльною эдѣлавшись, и смерть за собою приведетъ. Въ то время они, о безпокойствѣ, такъ мало слышать и вѣдать хотятъ; что развращенную забаву, съ заповѣданнымъ веселѣемъ; въ мѣсто лѣкарства отъ болѣзни своей признаваютъ. Эта сонная болѣзнь, человѣка; на малое время не чувствительнымъ здѣлать можетъ. Надъ многими въ непотребное житье вдавшимися людьми, часто сіе примѣчено; что роскошной, четырежды печаленъ бываетъ. 1. Передъ лишеніемъ; 2. послѣ оставленія роскоши; 3. по истощеніи всего имѣнія; а 4. въ тѣ поры, когда совѣсть возбудиться: или смерть къ нему придетъ. Сколь часто такія перемѣны, бѣшенство его пресѣкаютъ; такъ часто роскошной человѣкъ весьма печаленъ,

скуч-

скучливъ, и для того безпокоенъ бываетъ: что отъ огня роскошей и забавъ, вся сила у него изтощится. Старое обыкновеніе, сильно его побуждаетъ; а отнятой случай, или въ совѣсти у него болящія раны; великое безпокойство роскошному человѣку причиняютъ. Желаніе, мучитъ его напоминаніемъ прошлой роскоши; и всякое мгновеніе ока настоящаго времени, страшною ему пустынею творитъ. Добродѣтель, съ честью; а порядочная жизнь, съ набожностью; роскошнымъ, да невоздержнымъ людямъ, такимижъ жестокими вѣщми кажется: какъ прихотливому, и домясъ охочему израилю, въ непроходной пустынѣ манна. Это, роскошному также скучно, и противно; какъ лѣнивому, да упрямому робенку наука, и труды. У него, любимыя игрушки отымаючи; вмѣсто ихъ, велятъ робенку грамотѣ учится. Тутъ то надобно ему, до тѣхъ поръ жестокія бои выдерживать; пока духъ, тѣло одолѣетъ.

9.

честь. Неразумное честолюбіе, или яснѣе казать безмѣрное любленіе свѣтской чести; не меньшимъ безпокойствомъ, человѣческія сердца надымаетъ. Гордость; ни что иное какъ опухоль, или такой вередъ души: которой отъ самолюбія зачинается, а желаніемъ суетной чести и славы, помалу назрѣваючи: къ погибельному совершенству, исподоволь приходитъ. Высокоуміе съ подозрѣніемъ, упрямство, и гнѣвъ; зависть, и огорченіе; ненависть, имщеніе; злоба, и роптаніе; нетерпеливость, и жалобы; суть такія фуріи, то есть мучительницы: которыя гордыхъ людей, непрестанно терзаютъ. Ежели своенравію ихъ, хотя мало попротивиться; то имъ, также власно какъ древнему Аману: ни ѣства, ни питье, на умъ не пойдетъ. А буде кто намѣреніе ихъ пересѣкши, уничтожать станетъ: то, сохрани боже; какое ужасное волненіе въ душахъ ихъ здѣлается. Тогда, симъ надменнымъ подло; а гордости ихъ, предосудительно покажется; чтобъ въ смиренномъ себя уничтоженіи, на Творца, и бога своего возрѣть. Они; при безпрестанной клятвѣ и брани, такъ кричатъ. Дьяволъ это здѣлалъ; хотябъ уже чортъ меня побралъ. Ихъ на ту пору, вмѣсте съ Сауломъ; нечистой и злобной духъ, безмѣрною яростью

о томъ

о томъ мучитъ: что кроткому и не повинному Давиду, ни какого зла здѣлать не могутъ. Горесть съ нетерпеливостью, а злоба съ высокоуміемъ; надменное у гордаго сердце, отчасу больше возбуждаютъ; а мысль человѣческую, вѣтру уподобивши: на разные мѣста, и во многія намѣрении бросаютъ. Ежели имъ ни гдѣ не удастся; то по крайней мѣре, хотя языкомъ сердце свое вымѣщаютъ. безумное любленіе себя, наполняетъ человѣческіе сердца властолюбіемъ; а которые люди съ природы умны, тѣ прежде, и больше другихъ; въ сіе искушеніе впадаютъ. безпокойство природнаго грѣха человѣча въ томъ состоитъ, что гордой человѣкъ; ни богу, ни людямъ, покорится не хочетъ: но еще самого бога съ Престола свесть, а свое мерзское высокоуміе, на Его Святое мѣсто возвести думаетъ. Сей безумецъ; въ буйственной злобѣ и въ несносной гордости своей, такія глумлении говоритъ: это было богу, такъ: а то, иначе здѣлать надлежало. Чево гордой желаетъ, то суетному мнѣнію его, и праведно кажется; а что скажетъ, то бы такъ и было. Какъ онъ птицъ на воздухѣ, а рыбу въ водѣ, разными способы ловитъ; такъ власно и разумныхъ тварей, покорить себѣ хочетъ. Изъ того послѣдуютъ разныя безпокойства, и труды. Другихъ людей супротивленіе, притчиною тому бываетъ; что гордой, на исполненіе упрямства своего: небо, и землю, въ суетное движеніе приводитъ. Тогда премудрость божія должна будетъ, отъ него оправдаться; а тѣмъ людямъ за щастливыхъ себя почитать надлежитъ, ково горделивецъ въ комары да въ мухи; также сверьчками, или тараканами не оборотитъ. Такіе люди, притчины своему не удовольству, въ самихъ себѣ для того не ищутъ; что имъ бещестно кажется, въ погрѣшеніяхъ своихъ признаться: или бы, въ Христіянскомъ смиреніи сказать; я за свои грѣхи, еще больше сего наказанія достоинъ. Отъ сего; родится новое замѣшательство въ сердцѣ, и въ умѣ гордыхъ. Хотя совѣсть имъ и сказываетъ, что они ни куды, и ни къ чему не годятся: однако безмѣрное самолюбіе поощряетъ ихъ къ тому, что бы лутче самимъ себя обманыватъ, нежели грѣхъ свой признатъ; а особливо то стерпѣть, что бы другой кто погрѣшеніе ихъ видѣлъ: или бы ихъ, явно въ томъ обличилъ. Сія то богу противная ненависть правды; раждаетъ въ нихъ, сугубой трудъ. Перьвое; чтобъ себя

 изви-

извинивши, чѣмъ нибудь оправдать: а за тѣмъ уже притворясь, пороки и погрѣшности свои отъ очей смотрящихъ, какъ можно скрыть. Первое; уподобляетъ ихъ такимъ бродягамъ, которые почти никогда въ домахъ своихъ не живутъ. Для того; безпокойное самолюбіе ихъ, въ непрестанномъ волненіи: а они, только о томъ и думаютъ, что бы имъ скуку свою съ безпокойствомъ, чѣмъ нибудь прогнать. По другому пункту; по ходятъ они на обрѣтающихся въ непотребныхъ мѣстахъ, скверныхъ женщинъ; которые желая обмануть мужескъ полъ, надѣваютъ себѣ прекрасную маску. Но потомъ, больше стыдиться принуждены; когда смѣлой человѣкъ, эту накладную харю съ нихъ сорвавши, отъ природы мерзскую рожу ихъ увидитъ. Но кому сіе не явно; какому душевному безпокойству, этѣ бѣдные люди сами себя, единственно за тѣмъ подвергаютъ: дабы имъ въ умѣ, и въ мысляхъ своихъ, отчасу болѣе возвышаться. Иногда они какъ черьви ползаютъ, и для того извиваются; дабы имъ, толь не чувствительнѣе къ верьху подняться. Временемъ, отъ дверей къ дверямъ ходя, чести себѣ просятъ: а разсужденію другихъ людей, за тѣмъ себя подверьгаютъ; чтобъ отъ нихъ, мнимое себѣ почтеніе получить. Они же притворяютъ себя бѣднѣйшими тѣхъ нищихъ, которые подъ окнами ходя милостины просятъ; дабы чрезъ сей способъ, чужому добру господами: а имѣнію ближняго, владѣтельми учинится. безмѣрное любленіе чести, заставливаетъ человѣка; другимъ людямъ безмѣрную, и не подлежащую честь для того дѣлать; дабы отъ нихъ обратно, такое же чрезвычайное почтеніе себѣ, власно какъ силою взять: котораго честолюбивой жебракъ не заслужилъ, и отнюдь не достоинъ. Какъ великія, и тайно волнующіеся печали, съ безчисленными горестьми; а притомъ сумнѣніе съ подозрительною не вѣроятностію, и съ пронзательнымъ страхомъ, до тѣхъ поръ ихъ терзаютъ: пока оно само себя, такимъ пузыремъ на водѣ здѣлаетъ; которой отъ собственнаго разпространенія или растягиванія, самъ прорвавшись ищезнетъ. Хотя изъ слѣдованіе причинъ человѣческаго не удовольства, не такъ пространно, какъ самое безпокойство; однакожъ оно, отъ обрѣтенія тово главнаго мѣста очень не далеко; откуда этѣ ядовитыя, и такъ заразительные ручьи вышли. Помянутое разсмотрѣніе,

даетъ

даетъ намъ знать; какъ мало тѣ люди къ своему спокойству надежды имѣютъ, которыя симъ грѣшнымъ склонностямъ, глубоко въ себѣ укорениться допускаютъ: или уже чрезъ соблазнительное обхожденіе, да худыми обычаи; этѣ свои склонности, отчасу больше укрѣпляютъ: по примѣру большаго дуба, котораго уже ни сто человѣкъ не вырвутъ; а когда еще онъ малымъ прутикомъ стоялъ, тогда ево и одною рукою весьма легко было вырвать. Но понеже всякому изъ насъ великая притомъ опасность; когда человѣкъ, тѣлеснымъ и скотскимъ страстямъ своимъ, безмѣрную волю даетъ; то должны мы ревностное о томъ стараніе прилагать, дабы ихъ за благовременно укрощая переламывать: ежели всей надежды къ спокойству душевному, лишиться не хочемъ. Кто не старается, сихъ ужей за ранѣе давить; тотъ, на всю жизнь свою безщастнымъ здѣлается. Сердце ево, никогда не свободно; но безперерывными цѣпьми всечаснаго не спокойства, сковано будетъ. Такой человѣкъ; останется вѣчнымъ рабомъ безумія, плѣнникомъ собственнаго не щастія, холопомъ чувствъ своихъ, подданнымъ другихъ людей, и бездушныхъ тварей. Онъ того желаетъ, что въ рукахъ имѣетъ; наслаждается, а сытъ не бываетъ; всегда надѣется, а исполненія надежды своей не видитъ. Теряючи роскошъ, безразсудно объ ней жалѣетъ; а ему было радоваться надлежало. Чего вчера желалъ, то сего дня проклинаетъ. Во всемъ подобенъ сонному. Ѣстъ, а самъ не насыщается; пьетъ, а жажда ево мучитъ. Таково то не совершенно желанное; а столь тлѣнно обладаемое имъ! Тогда удовольства надѣется, когда ево ищетъ; а какъ получитъ, то еще безпокойнѣе прежняго здѣлается. Сіе тоесть оное праведнейшее проклятіе божіе; которое по Святой волѣ, и по истинному допущенію всемогущаго Творца, тѣ люди вѣчно чувствовать должны, которые за чужимъ бѣгаютъ: а собственнымъ сердцемъ, отъ Всемогущаго Создателя, и отъ верьховнѣйшаго блага своего, беззаконно удаляются. Въ то время, болѣзнующей духъ ихъ; сильно разнемогшисъ, изъ природнаго мѣста своего выходитъ, на подобіе магнитной стрѣлы: которая себя до тѣхъ поръ уставитъ, и успокоиться не можетъ; пока на сѣверъ по прежнему необоротиться. Ежелибъ на сіе безпокойство духа и сердца человѣческаго, никакого лѣкарства не нашлосъ; тобъ люди, не только

безщастнѣе всѣхъ тварей на свѣте были: но металлы, и камни, потому бы совершеннѣе человѣка здѣлались; что они безчувственны, и страстей въ себѣ неимѣютъ.

10.

Возможность, къ освобожденію себя отъ безпокойства.

Высокое преимущество разумнаго человѣка надъ скотами, и надъ безумными тварьми, состоитъ въ томъ; что человѣкъ, страсти и вожделѣнія свои познавши, укротить можетъ: а скотъ, одними чувствами безумно влечется. Хотя и человѣкъ естественно чувствуетъ, что плоть и кровь имѣетъ; однако, и то въ себѣ слышитъ; что на обладаніе тѣломъ да кровью, данъ ему отъ бога разумъ. Буде страсти его весьма жестоки, то человѣкъ ощущаетъ въ себѣ напоминаніе совѣсти; которая ему, не только различіе между добрымъ и злымъ, ясно кажетъ; но и то оружіе разума подаетъ, которымъ премудрѣйшій Творецъ, разумное созданіе рукъ своихъ, тоесть человѣка; на внутреннихъ враговъ его, не преоборимо вооружилъ. Какъ всемудрѣйшій Создатель; другимъ тварямъ зубы, ногти, рога, и другую природную оборону отъ всякихъ вредныхъ имъ случаевъ, нарочно даровалъ; а къ собственному ихъ же содержанію, во всѣ твари по роду ихъ, особливую склонность вложилъ; такъ власно и человѣку, не только глаза, руки, ноги, и другія члены далъ; но ко обращенію, и оборонѣ тѣла его, внутренними силами, и свѣтомъ разума на то одарилъ; дабы человѣкъ все то видѣть, и отъ себя отвращать могъ; что душевному его спокойству вредъ, или препятство нанесть можетъ. Я о томъ спорить не хочу, какъ много разумъ человѣческой, во укрощеніи страстей силы имѣетъ; только то подлинно, что Христіянину страсти и вожделѣніи свои, не токмо воздержавши обуздать, но и одолѣть можно; ежели силы естественнаго разума, силою благодати божія, и содѣйствомъ Святаго Духа его; освятитъ, и укрѣпитъ. Но при одолѣваніи страстей нашихъ, должно ту пользу примѣчать; дабы человѣку самому, и прежде того къ симъ бунтовщикамъ на встрѣчу итти: нежели они привычкою, и обычаемъ, укрѣпятся; ежели мы подъ тяжкое иго, и въ страшное порабощеніе имъ, отдатся не хочемъ. Пифагоръ, Ферсидъ, Аполлоній, Эпиктетъ, Плютархъ, Сократъ, Платонъ, Фокіонъ,

Фокіонъ, Сципіонъ, а по его увѣщанію Царь Масиниса; Цицеронъ, Катонъ, Царь Юба, Сенека, Веспесіянъ, Титъ, Траянъ, Антонинъ Кроткой, и Маркъ Аврелій, съ премногими язычниками: не только мудрыя намъ къ сему дѣлу руководства и наставленіи подаютъ, но самыми дѣлы своими, цѣлому свѣту показали; какую силу ревностной трудъ со усерднымъ стараніемъ, въ этомъ великомъ дѣле имѣетъ. Развѣ Христіянамъ, труднѣе язычниковъ будетъ страсти свои съ похотьми укрощать, когда мы въ этой войнѣ противу насъ самихъ; божію благодать и силу, помощникомъ; а сына божія, и воплощеннаго бога нашего; начальникомъ, руководцомъ, и совершителемъ вѣры, всегда передъ собою имѣть будемъ? Или намъ, передъ язычниками меньше стыда будетъ; когда плоть наша, безсмертнымъ духомъ, и нетлѣнною душею; а чувствы разумомъ, и слѣдственно; скоты, людьми овладѣютъ? Или уже, однимъ Христіянамъ власть на то дана; что бы особливо, и собственно намъ данныя узаконеніи, по своей волѣ преступать? А они всему Христіянству имянно повелѣваютъ; Не бывайте побѣждени отъ зла; но побѣждайте благимъ, злое. Хотя злыя страсти, и свирѣпыя похоти, столь глубоко въ сердцѣ человѣческомъ укоренились; что лутчаго на нихъ лѣкарства, кромѣ одной смерти нѣтъ: однако мы помощію божіею, и употребленіемъ здраваго разума, что здѣлать можемъ; что поврежденную природу, не только укротить: но и на подобіе стараго платья скинуть, въ состояніи будемъ. Я о томъ не говорю, что бы человѣкъ безъ вожделѣней жить могъ; да только сіе подтверждаю, что прямое искусство [практика] разумнаго житья, въ такомъ учрежденіи страстей нашихъ стоитъ: дабы разумъ, во всемъ домѣ тѣла человѣческаго, владыкою и господиномъ учинившись; не воздержныя страсти, всегда обуздовалъ; или бы на правой путь, также скоро обращалъ: какъ возница, или верьхомъ на конѣ сидящей человѣкъ, не покоривую и въ головѣ упрямую лошадь свою; разумно, поспѣшно, и мужественною рукою правитъ. Плодъ сего дражайшаго труда, будетъ спокойствомъ душъ нашихъ; а руководство къ такому самого себя правленію, или ко одолѣнію страстей своихъ, можетъ благосклонный читатель изъ слѣдующаго извѣстія усмотрѣть; которое для того сюда внесено, что развращенной свѣтъ сей; лутче примѣровъ слушается, нежели по правиламъ поступаетъ.

Къ Римлянам: гл: 12.

Августинъ; прежде бывшей участникъ Манихейской ереси, а потомъ учинившейся ревностной исповѣдникъ Христовъ, и великой учитель западной Церькви, примѣромъ своимъ то покажетъ: какъ Христіянину, жестокія страсти и вожделѣнии свои одолѣвши; великаго удовольствія, и спокойства душевнаго достигнуть. Августинъ, родился въ Африкѣ. По природной высотѣ разума своего отъ младенчества, склонность къ лутчему на свѣте; тоесть къ наукамъ, и ко всякимъ вѣденіямъ имѣлъ. Во оныхъ; къ общему благу, и къ народному удовольству, до двадесятаго лѣта возраста своего, весьма преуспѣвалъ. На двадесятомъ году почувствовалъ Августинъ, что онъ въ такой землѣ родился; гдѣ жаркой воздухъ, и злой обычай, ко всякимъ не воздержностямъ человѣка побуждаетъ. Злое вожделѣніе, тѣмъ съ большею жестокостію Августиномъ обладало; чѣмъ не способнѣе молодость его была, такъ сильному непріятелю, за благовременно противиться. Сія злая склонность, привела Августина въ такую худую компанію; которая развращенному нраву его, весьма прилична была. Тогожъ часа появиласъ цѣлая стая, и страшная Христіянину артель; въ пьянствѣ, и въ плотскихъ мерзостяхъ, утопающихъ Манихѣевъ: для принятія такого новичка въ товарищество свое, которой цѣлое отрочество, и всю юность свою, въ цѣломудріи препроводилъ. Эте беззаконники, добродѣтельнаго Августина, въ сѣти прелести своей тѣмъ скорѣе привлекли; что онъ въ короткое время, не только исповѣдникомъ богопротивеной Манихейской ереси, и беззаконнаго ученія сего, но и рачительнымъ исполнителемъ скверно ихъ, очень скоро зделался. Бѣдныя родители, печалились опрельщеній рожденія ихъ; а мать его Моника, твердое намѣреніе приняла, въ ровъ погибели впадшаго сына своего, слезами и молитвою избавлять. Только не можно было надѣяться, что бы въ роскошахъ утопающей Августинъ, на печаль родителей своихъ, много смотрѣлъ; или бы добродѣтельнаго утѣшанія ихъ, скоро послушалъ. Безпокойныя вожделѣнія къ полученію желаемаго, столько же скуки и печали ему причинили; сколько онъ, отъ дѣйствительнаго наслажденія роскошью, удовольствія имѣлъ. Что больше Августинъ чувствамъ своимъ воли далъ, тѣмъ свирѣпѣе; а страсти и похоти его, стрась ненасытнѣйшими зделались. Когда онъ ихъ больше исполнялъ, въ то уже время

ни какою мутною водою не брезгивалъ; а самую подлѣйшую къ роскошамъ своимъ бесѣду, отнюдь непрезиралъ. Въ пагубныхъ раскошахъ одичавши; не потребныя виды, и безчестныя маниры на себя принялъ. Но милосердый богъ, такую еще въ немъ надежду ко исправленїю оставилъ; что онъ стыдливъ былъ. Какъ часто Августинъ мать свою видѣлъ, то всегда отъ неѣ бѣгалъ, а при вступленїи въ разговоръ съ честными людьми, всегда отъ стыдливости краснѣлся; и присудствїя ихъ какъ можно убѣгая, всегда съ равными себѣ дружился. Хотя онъ отъ всѣхъ добрыхъ людеи и бѣгалъ; только отъ самого себя уйти, и ни куда скрыться немогъ. Какъ ни хитровалъ, только совѣсти своей обмануть не въ состоянїи былъ. Она ево, и въ самомъ наслажденїи роскошми: таинымъ обличенїемъ устрашая, грозила грѣшащему, не избѣжнымъ судомъ и мщенїемъ божїимъ. Тогда увидѣлъ Августинъ; что молодость ево, не только непорочнѣе совершенства лѣтъ мужескихъ была: но присемъ и то еще вспомнилъ, какъ онъ отъ исполненїя прежней добродѣтели: во нравѣ свободнѣе, а въ совѣсти своей несравненно спокойнѣе того былъ; нежели въ самой срединѣ перемѣнъ, прелестной и пагубной роскоши. Между тѣмъ; радостное напоминанїе непорочно провожденной молодости, а особливо: ревностное желанїе къ возвращенїю на прежную честную жизнь, безпрестанно его къ добродѣтели побуждало. Искусивши сердце свое; началъ Августинъ той мерзости страшиться, которую тлѣтворная роскошь въ него вложила. Главнѣйшее его дѣло въ томъ состояло; что о исправленїи своемъ, съ искренною ревностью рачить сталъ. За тѣмъ пожелалъ; силу, и слабость, владѣющихъ имъ страстей; и жестокое подстрѣканїе похотей своихъ, въ тонкость узнать; дабы симъ внутреннимъ врагамъ, съ надлежащею силою противиться могъ. Хотя доброе произволенїе, при всякомъ случаѣ въ немъ оказывалось; только трудно Августину было, отъ толь сильнаго, а въ сердцѣ его такъ глубоко укоренившагося раболѣпства, вдругъ свободится. Моровой язвѣ равная роскошь, сему блаженному намѣренїю, съ такою силою противилась; что Августинъ, отъ сего внутренняго безпокойства утрудясь, и одинъ въ саду гуляя, самъ къ себѣ говорить сталъ. Долго ли мнѣ въ такихъ грѣхахъ жить? За чѣмъ стало; что я оковъ пагубной роскоши, сего часа не розрываю? Этѣ сатанинскїя узы, такъ сильно меня сковали; что я ко Святой свободѣ

чадъ

чадъ твоихъ; О Милосердый боже! достигнуть не могу. По истиннѣ! въ пребѣдномъ я состояніи. Воля моя, повелѣваетъ глазамъ моимъ открыться; и они уже отворяются, на ясное смотрѣніе душевныхъ ранъ моихъ! Рука моя, по приказу и велѣнію сей доброй воли, на исполненіе добродѣтели движится; а нога, по указанію злой воли: въ прежнюю пагубу, тайно кользитъ. Когда добрая воля, къ востанію изъ нечистоты роскошей, ясно меня зоветъ; и въ путь добродѣтели, итти мнѣ повелѣваетъ: то она во мнѣ, великое сему благу супротивленіе находитъ. Что мнѣ здѣлалось? Хочуль я это, или нѣтъ? Когда не хочу; то для чево и говорю? А буде искренно желаю; то за чѣмъ доброй волѣ не повинуюсь? Весьма далеко я, во глубину грѣховной бездны зашелъ. Теперь вижу, что мнѣ къ избавленію себя отъ сей пропасти; особливую ревность приложить надобно. Чувствуешь ли бѣдной Августинъ, сугубое къ тебѣ посольство божіе? благодать его, влечетъ тебя къ себѣ; а гнѣвъ божій, угрожаетъ. Возвратись же на путь правый; и разорьви отъ сего времени, всѣ узы безчестной роскоши. Нынѣ разсѣкаю оковы мои! Съ сего часа, свобожусь отъ работы вражія. Что я это говорю? Самъ бѣдной человѣкъ себя обманываю! Однако, еще отвѣдаю. Прелестная роскошь! теперь уже я подстрѣканіямъ твоимъ послѣдовать не стану! Что надомною дѣлается? Я то исполняю, чево не хочу. Сей часъ укрѣплюсь! Сей день не отпаду! Нынѣ приближаюсь ко удовольству моему! Пойду; побѣгу на гору. Отъ сего времени, протяну руки мои, на обьятіе дражайшаго спокойства. Самъ слышу, какъ душа моя вкушать его начинаетъ; и почти уже имъ наслаждается. Только къ сему великому дѣлу, многова не достаетъ; и я еще, ничего не имѣю. Помози мнѣ, всещедрый; и всемогущій боже! Вижу, какъ силенъ грѣхъ; и какъ меня къ тому не допускаетъ, что бы я безъ покойныхъ вождѣленей отрекшись: на семъ свѣте, хотя малые годы спокойно; а въ будущемъ безконечномъ вѣке, съ тобою Творцомъ моимъ, вѣчно жить могъ. Августинъ, тяжкаго начала не убоясь; но набожными размышленіями, самъ съ собою борьбу начавши; къ молитвѣ и воздержанію прибѣгъ. Отъ злова содружества безчестныхъ товарищей своихъ, со всѣмъ удалился: къ трудамъ, и чтенію книгъ, тѣмъ болѣе прилѣпился; что сперьва, лѣностью и гуляніемъ, многому злу навыкъ. Судьба

и рука божія, привела Августина въ городъ Медіоланъ. Тамошней Архіепископъ Святый Амвросій; обратя его на путь истинны, и науча добродѣтели: къ продолженію непорочной жизни, собственнымъ примѣромъ побудилъ. Тутъ увидѣлъ Августинъ великую мерзость грѣховъ; а учувствъ своихъ, всякія способы къ дальнему возмущенію, рачительно пресѣкъ. Къ сей бодрой осторожности, и къ рачительному самого себя познанію; присовокупилъ обновившейся Августинъ не утомленное чтеніе книгъ, и всегдашнее разсужденіе слова божія! Силою сихъ цѣлительныхъ Ароматъ, грѣховная чешуя отъ глазъ его такъ отпала; что между угожденіемъ тѣлу, и между веселіемъ духовнымъ, превеликую разнь узналъ. Отъ разговоровъ съ добродѣтельными людьми, возгорѣлась у него набожность. Притомъ Августинъ ежедневно себя искушалъ, приобрѣлъ ли успѣхъ въ исправленіи своемъ? Добродѣтельная жизнь набожныхъ Христіянъ; стала уже ему быть не только примѣромъ къ ободренію, но и къ наставленію. Такимъ образомъ, сталъ уже Августинъ самъ за собою смотрѣть. Отъ сего надзиранія ту пользу получилъ, что мятежныя вожделѣнія его, часъ отчасу умалялись; а душевное спокойство, до тѣхъ поръ умножалось: пока милосердый богъ, сіе орудіе благодати и милости своей; такимъ свѣтиломъ, и столпомъ Церькви Христовой учинить благоволилъ: что его ученіемъ, книгами, и блаженнымъ житіемъ, не сравненно множайшее число людей исправя, на путь истинны привелъ; нежели тѣхъ было, которыхъ Августинъ, Манихейскимъ заблужденіемъ своимъ соблазнилъ. Я это подлинно вѣдаю, что не хотящие исправиться; все особливой благодати, и той милости божіей приписывать станутъ; которую они, нѣсколько разъ отъ себя отбрасывали. Для того въ несу сюды такой примѣръ изъ языческихъ книгъ, которой намъ ясно покажетъ; какъ великую силу совѣсть, и здравой разумъ, въ побѣжденіи злыхъ обычаевъ, и пагубныхъ похотей имѣетъ. Изъ славнѣйшихъ Философовъ, или изъ добродѣтельныхъ язычниковъ, ни одного человѣка за тѣмъ искать не стану; дабы развращенныя рты, и злыя языки, опять того не сказали: будто этѣ славныя въ добродѣтеляхъ мужи, особливыми талантами одаренные люди были; да такова развращенной жизни урода, въ примѣръ здѣсь представлю: о которомъ рѣдко кто и подумаетъ. Горькой

 пьяница,

пьяница, блудникъ, великой мотъ, бродяга, драчъ, крайней сварливецъ, и грубой Епикуръ, собою то покажетъ; что разумъ, и совѣсть, по среди огня тѣлесныхъ роскошей; къ одолѣнію страстей, великую силу въ себѣ содержитъ: ежели человѣкъ къ обращенію на истинной путь, твердое намѣреніе взявши; усердное о томъ стараніе приложитъ. Полемономъ, тово блуднаго сына звали; которой почти всякую ночь на сквозь прободивши, изъ карчмъ и шинковъ, на солнечномъ всходѣ домой приходилъ. Въ одно утро, из такой не потребной бѣсѣды идучи увидѣлъ онъ, что у дому славнаго Философа Ксенократа двери отворены; и много молодыхъ людей, къ слушанью ученія сего славнаго мужа, въ домъ къ нему собралось. Полемонъ разсмѣявшись, подумалъ. Пойти было и мнѣ тудыжъ; чтобъ этова школьнаго враля разсердивши, чѣмъ нибудь соблазнить. Какъ я съ товарищами сей вечеръ сойдусь; то вмѣсте съ ними посмѣемся, когда имъ прото раскажу: какое я смятеніе зеленымъ моимъ вѣнкомъ, и хорошимъ платьемъ, между школьными шалунами здѣлалъ. Съ такимъ буйствеными мысльми, вошедши Полемонъ въ Ксенократову школу, и сѣвши подлѣ учениковъ: разными смѣхотворствы, сему мудрому мужу, и здравому ученію его явно ругаться началъ. Ученики и слушатели, такъ на него осердились; чтобы конечно Полемона публично бить стали, ежели бы Ксенократъ, начатой рѣчи своей, для великаго шуму не прекратилъ. Потомъ закричавши приказалъ, чтобъ отнюдь не шумѣли. Какъ сей мятежъ утишился; то разумной Ксенократъ, пресѣченую рѣчь свою прямо на Полемона обратившй; о укрощеніи гнѣва, о стыдѣ, о благоприличности, о чести, о воздержаніи, о благонравіи, и о трезвости, такъ сильно говорить началъ; что не глупой Полемонъ замолчавъ, и своею рукою съ головы сорванной вѣнокъ, на землю бросивъ: а руку подъ епанчу положа, потуплеными глазами далъ знать, что ему стыдно стало. Съ этѣмъ стыдѣніемъ домой пошедши; Ксенократово ученіе о воздержаніи страстей, въ толь глубокое разсужденіе взялъ: что вмѣсто соблазна, и привожденія людей къ роскоши: началъ Полемонъ сперьва самъ исправляться, а за тѣмъ и побратениковъ своихъ, ко исполненію добродѣтелей ревностно приводить. Кто въ одолѣніи страстей своихъ успѣхъ видѣть желаетъ; тому должно съ Августиномъ, прилѣжно на себя смотрѣть: дабы никакой страсти, за мало не ставить; а ни одной прихоти своей,

отнюдь не пренебрегать. Кто отъ жестокихъ страстей своихъ желаетъ свободенъ быть, тотъ долженъ за ранѣе къ тому привыкать; что бы малымъ вожделѣніямъ, благовремянно противиться. Пифагорцы; начинали учениковъ своихъ, обладанію собою, воздержаніемъ языка, и молчаливостью обучать. Кто имѣнія своего также отрещисъ не можетъ, какъ славной Философъ Кратесъ здѣлалъ; тому надобно привыкать къ терпеливости, и къ незлобію въ тѣ поры: когда у него, нѣсколько рублевъ денегъ украдутъ. Ежели за то осердишся, что посторонніе люди, твоей волѣ противятся; то прикажи своему человѣку что нибудь, а самъ думай: будто ты на него въ ту пору сердится не станешъ, когда онъ тебя не послушается; или, все не то здѣлаетъ, какъ ты ему приказалъ. Сперьва Іовъ, а по немъ Царь Давидъ, съ очами своими такой договоръ поставилъ; что бы имъ въ то время ни накакую красоту не смотрѣть, когда онъ по желаетъ роскошъ преодолѣть. Кто малаго непріятеля презритъ, тотъ большаго врага не побѣдитъ. Львовъ, надобно въ тѣ поры укрощать, когда они еще молоды; а крапиву, и злыя травы, до большаго росту не допуская: съ корнемъ вырывать. Послушай увѣщаніе язычника, и постыдисъ. Доколь тебѣ исправленіе свое отлагать? [Пишетъ Эпиктетъ.] Когда ты перестанешъ, противъ разума своего дѣлать? Ты уже позналъ; что худо, и что добро. Въ чемъ истинна; и въ чомъ не правда. Развѣ ты думаешъ покаяніе свое, до прибытія другова учителя отсрочить? Не только очень худо, но горе тебѣ въ тѣ поры будетъ; когда сей строгой наставникъ, и страшной Судія, нечаянно придетъ. Ты уже робячьи башмаки давно износивши, мужескихъ лѣтъ дожилъ. Ежели исправленіе свое, часъ за часъ откладывать начнешъ; то ничево иного дѣлать не станешъ, какъ одно доброе намѣреніе къ другому прибавлять: а о исполненіи онаго дѣломъ, и по думать тебѣ не досугъ будетъ. Потомъ искусясъ, на дѣле увидишъ; что эта ежедневная отсрочка, такое въ тебѣ самого себя забвеніе произведетъ, и до тѣхъ поръ тебя обманывать станетъ: пока ты не опамятовавшисъ, безчувственнымъ дуракомъ умрешъ. Пожалуй же, исправленія своего до завтрѣе не откладывай; а истинной своей пользы, всечасно смотри. Ежели тебѣ такое препятство здѣлается; которое тебя, прелестною роскошью, суетною честью, или неправедною корыстью, отъ добраго твоего намѣренія удержать; или отвратить

 поку-

покуситься, такъ вспомни; что нынѣ, и сей часъ: самое время къ подвигу твоему пришло. Этѣ здравыя разсужденiи, Сократа для того премудрымъ учинили; что онъ никому, и ничему, кромѣ здраваго разума повиноваться не хотѣлъ. Хотя ты не Сократъ, однако и тебѣ надобно такъ дѣлать; что бы ты не хуже ево былъ. Я бы еще и больше доказательствъ нашелъ, ежели бы предъ симъ объявленныхъ доводовъ, не довольно было: какъ на показанiе возможности само-одолѣнiя нашего, такъ и на поданiе способа къ тому; какъ человѣку сiе самого себя побѣжденiе, сперьва начинать. Ежелибъ Августинъ, и Полемонъ, перьвому возбужденiю совѣсти своей не послѣдовали; тобъ никогда спокойными не учинилисъ. Сколько бы человѣкъ, внѣ себя увеселенiя; и притчины ко удовольствiю своему, до тѣхъ поръ ни искалъ, пока страсти имъ обладаютъ: однако все сiе, собственной самаго себя обманъ, и такое маловременное притворство, которое только до той поры устоитъ; пока усыпленная совѣсть наконецъ проснувшисъ, жесточайшимъ угрызенiемъ человѣку знать дастъ, какъ обманчиво это мнимое спокойство его было: а Святое слово бога Отца и царствующаго Пророка, на безконечныя вѣки истинно. Нѣсть мира грѣшному.

II.

А именно, укрощенiемъ страстей; отъ котораго, истинное спокойство, происходитъ.

Единое на цѣломъ свѣте Христiянство, имѣетъ сiе великое право съ преимуществомъ; что истинныхъ исповѣдниковъ своихъ, къ совершенному спокойству приводитъ. Оно показываетъ намъ того великаго Ходатая, и Святѣйшаго Посредника; которой, грѣшными вожделѣнiи оскверненную душу человѣческую, въ пречистой крови своей омывая, оправдая, и освящая: съ богомъ Отцемъ своимъ, и со Святымъ Духомъ примиривши; вѣчно соединяетъ. Отъ сего родится въ совѣсти человѣческой такъ великое спокойство, которое всякъ умъ человѣчъ превышшаетъ. Сей воплощенный богъ, и ходатай спасенiя нашего; вооружаетъ насъ вѣрою, любовiю, кротостью, смиренiемъ, молитвами, Святыми словами, и таинствы своими: которыя мы въ супротивленiе самимъ себѣ, и на одолѣнiе себя употребляемъ; а притомъ, повелѣнное намъ по возможности исправляя; видимыхъ, а особливо не видимыхъ враговъ своихъ, его всемогущею силою,

и божественною помощїю одолѣваемъ. Сїя тоесть оная превеликая польза, съ верьховнѣйшимъ въ дусѣ Святѣ преимуществомъ, Христїянъ православныхъ; которое мы надъ всѣми разумными язычниками имѣя, говоримъ, и вѣруемъ. Вся намъ возможна суть, о укрѣпляющемъ насъ Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ. Симъ, разумѣю я то отверженїе себя; которое Спаситель нашъ, у Евангелиста Матфея въ главѣ 16 узаконяетъ. Оно тоесть самого себя побѣжденїе; или оное укрощенїе страстей, о чемъ здѣсь посе время писано. Ежели мы сїе отверженїе въ дѣйство произведемъ, то сами свое спокойство поспѣшествовать будемъ. Вожделѣнiи, со страстьми; подобны такимъ терновнымъ спицамъ, вонзеннымъ въ тѣло человѣческое: которые не только тѣлу, но и душе, безъ престанную болѣзнь причиняютъ. А отверженїе себя, есть та рука; которая, этѣ вострыя спицы изъ насъ вынимаетъ. За тѣмъ приходитъ облегченїе. Какъ скоро здравой разумъ страсти человѣческiя утолитъ, тотъ же часъ въ сердцѣ нашемъ такаяжъ великая тишина здѣлается; какъ на морѣ послѣ бури, и по окончанiи жестокаго волненiя. Разумнѣйшие язычники, единогласно сїе признали. Для того они; къ естественному нравоученїю своему, прибавя особливую добродѣтель, назвали тѣмъ великодушїемъ: которому въ презрѣнiи, и во отверженiи отъ себя всякихъ тлѣнныхъ вѣщей, состоять должно. Награду съ воздаянїемъ за добродѣтель, имяновали они тѣмъ душевнымъ спокойствомъ; о которомъ сїя книга пешетъ. Сему спокойству, должно заключаться въ мирномъ и безмятежномъ житьѣ; удаленномъ отъ всякихъ ссоръ, и отъ тяжебъ. Спокойному человѣку, надлежитъ малымъ; и то еще не только своимъ, да праведнымъ: и отъ собственноручнаго труда нажитымъ имѣнїемъ, довольствоваться. Это свое праведное имѣнїе, воздержно употреблять на нужное, и на полезное себѣ. Знать людей, и все то; съ чѣмъ мы на семъ свѣте обходимся. Имѣть всегдашнее намѣренїе ко исполненїю добрыхъ дѣлъ, и всякой правды: а что бы на тебя, во временной жизни твоей ни пришло; то все спокойно, и терьпеливо несьти. Хотя сей вѣнецъ, [для подлыхъ людей] весьма высоко поставленъ; однако весь родъ человѣческой, отъ начала свѣта, сїю корону ищетъ: и всякими трудами, достать старается. Суботный покой, искони вѣка былъ предзнаменованїемъ того спокойства;

котораго всякой человѣкъ, естественно жаждетъ. Мнѣбъ надлежало со всякою сектою многихъ Философовъ, особливой разговоръ имѣть; ежели бы все то описывать, въ чемъ сїе удовольство подлинно состоитъ. Но сїе несравненно полезнѣе, дабы намъ душевное спокойство въ сердцахъ своихъ, дѣйствительно чувствовать: нежели объ немъ, по пустому спороваться. Съ насъ довольно того; что всѣ древнїе Философы, и разумнѣйшїе люди, признаннаго отъ нихъ скокойства, однимъ усердїемъ искали: а нѣкоторые изъ нихъ, и въ самомъ дѣле оное вкусили. Душевное спокойство; есть истинное, и единое благополучїе на земли. Все свѣтское, къ нему; какъ всѣмъ намъ къ общей цѣли, и примѣте бѣжитъ. Спроси безпокойныхъ. Для чего вы къ страстямъ своимъ такъ сильно прилѣпляетесъ? Они тебѣ скажутъ, для того; чтобы намъ въ себѣ спокойнымъ, и довольнымъ быть. А буде и разумныхъ спросишъ. На что вы страсти свои укращаете? И они тебѣ, тѣмъ же подобїемъ отвѣчаютъ. На то; что мы себѣ спокойства, больше другихъ людей желаемъ. Видишъ ли; какъ всякой человѣкъ, спокойства жаждетъ? Все на свѣте, къ сему дражайшему благу клонится. Злой человѣкъ, въ раченїи злостей и грѣховъ; а доброй, во исполненїи добродѣтелей своихъ; только съ такимъ различїемъ, спокойства желаютъ: что злой, мнимымъ своимъ удовольствїемъ, на время себя прельщаетъ; а доброй человѣкъ, симъ спокойствомъ подлинно, и вѣчно наслаждается. Ихъ удовольствїе, также различно; какъ тѣ вѣщи, отнюдь между собою не сходны: въ которыхъ спокойство того, и другова человѣка, дѣйствительно состоитъ. Мудрой Христїянинъ; находитъ свое спокойство въ чистомъ сердцѣ, въ непорочной совѣсти, и въ дѣйствительномъ исполненїи блаженныхъ добродѣтелей. А безумной человѣкъ, и не прямой Христїянинъ; ищетъ сего же спокойства, въ мятежахъ, и замѣшательствахъ безпокойнаго свѣта. Сей суетной человѣкъ, веселится тѣми ложными красотами; которыя воздухъ, земля, плоть, и кровь: подъ прїятными краски, и цвѣтами, мутнымъ глазамъ его представляетъ. Напротиву того, православной Христїянинъ; выше красоты непорочной совѣсти, безсмертной добродѣтели, безъ грѣшной жизни, и выше героичнаго великодушїя; ничего на свѣте не почитаетъ. Одинъ ищетъ спокойства внѣ себя, и думаетъ;

сїе дражайшее сокровище, въ безумныхъ, или въ бездушныхъ тваряхъ найти: а другой веселится богомъ, и вѣщми духовными. Одинъ рыбу ловитъ на воздухѣ; а въ Океанѣ, для того рвы копаетъ: что бы по среди сего моря, порцелинную себѣ беседку, на стекляныхъ столбахъ поставить. А другой, вопреки тому; испытуетъ глубину разума, науки, мудрости, правды, и не правды. Ищетъ справедливости въ законахъ естественныхъ; и въ усердномъ храненїи заповѣдей божїихъ. По сему видно, что одинъ изъ нихъ спокойства ищетъ; а другой, оное нашедши, дѣйствительно имъ наслаждается. Одинъ суетится на малое время, въ скоро преходящемъ, и тлѣнномъ; а другой веселится постояннымъ, и вѣчнымъ. Тотъ довольствуетъ чувства; а сей, питаетъ душу. Одинъ, забавляетъ тѣло; а другой, веселитъ духъ свой. Одинъ, прельщаетъ себя мечтанїемъ; а другой, увеселяетъ разумъ свой сущею истинною. Тотъ, на время веселъ; а сей, на вѣки спокоенъ. Коротко сказать. Страстьми обладанной человѣкъ, спокойство себѣ притворяя, мечтою питается; а разумной, симъ истиннымъ спокойствомъ дѣйствительно владѣетъ. Здѣсь, радуется сердце; а тамъ, одни уды веселятся. Мудрой Христїянинъ, подобенъ чисто текучей водѣ; а юродивой полухристїянинъ, съ помоями равенъ. Сей уподобился соломѣ, или травѣ; которая отъ малаго вѣтра колеблется; а другой, подобенъ пальмовому дереву; которое отъ бури не ломится, и подъ тягостью роститъ. Одинъ равенъ съ такою хороминою, которая на пескѣ по строена; а другой, подобенъ крѣпости стоящей на горѣ каменной. Блаженное спокойство! Какъ велико произходящее отъ тебя удовольствїе! Ты веселишъ сердце; и радостнымъ творишъ лице человѣческое. Ты поспѣшествуешъ дѣла, и услаждаешъ горькїя дни наши. Ты благо, и кротко; спокойно, и весело. Тихо и бодрственно; равнодушно, и милостиво. Ты, смиренно въ чести; терпеливно въ страданїяхъ; щедро во изобилїи: довольно въ недостаткѣ; воздержно въ радости, великодушно въ страхѣ, осторожно въ щастїи; и благодушно во всѣхъ злоключенїяхъ человѣческихъ. Истинное спокойство; на всякую вѣщь, прямую цѣну кладетъ. Больше всѣхъ тварей, ко Творцу прилѣпляется; и Его, надъ вся въ свѣте: всѣмъ сердцемъ, и всею душею любитъ. Свою любовь, отъ всего тлѣннаго заранѣе отвлекая; и въ то время не обезпокойвается, когда цѣлой свѣтъ кругомъ ево ищезаетъ;

Оно; вѣдая различіе между временнымъ, и между вѣчнымъ: съ Пророкомъ Аввакумомъ [глава 3] къ богу взываетъ. Егда смокви плода не сотворятъ, и не будетъ плода въ виноградѣхъ; егда солжетъ дѣло масличное, и поля не сотворятъ яди, егда оскудѣютъ овцы отъ пищи, и не будетъ воловъ при яслѣхъ: азъ же возвеселюся о Господѣ, и возрадуюся о бозѣ Спасѣ моемъ. Понеже сіе дражайшее спокойство, удовольствія своего въ вѣщахъ божественныхъ ищетъ; то спокойство небесное, или миръ божій, душу человѣчу такъ наполняетъ: что истинной Христіянинъ въ восторгъ пришедши, не только духа божія исполняется: но въ ту самую любовь себя претворяетъ, о

і. Посл: въ Коринф: Гла: 13.

которой Апостолъ Павелъ пишетъ. Любы долго терпитъ; милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си; не раздражается, не вмѣняетъ злое, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ. Вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ; любы, николиже отпадаетъ. Сіе блаженное спокойство, гораздо легче духомъ чувствовать; нежели слабымъ перомъ описать, или, плотскимъ языкомъ изрещи. Сему душевному спокойству; лутче самымъ исполненіемъ добродѣтелей, или дѣйствительнымъ искусствомъ: [практика] нежели изъ книгъ научиться можно.

12.

Другое препятство спокойствію.

Еще выискивается роптательной врагъ спокойству человѣческому; а я, благосклоннымъ читателямъ долженъ, сего непріятеля показать: прежде представленія мудрыхъ, и здравыхъ разсужденей о неудовольствѣ нашемъ. Многіе люди; съ печальнымъ, и смутнымъ нравомъ родились. У нихъ около сердца, такой густой туманъ; котораго, солнце спокойствія, едва прогнать можетъ. Сихъ людей, меланхоликами [унылые] потому праведно зовутъ: что кровь ихъ, медленнымъ обращеніемъ; густа, и черна будучи, много худыхъ паровъ испускаетъ: а мечтаніе, чрезъ сей способъ; печальными образы, и ужасными привидѣніями, весьма часто ихъ стращаетъ. Ежелибъ этѣ люди; празныя и пустыя мысли свои, на вседневное трудолюбіе промѣнявши: а вмѣсто того, что имъ подгорюнившись охать; ежелибъ руки свои на работу, а мысль, на ободреніе сердца и духа своего употребляли: тобъ они, при обыкновенной молитвѣ своей, несравненно

веселѣе

веселѣе были ; а притомъ бы ни о какой напрасной , и только мнимой бѣде , ни когдабъ не жаловались . Но мнѣ донихъ не столько нужды , какъ до тѣхъ людей ; кои на малѣйшія случаи въ жизни своей чрезъ Микроскопъ [стекло ; которое малѣйшія вѣщи безмѣрно великими кажетъ .] Смотря ; то собою, то людьми , а иногда , Самимъ богомъ не довольны бываютъ. Мнѣнію и мыслямъ сихъ людей , все таковожъ черно кажется; какова кровь ихъ темна . Хотя ты на освобожденіе ихъ изъ лужи , руку имъ подашъ ; однако боязливое ихъ подозрѣніе , такіе слова на ухо имъ шепчетъ . Не вѣрь ему ; онъ тебя утопить хочетъ . Иные болящіе , весьма тому ради ; ежели случай получатъ, болѣзнь свою добрымъ совѣтомъ, или сказаннымъ отъ друзей лѣкарствомъ облегчить ; а Меланхолики , болѣзнь свою покоятъ, и нѣжатъ . Они; горькія пилюли печалей своихъ , въ роту языкомъ безпрестанно повертывая : только о томъ и мыслятъ , что ихъ мучитъ . Надлѣжало бы думать , что они сами себѣ такоежъ мученіе дѣлаютъ ; какъ Цесарь Калигула другихъ людей для того больше мучилъ , что бы имъ смерть свою, тѣмъ больше слышать и крѣпче чувствовать. Этѣ люди ; не только что другое , но и самую жизнь свою , за опасность признаваютъ . Ихъ , можно уподобить страждущему желчью ; или желчною болѣзнью . Сему человѣку ; все желто кажется , на что ни взглянетъ . Жестокой страхъ , пригоняетъ ихъ въ такую узкость ; что имъ уединеніе , спокойнѣе всего видится . Воономъ ; стѣны , и живописныя картины , или тканыя обои съ личными фигурами, таковы же страшны имъ кажутся: какъ тѣ люди , отъ которыхъ они по напрасному страху , и подозрѣнію бѣгаютъ . Это я говорю, не о такомъ разумномъ уединеніи ; когда человѣкъ отъ злобы, или отъ гоненія враговъ своихъ, удалиться принужденъ : дабы ему время собственной жизни , къ славѣ божіей , и къ пользѣ души своей въ тихости , и во удаленіи гораздо лутче ; нежели въ прескучномъ шуму безпокойной компаніи провождать : но на тѣхъ людей намѣреніе мое клоню , которыхъ чудному нраву ; никто , и ни чѣмъ угодить не можетъ . Имъ , и разговоры отъ людей скучны ; и молчаніе досадно . Въ такихъ людей , не чистота различныхъ страстей собирается . За тѣмъ и не дивно , что въ жизни ихъ, ни малой пріятности нѣтъ ; и все житье сихъ людей , никуды не годится . Ежели къ роскошамъ склонная

природа, злой обычай, или худая бесѣда, съ такимъ нравомъ соединится; то эти люди злыхъ увѣщаней послушавъ, въ глубочайшей ровъ всякихъ нечистотъ за бресппи готовы. Они, въ довольствѣ разслабнувъ; скоро лѣнивыми дѣлаются. Въ чести, бѣсятся. Въ малой печали, отчаеваются; а при забавахъ, внѣ себя приходятъ. Въ какой бы чести эти люди ни были; только при всемъ томъ бѣдны, и ни чѣмъ не наслаждаются. безъ покойной Аммоновъ духъ, непрестанно ихъ мучитъ. Для того они, сего дня то проклинаютъ; чего вчера желали. Душевная скорьбь не насытнаго желанія ихъ, такъ разпространяется; какъ болѣзнь называемая ракъ. Страхъ, не терпеливость, роптаніе, не постоянство, горесть, упрямство, и гордость, суть тѣ жестокія бури; которыми душа ихъ, непрестанно волнуется. Многія изъ нихъ съ отчаянія, и отъ жестокой печали; сами себя до смерьти убиваютъ. Сія болѣзнь, тѣхъ людей жесточаѣ мучитъ, которые въ познаніи правды; также въ разумѣніи добра, и зла: нимало не обучены. Когда скорьбь до души ихъ дойдетъ; то эти люди, сами себя съѣдать начнутъ. Слабость, съ печальнымъ сердцемъ; сіе повѣтріе возбуждаетъ. Жизненныя духи, отъ того изсыхаютъ; разумъ, притупляется; а природная горячесть, угасаетъ сею печалью: которая наконецъ, раждаетъ смерть. Около ихъ; лѣтаетъ цѣлой рой печальныхъ, и скорбныхъ мыслей; не удовольства, страху, и смятенія. Сердце такого Меланхолика, наполненно тайными вожделѣніями; которыя, толь чувствительнѣйшею болѣзнью волнуются: чѣмъ меньше надежды, къ исполненію сихъ прихотей; или къ полученію тайныхъ умысловъ, и желаней его. Хотя они, перемѣны вмѣсто лѣкарства ищутъ; однако печаль, въ слѣдъ за ними по пятамъ бѣжитъ. Горесть не удовольства, не даетъ имъ наслаждаться настоящимъ благимъ. Иногда они; потупя глаза, и дугою согнувшисъ, на подобіе блѣдной смерти ходятъ: а иногда ревностью, и гнѣвомъ пылаютъ. Чрезъ сіе, оказывается двоякой родъ не удовольства. У однихъ молчаніемъ, и внутреннимъ угрызеніемъ сердца; такъ власно какъ у лошадей, грызеніемъ муштука и удилъ: когда имъ другова укусить нѣчего, или не льзя. Другіе; жестокостью внутренной болѣзни, къ оборонѣ: или ко избавленію себя, не престанно побуждается. Потомъ, загарается въ

нихъ гнѣвъ , и не терпеливость ; бѣшенство , и отчаяніе , съ такимъ безумнымъ намѣреніемъ : дабы всѣ препятства , и помѣшательства спокойству ихъ ; всякими возможными насильствы разсѣявъ , какъ можно скорѣе уничтожить. Въ этомъ числѣ , цѣлой полкъ людей. Одинъ жалуется на безщастную долю свою ; другой , кленетъ обманъ ; и злость лукаваго свѣта сего. Третей , приноситъ жалобу на не благодарныхъ людей ; четвертой , на не постоянство щастія. Пятой , безразсудно печалится о смерти друзей ; или сродниковъ своихъ. Иногда ; презрѣніе , или порицаніе ; временемъ не благодарность , съ боязностью ; или страхъ , съ болѣзнію ; а иногда уже одиначество , или многолюдство ; безпокойныхъ людей мучитъ. Сими то способы , печаль человѣка истончеваетъ ; а сердце его внутреньми угрызеніями , какъ червь дерево точитъ. Хотябъ и никто не думалъ , что люди безмѣрнымъ самолюбіемъ сами себя мучить могутъ ; однако сія душевная болѣзнь , другова себѣ начала не имѣетъ , и лѣкарства иного на нѣе нѣтъ , кромѣ того ; что бы человѣку умѣренно себя любить , а къ помянутой болѣзни за тѣмъ неприлѣпляться : что печальная душа , со временемъ и тѣло , не чувствительно заразить можетъ. Сею язвою , поврежденныя въ тѣле нашемъ жизненныя соки ; обратно платятъ душѣ , пустыми и вредными парами. Отъ сихъ злыхъ паровъ , приходитъ тѣлу человѣческому жестокая болѣзнь. Въ то уже время , пользованіе тѣмъ опаснѣе становится ; что прилѣпленіе къ Меланхоліи , всю кровь у человѣка , желчью повредило. При сихъ опасныхъ обстоятельствахъ ; добрымъ лѣкарствомъ , и сильнымъ супротивленіемъ , отнюдь не надобно медлить. болѣе всего , молить Всещедраго бога , о милосердомъ низпосланіи Пресвятаго утѣшителя , и радостнаго духа ; а самому страждущему , здравымъ разсужденіемъ , и умными разговорами добродѣтельныхъ людей , какъ можно себя ободрять. По истиннѣ ! Кто состояніе людей свѣтскихъ прямо разсмотритъ ; тотъ больше притчины къ печали , нежели къ радости найдетъ. Никакая тварь подъ солнцемъ ; столько бѣдъ , и печалей за собою не влечотъ , какъ человѣкъ. Зачатіе его , беззаконіе ; рожденіе , грѣхъ ; произхожденіе на свѣтъ , бѣдность и нагота. Жизнь его ; всегдашней трудъ , болѣзнь , печаль , и суета. Смерть человѣческая ; страхъ , и мерзость. Сію плачевную долину , поздравляетъ человѣкъ

 слезами

слезами. Кой часъ отъ утробы матерни выдетъ; ту же минуту, уста свои обыкновеннымъ у младенцовъ крикомъ; [уа] на плачь, и жалобу; на алчбу, и жажду; по неволѣ отворяетъ. Нагой младенецъ, на свѣтъ; какъ бѣдной невольникъ изъ темницы, выходитъ ко вступленію на театръ суетнова мира сего: гдѣ ему трагедію, [печальное дѣйство] самому играть; или, на другихъ дѣйствующихъ; [акторы, или игроки] съ печалью, и жалостью смотрѣть. На свѣтъ съ собою выноситъ; суровой, не покоривой, и окаменѣлой духъ. Слабыя члены, и нагое тѣло; наполненное болѣзньми, и безпокойными вожделѣніи: съ премногими способами, къ дѣйствительному безпокойству и не удовольствію. По рожденіи, нѣсколько времени; также безчувственно лѣжитъ, какъ и другія твари. Еще въ нѣжной молодости своей узнаетъ; что ево ко всему доброму, принуждать надобно. За тѣмъ; безпокоитъ его упрямство. Ежели злая воля, не переломлена будетъ добрымъ, и разумнымъ воспитаніемъ: то, дикое сѣмя роптанія и не удовольства, потому въ злую страсть претворится; что устремительныя склонности, съ такою жестокостью востаютъ, какъ бунтовщики. Они; такъ удобнаго времени безумія, и способнаго имъ случая безпамятства человѣческаго, изъ рукъ упустя потерять не хотятъ: дабы имъ, всю власть надъ жизнью человѣка, къ себѣ привлечь. Между тѣмъ; у души съ тѣломъ, великія раздоры начнутся. Все у нихъ дѣло, о томъ стало; разуму, или страстямъ, верьхъ взять. А яснѣе сказать; вовсе ли человѣку щасливу, или на всю жизнь свою безщастну быть. Едва только сія междоусобная война, на малое время утишится; а уже человѣкъ подъ иго супружества, шею свою и протягаетъ. Къ сему житью; великое множество суетъ, и печалей прибавляется. Временемъ мужъ, а иногда жена; то дѣти, то служители, иногда сродники, а временемъ сосѣди; къ неизбѣжнымъ ссорамъ и тяжбамъ, къ страху, къ печали, и ко многимъ безпокойствамъ, невольной способъ подаютъ. Не достатокъ, иростащеніе; не согласіе, и вражда. болѣзнь; печаль о смерти жены, дѣтей, сродниковъ, и друзей: а напослѣдокъ, и самимъ намъ не избѣжная смерть, суть такіе нарушатели спокойства душевнаго: которые достальную жизнь нашу, какъ воры да разбойники разграбивши, по себѣ раздѣляютъ.

13.

13.

Ежели бы насъ природа, отъ такъ сильныхъ безпокойствъ, безъ обороны оставила; то бы мы еѣ по самой справедливости, мучительницею назвать могли. Но понеже благая природа, всякому человѣку разумную душу влїяла; а богъ, всѣхъ насъ Христїянъ Святымъ Евангелїемъ, яко крѣпчайшею душамъ нашимъ оградою, милостивно одарилъ: то намъ, и жаловаться нѣнакого; кромѣ какъ на самихъ себя. Для того, должны мы сїю двойную; тоесть духовную, и душевную пользу, ко отвращенїю всякихъ безпокойствъ; и на поспѣшествованїе спокойства душевнаго, разумно употреблять: а тѣмъ безпокойнымъ людямъ, и суетнымъ головамъ, о которыхъ предъ симъ упомянуто; прїемъ чхательнаго порошку, или слабительнаго лѣкарства, больше всѣхъ здравыхъ разсужденей поможетъ. Когда они мозгъ свой сими способы очистятъ, тогда сами въ себѣ послышатъ; какъ великую силу благодать божїя со здравымъ разумомъ, въ поспѣшествованїи душевнаго спокойства, имѣетъ. Только одинъ пластырь, ко всѣмъ ранамъ не годится. Для того я, печальную душу, власно какъ лѣкарь, за тѣмъ въ аптеку поведу; дабы она, изъ множества разсужденей; къ пользѣ своей лутчее избирая, сама усматривала: которое лѣкарство ей, на исцѣленїе поврежденнаго спокойства принимать. Только сїе лѣкарство, не у всѣхъ равно, и не въ одно время по дѣйствуетъ; для того, что есть новыя, и старыя: легкїя, и тижелыя раны. Тебѣ, въ то время отчаяваться не должно; ежели ты изъ тяжчайшаго безпокойства, въ желаемое тобою совершенное спокойство, не скоро преселишся. По малу набравшихся, а за тѣмъ уже въ кровь вошедшихъ болѣзней; вдругъ изъ крови выгнать, и скоро вылѣчить не льзя. Хотя человѣкъ и выздоровѣетъ; однако въ немъ, такая слабость еще остается: которая, на нѣсколько времени, какъ вода въ рѣке, или въ морѣ; послѣ жестокаго волненїя, по малу утихая: исподоволь устаивается, и прежнюю чистоту свою получаетъ. Совершенная тишина, и безмятежное спокойство; съ душевнымъ, и духовнымъ миромъ, принадлежитъ въ такое мѣсто: которое, выше всего видимаго нами свѣта. Мы на землѣ, совершеннаго блаженства не ищемъ, и найти ево не можемъ. Но только такой равнодушной крепости желаемъ; что бы люди чиномъ,

Изцелѣнїе на безпокойство.

житьемъ, и состоянїемъ своимъ довольны будучи: въ благоденствїй бы, не превозносилисъ; а въ не щастїи, не унывали и не отчаявалисъ.

14.

Разумное самолюбїе.

Отступленїемъ отъ бога; [какъ выше сего сказано] природное въ человѣке самого себя любленїе, по большой части къ чувственному, или къ телесному обратясъ: чрезъ сей самой способъ, такъ обезумѣло; что по здравому разуму, и по чистому смыслу, надлежало думать: будто люди самихъ себя больше не навидятъ, нежели любятъ, потому; что иные давятся, другїе стрѣляются, третїе въ воду бросаются, а четвертые разными смертьми сами себя губятъ. Достальные изъ нихъ; то печалью, то веселїемъ; то болѣзнью, то роскошми; иногда гнѣвомъ, а иногда злобою себя мучатъ: и въ несказанную бѣдность вверьгаются. У нихъ обыкновенное слово; я такъ хочу, и такъ этому быть. Ты говори что изволишъ, а мнѣ свою волю исполнить. Хотя бы никто того не подумалъ, чтобъ люди отъ безумнаго самолюбїя ослѣпши, разными способы себя умерщвляли; только это сильное безпорядочество, отъ того единственно происходитъ: что естественной или плотской человѣкъ, любовь свою на одно тѣло, и на скотскїя дѣла его обратившй: попеченїе о душе своей, со всѣмъ презрилъ. Сему неразумному смятенїю всего естества; ничево кромѣ смятенїя въ душе, и кромѣ не щастїя тѣлу, произвесть не возможно было. Сама себя забывшая тварь, въ не избѣжное наказанїе; долженствовала болѣзньми, печальми, и безпокойствомъ мучится. Для того человѣкъ; часто желалъ, самоизбраннымъ зломъ, отъ такого зла убѣгать: которое ему большимъ казалосъ, нежели въ самомъ дѣле есть; а за тѣмъ, что удаленїе отъ прямой и большой дороги разумнаго естества: ослѣпляло человѣка бѣшенствомъ, и заблужденїемъ. Но понеже всякой человѣкъ, послѣ отступленїя отъ бога, и отъ разумной природы своей, безмѣрнымъ самолюбїемъ самъ себя язвитъ; то надлежало подлинно разсмотрѣть, въ чѣмъ человѣческая природа прямо состоитъ: дабы праведнымъ изслѣдованїемъ оныя, всякъ изъ насъ разсмотрѣнїемъ умной природы; могъ тому научиться, какъ самому себя разумно любить: а чрезъ сїе соединенїе съ богомъ, и самому въ себѣ спокойну быть. Человѣкъ; состоитъ изъ

души, да изъ тѣла. Обѣ этѣ части, такъ равнаго состоянія; что человѣка утишить, и обезпокоить могутъ. Которая изъ нихъ ко умноженію человѣческаго спокойства больше служитъ; та и лутчая. А той части, безъ сумнѣнія худьшей быть должно; отъ которой, безпокойство человѣческое умножается. Тѣло, потому начало и притчина всему безпокойству нашему; что человѣкъ, тѣлесныхъ припадковъ удержать не можетъ: а воля, требованей тѣла человѣческаго; всегда исполнять, не въ состояніи. Душа; есть инструментъ или орудіе всему покою, и удовольству нашему, по такой притчинѣ: что имѣетъ разумъ къ познанію того, въ чемъ заключается истинное благополучіе наше. Воля; на взятьѣ, и на дѣйствительное употребленіе такихъ способовъ, которые къ полученію сего намѣренія свойственны, и приличны; въ полной власти у души. Отъ сего спокойства удаляющія насъ притчины; произходятъ отъ тѣла, а не отъ души. Тотъ человѣкъ разумно себя любитъ, кто, больше души: нежели тѣла слушаетъ, и ей повинуется. Лутчія свойства, и таланты человѣческія; сего преимущества, съ тѣми вѣщми требуетъ; которыя человѣку, внутреннѣе удовольство приносятъ. Да они же; прочны, вѣчны, и непременны. Только человѣкъ, и тѣлу; часть любви своей, для того удѣлить долженъ: что всемудрѣйшему Творцу угодно было, сію тлѣнную храмину, не тлѣнною и безсмертною силою души; на временное въ семидесятъ, или въ восьмидесятъ лѣтахъ состоящее житіе, не разлучно связать. Кто желаетъ; такой краткой срокъ непрестанно текущаго времени, вѣчнымъ учинить: также свирѣпыми чувствами тѣла, и скотскими похотьми ево, безсмертной духъ подавивши; больше всего такихъ вѣщей искать; которыя, не въ нашей силѣ и власти; а человѣкъ ими во время краткой жизни на землѣ; постоянно, и безъ препятства владѣть не можетъ; тотъ хочетъ всю тварь переломавши, въ свою форму перелить. Сей человѣкъ; разумную къ самому себѣ любовь, на зло употребляетъ: а она чрезъ сей злой способъ, не мудростію и спокойствомъ наполнится; но крайне обезумѣвши, всякихъ бѣдъ и печалей, полна будетъ. Ко убѣжанію такъ неминуемаго безпокойства; для разумнаго примиренія, воздержною къ самому себѣ любовью: усмотрѣли разумные язычники, двѣ нужныя вѣщи. 1. Познаніе себя; а 2. Послѣдованіе разумной природѣ. Перьвое состоитъ, во узнаваніи человѣку того; какою

нерав-

несравненною степенью, душа; выше, чище, и совершеннѣе тѣла своего. По другому пункту, надобно человѣку искусясь отвѣдать; какимъ высокимъ градусомъ онъ, чрезъ то въ себѣ спокойнѣе будетъ, ежели душевное благо; выше всѣхъ тѣлесныхъ благихъ почтетъ. Онъ же всю жизнь свою потому учредитъ; что во вѣки благо, и право: а мнимому добру, и ложной пользѣ, прелыщать себя не допуститъ. Чрезъ сей способъ, люди; въ себѣ спокойнѣе, или безпокойнѣе будутъ, по той мѣре: которою, душу; или тѣло любить; тоесть, какъ желаніямъ да чувствамъ; или здравому разуму, послѣдовать начнутъ. Весь хоръ языческихъ Философовъ; раздѣляется на три крылоса, или собранія. Перьвые; все приписываютъ тѣлу. Вторые: все у тѣла отнимаютъ. А третьяго сорта мудрецы; всею возможностью о томъ стараются, что бы на свѣте живучи: душу, и тѣло равно успокоивать; чрезъ обладаніе надъ тѣломъ, силою и властью разумной души. Ежелибъ мы не грѣшны были; тобъ природное желаніе спокойства, не столько препятствъ, и трудностей имѣло. Но понеже мы; то нашими собственными вожделѣніями, то чужими прихотьми, во ономъ спокойствѣ много препятствъ имѣть можемъ: то главное затрудненіе, въ томъ замыкается; какъ бы въ такомъ по ползновенномъ, и опасномъ состояніи; праведное равновѣсіе содержать. Хотя человѣку, къ совершенному возстановленію полнаго спокойства разумной природы; въ грѣшномъ, многобѣдномъ, и въ суетномъ житьѣ свѣта сего, достигнуть и не льзя; однакожъ, такое удовольствіе получить можно: которое [съ помощію божіею] къ нашимъ времянамъ и обстоятельствамъ, способно будетъ. Безначальная, и бесконечная премудрость божія; предлагаетъ намъ два пути. 1. Непорочность. [душевная, и тѣлесная чистота] а 2. Не притворную истинну. Аще
Іова гла: 8. чистъ еси, и истиненъ; то богъ молитву твою услышитъ: и устроитъ ти житіе правды. Перьвое, [на Греческомъ языкѣ] кажется совершенная; но къ достиженію, не возможная чистота или непорочность. А другое, можно назвать упредительнымъ исполненіемъ той добродѣтели; которую, въ не совершенной жизни свѣтской на ходящіеся люди, по силѣ и возможности своей дѣлаючи; въ ту мѣру спокойны быть могутъ, какъ станутъ о томъ стараться; дабы имъ себя чистыми, праведными, и непоро-

порочными учинить. Отъ сего состоянія добраго сердца; происходитъ то всегдашнее удовольство, которое Евреи Миромъ: а Греки веселымъ нравомъ называютъ. Въ немъ положивши благополучіе временной жизни, признали они; что этотъ веселой нравъ, отъ истиннаго исполненія добродѣтелей: а болѣе всего, отъ храненія души своей происходитъ. Еще является сумнѣніе о томъ, можноль добродѣтельныхъ людей въ то время щастливыми назвать, когда они въ тѣлесную болѣзнь, также въ великую нужду, и бѣду придутъ: какъ сіе на свѣте весьма часто случается? Чѣмъ больше люди къ тѣлеснымъ благимъ привязались, толь не возможнѣе имъ сіе покажется; а что больше они себя, и душу свою знаютъ, тѣмъ яснѣе увидятъ: что хотя душевное спокойство внѣшностьми плоти нашей, на нѣсколько времени пресѣчено быть и можетъ; однако, тѣмъ: никогда не искоренится. За тѣмъ то на сей вопросъ отвѣчать не льзя; Метельлій у Римлянъ, или Регулусъ щастливѣе былъ? Оба они добродѣтельны были. Только по тѣлеснымъ благимъ; въ неравныхъ обстоятельствахъ находились. Квинтъ Метельлій; Консуломъ, Ценсоромъ, и Гетманомъ бывъ; и великія дѣла учиня, дважды тріумфовалъ. Хотя и Регулусъ, Римскаго войска Полководцомъ былъ; только на войнѣ полоненъ. Метельлій той радости дожилъ, что трехъ сыновей своихъ, Консулами видѣлъ; и одинъ изъ нихъ, по отцову примѣру тріумфовалъ. Четвертой ево сынъ, учиненъ Преторомъ; [судьею] а четыре дочери, за знатныхъ мужей выданы. По сему Метельлій; всю фамилію при смерти своей, въ цвѣтущемъ состояніи оставилъ. Не щастливѣе ли онъ добродѣтельнаго Регулуса былъ; которой съ женою, да съ дѣтьми разлучась, и въ тюрьмѣ у Карфагенцовъ сидя; мученически умираетъ? Стоики говорятъ; что Метельлій, бещаснѣе Регулуса былъ. Не очень ли Философова то будетъ, ежели и намъ съ ними то же сказать? По внѣшнему; между Регулусомъ, и Метельліемъ, великое различіе видно. А ежели о щастіи сихъ мужей, по внутреннему ихъ состоянію разсудить; то, надобно прежде знать: кто изъ нихъ нравомъ, и душею, спокойнѣе былъ? Метельлій, [какъ видно] при тѣлесныхъ благихъ; къ сему спокойству, больше помощи: а Регулусъ, при тѣлесныхъ недостаткахъ; болѣе помѣшательства въ томъ имѣлъ.

Однако

Однако исторія объявляетъ; что Регулусъ бѣды свои добровольно терпя. веселъ, и спокоенъ былъ. По сему видно; что душевное спокойство, не во внѣшнихъ тѣла нашего благихъ. Развѣ Регулусъ себя не любилъ? Конечно любилъ; и за тѣмъ, больше по желаніямъ души своей поступалъ. Онъ чрезъ сіе, не только въ великую нужду пришелъ; но болѣзнь, и самую смерть, охотно претерпѣлъ: а исполненіемъ должности его, успокоилъ душу, и совѣсть свою. Развѣ ему того здѣлать не льзя было; ежелибъ Регулусъ, въ Римѣ остался? Не возможно. Потому; что сей Генералъ присягою обязался, къ непріятелямъ своимъ въ Карѳагену назадъ пріѣхать. Я эту чудную вѣрность въ содержаніи клятвеннаго обѣщанія, очень хвалю; только Регулусъ, самъ съ собою, въ томъ безмѣры жестоко поступилъ: что къ непріятелямъ своимъ на подлинную смерть, и на неизбѣжныя муки, напрасно возвратился. Позвольте мнѣ напротивъ того, васъ спросить. Легчель бы того Регулусъ, съ собою поступилъ; ежелибъ нарушеніемъ присяги, совѣсть свою возбудивши, въ вѣчное безпокойство впалъ? Смотри, другъ мой! Какой отвѣтъ, сердце твое; на сей вопросъ мой скажетъ? Изволь же ему, и себѣ, подлинно въ томъ вѣрить; что человѣкъ поврежденіемъ души, и совѣсти своей: мира, и спокойства душевнаго никогда не получитъ.

15.

Добрая совѣсть.

Я сіе, не для стращанія людей; но ради такова искренняго желанія, откровенно пишу: ежелибъ люди разумно себя любили, тобъ о душѣ своей, и обезпенномъ ея спокойствѣ, гораздо больше старались. Естественное о семъ увѣреніе, толь глубоко въ насъ вкоренено; что и самой Епикуръ, принужденъ былъ сказать. Тому человѣку, ни какъ спокойну быть не льзя; кто не правдою, и не добродѣтельно живетъ. Все наше безпокойство, произходитъ отъ чрезъ естественнаго движенія сердца: а особливо, отъ удаленія души отъ вѣчнаго ея блага, тоесть отъ Бога: да еще отъ тѣхъ, на сердце у всякаго человѣка рукою разумной природы написанныхъ правъ, или законовъ; къ которымъ она сама насъ ведетъ, и всегда побуждаетъ. По сему, славной въ древности Сенека; такую о семъ дѣле правду написалъ. Прямая

дорога къ спокойству душевному, есть увѣренїе души, и свидѣтельство совѣсти нашей въ томъ; что мы кромѣ правды, и кромѣ добра, ничего худова не дѣлаемъ. Сїе то насъ страшитъ, или утѣшаетъ: винитъ, или оправдаетъ; по состоянїю нашего согласїя, съ отступленїемъ отъ вѣчнаго и разумнаго права: тоесть, отъ закона естественнаго. Ярость, и гнѣвъ; скорьбь, и тѣснота; на всяку душу человѣка, творящаго злое: слава же, честь, и миръ; творящему благое. Для сего то, страждущей Іовъ; во всѣхъ бѣдахъ и болѣзняхъ своихъ, столь бодръ, и терпеливъ былъ: что чистая совѣсть, о всей добродѣтельной жизни его: ни малымъ обличенїемъ не обеспокоивала. Воистинну! Совѣстью, шутить не надобно. Она; не отъ мнѣнїя, не отъ обычая, и не отъ воспитанїя приходитъ. Нѣкоторой, гордостїю ослѣпившей себя штатской человѣкъ, весьма ложно сказалъ; будто совѣсть, испорченому желудку подобна. Потомъ онъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ ему на эшафотѣ голову отсѣкли; въ слухъ всему народу, такую о себѣ правду въ послѣднїе сказалъ. безмѣрное, и пагубное любленїе ложной чести, такъ меня ослѣпило; что я ни бога, ни себя узнать, сперьва не хотѣлъ: а потомъ ужé не могъ. Для того теперь, на страшное мѣсто сей праведной мнѣ казни, по неволѣ пришелъ. Вся тварь; опредѣленному ей теченїю, порядочно слѣдуетъ. безумные скоты; знаютъ свое время, и уставленныя имъ границы. Вся натура тому радуется; что бы ей теченїе свое, предписаннымъ отъ бога порядкомъ, непрерывно продолжать. А разумному созданїю, [человѣкъ] какъ повелителю и властелину всѣхъ тварей; не должно ли собственнаго порядка, предѣла, и такихъ законовъ себѣ имѣть: по которымъ бы ему, во всѣхъ дѣлахъ своихъ самому поступать? Льзя ли человѣку, что нибудь глупѣе сего здѣлать; когда онъ собственную природу не зная, и дѣйствительно ругаючи, ложно въ себѣ мыслитъ: будто разумному созданїю, безъ совѣсти пробыть можно. Самое искусство, [практика] сему безумному мечтанїю споритъ; и праведно противится. Мнѣ, [издатель книги о себѣ пишетъ] случилось въ такую компанїю притти; гдѣ двенатцать человѣкъ Французскихъ Офицеровъ сидѣло. По рѣчамъ сихъ господъ могъ я признать, что десятеро изъ нихъ; ни бога, ни добродѣтели

къ римляномъ гля: 7.

 не

не признавали. Одинъ изо всѣхъ таковъ наглъ, и крайне безстыденъ былъ, что почти при всякомъ словѣ и случаѣ, добрымъ нравамъ ругался: и за столомъ такъ худыя рѣчи говорилъ, какъ бы въ скверной домъ зашолъ. Все это называлъ онъ галантерѣею; а кто сего стерпѣть не могъ, про тѣхъ говорилъ: будто они не умѣютъ на свѣте жить. За тѣмъ уже началъ такіе ругательства произносить, что хотя товарищи его и Епикуры были; однако о бестыдствѣ ево соблазнившись, въ то время жестокими выговорами сего сквернослова атаковали; какъ мерзской языкъ его до святыни коснулся. Я симъ случаемъ пользуючись; означенному ругателю безбожность его, и страхъ наказанія за произнесенныя имъ на божественныя вещи лаятельства; не многими, только сильными словами представилъ. Подруги ево; увѣщаніе мое, молчаніемъ своимъ похваливши, стали сему безумцу смѣятся. Тутъ увидѣлъ я, что ни одного безсовѣстнаго человѣка на свѣте нѣтъ; а безбожники, по неволѣ чувствовать принуждены: что право, или не право. Чтожъ они сему полезному, и внутреннему чувствованію не послѣдуютъ; но оное, жестокостью страстей своихъ погасить стараются: то сіе, хотя и не щастье ихъ; только на то отнюдь не доказательство, будто въ человѣке совѣсти нѣтъ. Сей внутренней и тайной свидѣтель, всегда въ насъ живучи, всюды съ нами ходитъ. Для сей притчины; человѣкъ, только въ тѣ поры спокоенъ: когда совѣсть, дѣла его похвалитъ. Добрая совѣсть; отъ добрыхъ мыслей, и отъ благихъ дѣлъ происходитъ. Добрыя мысли, отвращаютъ заблужденіе; а благими дѣлами, прогоняются дѣла злыя. Но обои совокупно, спокойство наше тогда сильно поспѣшествуютъ; когда человѣкъ, не мечтамъ, и не желаніямъ чувствъ своихъ: не страстямъ, или упрямству; но одному тихому свидѣтельству внутри обновляемаго человѣка, добрымъ произволеніемъ повинуется: а здравому разуму, всегда послѣдуетъ. На поминаніе добрыхъ дѣлъ, имѣетъ во устахъ своихъ медъ; а въ чувствительныхъ язвахъ бѣдъ, и печалей человѣческихъ: подобно цѣлительной мази, и живучему пластырю, на этѣ раны наши. Для сей притчины; всякому человѣку должно съ великимъ прилѣжаніемъ того смотрѣть, дабы сію крѣпкую подпору и жезлъ старости, а имянно добрую совѣсть; своевольствомъ, ихудыми дѣлами, въ молодости своей не переломить. Веселіе нрава, и сердца человѣческаго; [по слову Саломонову] произходитъ

дитъ отъ добрыхъ дѣлъ. Римской Цесарь Маркъ Аврелій, написалъ. Почто мнѣ самому себя крушить; когда я никого умышленно не опечалилъ? Кто симъ душевнымъ спокойствомъ, во временной жизни не наслаждается; тотъ при смерти своей, конечно мучится будетъ. Тогда уже, спящая собака [худая совѣсть] просыпаючисъ лаять; а душу въ человѣке, ежеминутнымъ напоминаніемъ учиненнаго зла: безпрестанно кусать начнетъ. Знатные въ исторіи люди; Мициллъ, да Мегапентъ, разными способы жили: и различную смерть имѣли. Одинъ изъ нихъ; того душевнаго спокойства во всю жизнь свою не имѣлъ, которое отъ добрыхъ дѣлъ родится: а какъ смерть къ нему пришла, то онъ напоминаніемъ злыхъ дѣлъ своихъ, такъ сильно и не ослабно мучился: что ни какія забавы, глубокой печали его разсыпать не могли Мегапентъ, въ этомъ тяжкомъ уныніи; по долговременной тѣломъ, душею, и совѣстью, мукѣ; съ несказанною горестью умираетъ. Вопреки сему; бѣдной, только добродѣтельной Мициллъ: жизнь свою съ простотою сердца, и съ веселіемъ духа проводя; приближающейся кончины, въ кротости ждетъ. Ни домъ, ни богатство, ни жена съ дѣтьми; ни честь, ни знатное достоинство, въ этой прискорбной и маловременной жизни, отнюдь его не удерживаетъ; а пріятное на поминаніе добрыхъ дѣлъ, будущею жизнью нимало его не страшитъ. Добросовѣстной Мициллъ; на приближающейся конецъ свой спокойнымъ окомъ смотря, душею о томъ радуется: что суетной, прелестной, и грѣшной свѣтъ сей, на Елисейскіе поля; тоесть, на вѣчное блаженство скоро промѣняетъ. Древней Историкъ Лукіанъ; житье, и смерть, сихъ язычниковъ пространно описалъ; а мы сей примѣръ для того сюда внесли, дабы Христіяне у язычниковъ научилисъ; доброй совѣсти, отнюдь не презирать. Она; истинной престолъ, и божественной голосъ страшнаго Судій, въ сердцѣ человѣческомъ. Она; передъ глаза человѣку днемъ, и ночью это ставитъ: когда дѣла и помышленіи наши, по насъ; или противъ насъ свидѣтельствуютъ. По разумной ли мы природѣ живемъ, и дѣлаемъ? Или отъ человѣчества удалясь, безумнымъ скотамъ уподобилисъ? Ежели совѣсть, въ послѣднемъ насъ обвинитъ: то отъ сего обличенія, такой стыдъ родится: что человѣкъ, и за неволю безпокойнымъ быть принужденъ. А буде первое найдется; то слѣдуетъ внутренняя радость о томъ, что человѣкъ правду здѣлалъ. За тѣмъ

 при-

придетъ въ сердце наше радость о исправности въ дѣлахъ, и о томъ согласіи; въ которомъ разумное созданіе, со всею умною тварью живетъ. Сіе душевное спокойство, происходитъ отъ того; что человѣкъ столько праведнаго, и добраго здѣлалъ: сколько въ его силѣ, и возможности было. богу; подобающую любовь, и должность отдалъ. Себя; ни чѣмъ не обругалъ, и не обезпокоилъ. Умной природы своей; ни безумною, ни развращенною, не здѣлалъ: а страстямъ своимъ, надъ здравымъ разумомъ; ни воли, ни власти, не далъ. ума своего, злыми помышленіями не затмѣнялъ; а волѣ своей, ложными стяжаніями прельщатся не допускалъ: но совѣсть, и сердце, истинными благими увеселять старался. Всякую вѣщь, по ея прямому достоинству цѣнилъ: а людямъ, должную любовь, и услугу казалъ. Симъ то способомъ; всякъ, свое получилъ. Естеству, долгъ заплаченъ; а человѣкъ: веселъ, радостенъ, и спокоенъ остался. буде же насъ; прилипчивой [удобь обстоятельной] грѣхъ, въ совершенствѣ не достаточными; а погибель нашу, безмѣрно чувствительною намъ творитъ; то имѣемъ Спасителя, и столь великаго о насъ ходатая къ богу и Отцу своему; а онъ Христосъ Господь нашъ, грѣхи всего мира въ пречистой и святѣйшей крови своей омылъ. О семъ, въ Христіянскихъ утѣшеніяхъ пространнѣе обьявится; а теперь намъ, до одново естественнаго человѣка дѣло. Понеже онъ, съ несказанно великою охотою спокоенъ быть желаетъ; то къ сему душевному спокойству, сообщимъ ему, слѣдующее пятеричное руководство. 1 Знать себя. 2. Разумной природѣ послѣдовать. 3. Смотря по времени поступать. 4. Во всемъ, мѣру знать; а 5. Всего себя, богу предать.

16.

Страхъ божій.

Сіе тоесть, по разумной природѣ жить; а доброй совѣсти, во всемъ послѣдовать. Любить себя, разумно; и тѣмъ человѣку довольну быть; что на него по волѣ, и по судьбѣ божией придетъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ вѣщей, предъ симъ упомянуто; а теперь, прежде то разсудимъ: что еще язычники при лунномъ сіяніи, или при свѣче умнаго естества увидѣли; какъ нужно всякому человѣку, прилѣжное напоминаніе всемогущаго бога; и коль не обходимо, искренное Ему служеніе, съ молитвою. Воперьвыхъ, на охраненіе; а потомъ, на

на успокоение души нашей. Пифагоръ, Платонъ, Іероклъ, и лучшіе изъ древнѣйшихъ Философовъ; многова, умомъ своимъ постигнуть не могши, опредѣлили: все уму человѣческому непостижное, божіей мудрости предать. Разумнѣйшіе Философы, такъ сказали. Человѣкъ, до тѣхъ поръ совершеннаго спокойства получить не можетъ; пока себя въ волю божію, совершенно не вручитъ; по слову Іовлю. Господь даде, Господь и взятъ; буди имя Господне, благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Хотя сей праведной много страдалецъ, родомъ не отъ Евреовъ; а вѣрою, не Христіянинъ былъ; однако чуднымъ, а богу угоднѣйшимъ страданіемъ своимъ, не только Іудеовъ; но многихъ Христіянъ превзошелъ. Ежели мы умны быть хотимъ; [пишетъ Епикуръ] то кромѣ хваленія бога, ничего дѣлать не станемъ. Намъ; при каждомъ дѣле, и у всякой работы своей, надобно такъ говорить. Слава богу; давшему мнѣ руки, здоровые, и члены на работу: сонъ, на упокоеніе тѣлесной немощи; гортань, на пѣніе; а языкъ, на прославленіе неизщетныхъ бога нашего милостей къ роду человѣческому. Чрезъ сіе; и другихъ людей, къ хвалѣ божіей ободрять потщимся. Сія разумная кротость; весьма крѣпкой фундаментъ, и непоколебимое основаніе спокойства душевнаго. Она: какъ чрезъ всю жизнь, такъ и при самой смерти человѣка, душу всякаго Христіянина; въ совершенное повиновеніе богу, и Святой Его волѣ, доброхотно приводитъ. Въ темницѣ сидѣвшей Сократъ, другу своему Критону сказалъ. Что бы мнѣ, милой другъ; по волѣ божіей ни зделалось: тѣмъ я желаю, и долженъ всѣмъ доволенъ быть. Хотя Анитъ съ Мелитомъ, тѣло мое умертвить и могутъ; только души моей убить, а безсмертнаго духа смерти предать, оба они не въ состояніи. Сколь отъ великихъ и премногихъ печалей, избавляетъ насъ сія кротость, въ злополучіи нашемъ: и какъ великою мѣрою, усугубляетъ спокойство наше въ благополучіи: того языкъ человѣческой изрещи, а слабое перо, описать не возможетъ. Любовь, и радость; суть истинныя дѣйства, и первыя плоды страха божія. Мы ясно видимъ, и праведно удивляемся премудрости божіей; во Святыхъ, и страшныхъ дѣлахъ Его. Любимъ, и все должно почитаемъ бога. Молимся ему; съ радостнымъ извѣщеніемъ тѣхъ его премногихъ щедротъ и милостей, которыя богъ съ нами учинить благоволилъ. Все, на что мы ни взглянемъ; то побуждаетъ насъ къ хвалѣ,

и прославленїю Творца: когда мы его искренно любимъ, и боимся. Настоящее, и будущее; наполняетъ души боящихся Господа спокойствомъ, и надеждою. Они, по смотря на землю; радуются нынѣшнему жилищу своему. Возведши очи къ небеси; веселятся о томъ преславномъ и безсмертномъ чертогѣ своемъ, которой отъ бога; всѣмъ любящимъ его; отъ сложенїя мира уготованъ. Взглянувъ на бѣдное тѣло свое, утѣшаются тѣмъ; что нужды ево, день за день умаляются. Или о томъ веселятся; что сїя земная храмина; сподобилась быть жилищемъ безсмертнаго духа божїя. Они; душу свою безпрестанно помня, ничѣмъ не оскверняютъ. Хотя и бѣдны, однако тѣмъ довольствуются; что ни великой нужды, ни дальней печали не имѣютъ. Ежели богаты; то всякому изъ тѣхъ случаевъ радуются, въ которомъ богъ возможность имъ далъ: отъ имѣнїя своего ближнему добро дѣлать, а требующимъ помогать. Сколько изряднаго въ свѣте ни увидятъ; столь много ободренїя къ любви, и хвалѣ божїей, въ сердцѣ своемъ чувствуютъ. Ежели на нихъ скорьбь, или бѣда придетъ; то всегдашней запасъ утѣшенїя, и крѣпкой на бога надежды имѣютъ. Всякой изъ нихъ, такъ говоритъ. Славлю, и хвалю Господа бога моего о томъ; что онъ мнѣ, бѣды и напасти мои терьпѣть помогаетъ. Свѣтъ сей; премудрымъ правленїемъ своимъ, чувствительнымъ мнѣ творитъ: а пользу, съ благополучїемъ моимъ; разными не щастїй, человѣколюбно поспѣшествуетъ. Хвалю, и благодарю бога моего о томъ; что я не слѣпъ, не хромъ, не безуменъ, не въ тюрьмѣ, и не въ плѣне: да на совершенной свободѣ; цѣлъ, и со всѣмъ здоровъ. А понеже страхъ божїй, начало всякой премудрости; то при начатїи сего разсужденїя; помолимся Царю мира духовнаго, и начальнику спокойства душевнаго, тоесть трїипостасному богу нашему: дабы онъ сквозь темноту бѣдъ, и напастей нашихъ; благимъ, правымъ, Святымъ, и радостнымъ духомъ своимъ, милосердо насъ провелъ. Притомъ; одолженною совѣстью и благодарственнымъ сердцемъ, полученныя благодѣянїи съ милосердымъ о насъ промысломъ, и отеческимъ попеченїемъ его на помянувши: по должности прославимъ. Великой въ римскихъ Цесаряхъ Императоръ, дастъ намъ словъ своихъ въ займы; и радостною своею благодарностью, какъ природнымъ свѣтомъ здраваго разума просвѣщенной язычникъ; многихъ въ темнотѣ

заблуж-

заблужденія живущихъ, а на свѣтъ истинны взглянуть нехотящихъ Христіянъ: безотвѣтно посрамитъ. благодарю бога моего; [пишетъ Маркъ Аврелій въ 17 мъ пунктѣ 1. своей книги.] что онъ мнѣ честныхъ родителей даровавши; всѣмъ добрымъ на свѣте, обильно меня благословилъ. богъ же мнѣ ту милость даровалъ; что я, ничего противнаго ему не здѣлалъ: хотя часто, и при многихъ случаяхъ склоненъ къ тому былъ. Это я за особливую къ себѣ милость божїю признаваю; что всѣ такія случаи немедлѣнно ищезали, которыя меня къ не щастїю привесть могли. Еще Господу моему за то благодаренїе приношу, что я въ дальнемъ воспитанїи у наложницы дѣда моего не оставшисъ, молодыя лѣта свои въ то время, и потомъ: непорочно, и цѣломудренно прожилъ. Я себѣ такого Монарха во отца получилъ; которой меня отъ всякой гордости и тщеславія излѣчить, а притомъ мнѣ показать старался, дабы Императору такъ жить; чтобъ ему ни въ караулѣ, ни въ богатомъ платьѣ, ни въ дорогихъ уборахъ, ни во множествѣ свѣчъ, ни въ великомъ числѣ служителей, нужды не было: но вездѣбъ Цесарю просто, и скромно себя вести; толькожъ безъ урону чина, и достоинства своего, когда государственная польза, или нужда того по требуетъ: дабы Цесарю себя всей Монархїи своей, въ высокомъ лицѣ Римскаго Императора непостыдно показать. Паки бога моего о томъ благодарю; что онъ мнѣ такого брата даровалъ, которой меня тому на училъ: что бы не только себя смотрѣть, но и опасно беречъ. дѣти мои; никакого порока на тѣле не имѣя, добронравны были. Воспитавшихъ меня людей; а особливо тѣхъ, которые мнѣ путь къ добродѣтелямъ показывали: въ желаемыя ими чины, и достоинства охотно производилъ; а за не совершенствомъ лѣтъ ихъ, симъ благодѣянїемъ, нимало не медлилъ. Яжъ еще старался то узнавать; какъ бы мнѣ лутче, а съ разумною натурою сходнѣе жить. И такъ; не отъ недостатка ея помощи, или просвѣщенія, то дѣлалосъ: что я временемъ, отъ такого житья удалялся; но моя въ томъ собственная вина была, что не поея велѣнїю и правиламъ жилъ: а отъ того, иногда произходило; что я заповѣдямъ божїимъ не слѣдовалъ; и его Святому ученїю не повиновался. Я же безмѣрной благости божїей сїе приписываю; что многими болѣзньми одержимое тѣла мое, столько трудовъ въ жизни своей снести могло. Хотя я на учителя

моего Рустика, за грубость ево часто серживался; однако, никогда того не дѣлывалъ: чего бы мнѣ потомъ жаль было. О томъ еще бога хвалю; что хотя мать моя въ малодыхъ лѣтахъ, однако у меня въ домѣ скончалась. И за то бога славлю! Когда я хотѣлъ бѣднаго человѣка наградить; то никто мнѣ того не сказалъ, что нѣчемъ. А самого меня, никогда до такой нужды богъ не допускалъ; что бы мнѣ у другихъ людей милости, или помощи просить. Что у меня покорная и услужная жена, которая меня любитъ; а въ своемъ поведенiи проста, и не лукава. Что я дѣтямъ моимъ искусныхъ, и добродѣтельныхъ учителей нашелъ. Не заменьшей знакъ божiя къ себѣ милости, сiе почитаю; что онъ мнѣ во многихъ снахъ, отъ болѣзней моихъ лѣкарства открылъ; а особливо отъ обмороковъ, также отъ хожденiя крови ртомъ, и носомъ; какъ то надъ мною въ Гаэтѣ, и въ другихъ мѣстахъ бывало. И то егожъ божiя ко мнѣ милость; что я по великой своей охотѣ къ Философiй, не попался въ руки Софистамъ. Книгъ ихъ, не читалъ; хитроплетенныхъ гаданей, не зналъ: а во всю Философiю, да еще въ Астрологiю; выше мѣры не углубился. Все сiе; называю я великою милостiю, и благословенiемъ Всещедраго бога. Писано въ лагерѣ, противъ Квадовъ; у рѣки Грануа.

17.

Воздержанiе страстей.

Подлинно; въ лагерѣ противъ Квадовъ, или на войнѣ противъ непрiятелей: тоесть противу страстей, и злыхъ вожделѣней нашихъ. Они то нарушаютъ миръ нашъ. Отвлекаютъ насъ отъ бога; и отнимая страхъ Господень, лишаютъ человѣка истинной радости: ежели онъ ихъ здравымъ разумомъ, заблаговременно не побѣдитъ. Другiе народы, зовутъ ихъ похотьми; а на Еврейскомъ языкѣ есть такое слово, которое страсти съ прихотьми, основанiемъ всему безпокойству: и коренемъ всякому злу, потому и мянуетъ; что отъ прихотей, всѣ страсти родятся. Для чего одинъ человѣкъ враждуетъ, завидитъ, жалуется, тужитъ, ревнуетъ, злобится, и всѣмъ не доволенъ? Для того; что злова желанiя своего, исполнить не можетъ. А чего ради другой; всѣмъ доволенъ, спокоенъ, тихъ, и кротокъ? Того ради, что страсти свои воздерживаетъ. О томъ уже выше

сего

сего сказано; что непорядочныя вожделѣнiи, какъ злыя дѣти пагубнаго грѣха; всю человѣческую жизнь, въ великое смятенiе приводять. А теперь то обьявимъ; какъ страсти съ вожделѣнiями, здравымъ разумомъ въ такой порядокъ приводить: чтобъ бѣдная душа наша, сколько ей возможно, миръ и спокойство въ дому тѣла своего имѣла. Тихiя вѣтры, ко очищенiю воздуха весьма надобны; буде же они, въ жестокую бурю обратятся: то, все ломая опровергаютъ. Страсти въ человѣке, точно подобны вѣтрамъ на землѣ. Этѣ телесныя наши вѣтры; всю кровь въ человѣке для того движутъ, чтобъ она, застоявшись не испортилась: а кой часъ выше мѣры усилятся, то, во всѣмъ человѣке; великiя бури, и страшныя опустошенiи дѣлаютъ. Природа, человѣку; къ собственному храненiю и содержанiю себя, даровала четыре главныя страсти, которыя изъ двухъ разныхъ источниковъ выходятъ; тоесть изъ любви, да изъ ненависти. Перьвыя движенiи, раздѣляются на четыре главныя рѣки. 1. радость, 2. печаль, 3. забава, а 4. болѣзнь. Отъ сихъ главныхъ, тѣ другiя страсти пошли; которыя по близости любимаго блага, или по отдаленiю ненавидимаго зла, иногда сильнѣйшiя: а временемъ, легчайшiя дѣйства съ имянами получаютъ. Я сего многочисленнаго войска, на смотрѣ выводить не намѣренъ; да только хочу сiе показать, какъ это полчище въ границы приведши, по малу преодолѣвать. Разумная и благая природа; на обузданiе сихъ бѣшеныхъ лошадей, даровала намъ два крѣпкихъ муштука, а имянно: совѣсть, и страхъ божiй. Страсти, [къ великому удивленiю] всѣ таковы; что одна, другую прогонять можетъ. Естественной или плотской человѣкъ, ту великую помощь къ спокойству внутрь себя имѣетъ; что любовь, одолѣваетъ ненависть: радость, прогоняетъ печаль; а желанiе чести, побѣждаетъ роскоши, съ прихотьми и вожделѣнiями. Когда эте страсти жестоки, и не удержимы станутъ; то одна, посредствомъ болѣзни: должна другую наказывать. Страхъ; данъ намъ отъ бога, и отъ природы, въ жестокаго наказателя всѣмъ страстямъ. Противу сихъ душевныхъ бунтовщиковъ; языческое нравоученiе, представляетъ намъ двѣ мудрыя: и весьма важныя книги. Одну, о воздержанiи; а другую, о благопристойности. По сему; ни Турокъ, ни Персiянинъ, того говорить не доженъ: будто ему страстей своихъ воздержать

 не льзя,

не льзя. Кто сему по противится; тотъ принудитъ меня, не только дѣлами многихъ злыхъ людей то доказывать: какъ они, страсть страстью, весьма хитро побѣждать умѣютъ; да еще приневолятъ меня, показать въ примѣръ имъ искусную собаку, которая обучена голодъ свой такъ воздерживать; что передъ брошеными ей съѣстными вѣщми легши, до тѣхъ поръ ихъ не трогала: пока хозяинъ къ ней пришедши, лѣжащее передъ нею, съѣсть приказалъ. Воздержанiе страстей, зависитъ на и болѣе отъ прилѣжнаго разсмотрѣнiя, и глубокаго примѣчанiя ихъ. Потомъ, отъ истиннаго, и твердаго намѣренiя о супротивленiи имъ; за тѣмъ, отъ при обыкновенiя къ тому; а наконецъ, отъ силы, и помощи божiя. Примѣчанiе страстей, съ крѣпкимъ намѣренiемъ, что бы имъ противиться; и за обыкновенiе къ тому, всякому человѣку возможно: а благодать, и помощь божiя; ни одному просящему не отказана. Сей трудъ, такъ важенъ; что объ немъ, и двожды упомянуть, не много. Я это поставлю на пробу, словами тогожъ безпримѣрнаго Императора; которой хотя и не очень красиво писалъ, только всегда правду дѣлалъ. Старайся о томъ; [пишетъ Маркъ Аврелiй въ 26 пунктѣ 5. книги своей,] чтобъ лутчая часть самого тебя, [душа] ко всякимъ тѣлеснымъ озлобленiямъ, не чувствительна была; хотябъ они прiятными, или болѣзненными тебѣ казались. Смотри того, что бы душа съ тѣломъ не мѣшалась; чтобъ онѣ, изъ предѣловъ своихъ, отнюдь не выходили: а въ ту сторону, никогда ихъ не пускай; гдѣ прихоти твои воюютъ. буде же страсти, по близкому соединенiю души съ тѣломъ; тайною силою, до духа продерутся: то, хотя ты естественной чувственности ихъ, совершенно противиться и не можешь; однако, всею силою тому препятствуй, чтобъ душа твоя того не мыслила; будто такiя чувственности злы, или добры. Дальнѣе руководство къ сему дражайшему труду; подастъ намъ тотъ же великой Императоръ, [въ 3 пунктѣ четвертой своей книги] слѣдующими словами. Не вольно ли тебѣ, на всякой часъ самому въ себя приходить? Нѣтъ того уединенiя лутче, и любезнѣе, которое человѣкъ въ душе своей находитъ; ежели въ ней, довольное руководство къ миру, и къ спокойству душевному есть. Спокойствомъ, называю я доброй порядокъ, и твердое состоянiе души. Ходи же

другъ

другѣ мой! Вѣ сїю прекрасную пустыню, чаще. Обновляйся вѣ ней. Отдыхай; и какѣ можно молодѣй. Всегда при себѣ держи не большое число такихѣ короткихѣ правилѣ; которыми бы ты, всѣ свои печали прогнать: а противѣ всякихѣ случаевѣ и припадковѣ, крѣпко вооружатся могѣ. О чемѣ бы тебѣ гнѣватся; и за чтобѣ на свѣте сердиться? Ежели на злость человѣческую? Такѣ вспомни сїю правду; что одинѣ человѣкѣ на услугу, и на пользу другому рожденѣ. Самая [потому] справедливость, сего требуетѣ; чтобѣ одному, недостатки сѣ пороками другова, терпеливо сносить. Вѣдаешь ли; что они по неволѣ грѣшатѣ? Узнавши сїе, престанешѣ себя мучить; когда вспомня разсудишѣ, сколько тѣхѣ людей до сего времени померло, и вѣ пепелѣ обратилосѣ; которые на свѣте живши, сѣ другими людьми великую вражду, и не примиримую ссору имѣли? То ли тебя озлобляетѣ, что по порядку всеобщей натуры дѣлается? Представь себѣ тогожѣ часа, сїе правило вѣ память. Провидѣнїе ли божїе, весь свѣтѣ управляетѣ; или все по случаю дѣлается? Туже минуту увидя, несумѣнно повѣришѣ; что, [воистинну] промыслѣ Всемогущаго, цѣлой свѣтѣ сей непостижно правитѣ: и онымѣ, всесильно владѣетѣ. болѣзниль, тѣлу твоему докучаютѣ? Напомни себѣ то; когда душа твердо сѣ силою зберется, и крѣпость свою подлинно услышитѣ: то она, сѣ тѣмѣ жизненнымѣ вѣ человѣке духомѣ отнюдь не смѣшается; которой, отѣ болѣзней мученїе: а отѣ роскошей, подстрѣканїе терьпитѣ. Кѣ сему, все то прибавь; что тебѣ люди, про эте обѣ страсти сказывали. Еще того не забудь, что ты вѣ книгахѣ читалѣ; или самѣ на дѣле [вѣ практикѣ] видѣвши, за сущую правду призналѣ. Развѣ тебя люблeнїе чести побуждаетѣ? По думай! Сѣ какою скоростью, все на свѣте вѣ забвенїе приходитѣ! Представь себѣ вѣ мысль; непостижимую, и неизмѣримую бѣздну до тебя бывшаго: и по тебѣ, будущаго времени. Разсуди суету хвалы человѣческой! Подумай о неразумїи, сѣ непостоянствомѣ народа; которой только думаетѣ, будто онѣ тебя хвалитѣ; а самѣ того не знаетѣ, за что прямо человѣка хвалить; и для чего хулить. Разсмотри узкость того мѣста; которое твою похвалу вѣ себѣ заключаетѣ. Сколько тѣхѣ языковѣ, кои тебя хвалятѣ; и что они за люди? Тебѣ, больше сего дѣла не осталосѣ; какѣ только вѣ себя пришедши, по среди

 обѣ-

объявленнаго предъ симъ жилища твоего, спокойно жить, прежде всего; перестань себя мучить, и запирать. будь свободенъ! На все свѣтское, такъ смотри; какъ крѣпкому, и совершенному мужу: какъ доброму гражданину, и смерти подверженному человѣку надлежитъ, и благопристойно есть. Между всѣми правилами; сихъ двухъ пунктовъ не забудь. 1. Ни какая вещь души человѣческой, сама собою не трогаетъ: но все ея состояніе неподвижно пребываетъ. О чемъ мы безпокойство чувствуемъ; то приходитъ отъ онаго мнѣнія, съ которымъ человѣкъ, объ этой вещи разсуждаетъ. 2. Все видимое тобою, во мгновеніе ока такъ перемѣнится; что уже его никогда больше не будетъ. Для подлиннаго о семъ увѣренія, подумай; сколько уже ты, такихъ перемѣнъ на свѣте, своими глазами видалъ? Весь свѣтъ, всегдашная перемѣна; а жизнь наша, одно привидѣніе. Но понеже между сими суетными пестротами, ни глазъ человѣческой глядѣніемъ, ни ухо слышаніемъ, никогда не насыщается: а побужденіе прихотей, ни на одинъ день не перестаетъ; тобъ мы всеконечно пропали, ежели бы симъ ложнымъ свѣтиламъ по слѣдовали. Чтожъ намъ дѣлать, дабы спокойнымъ быть? За ранѣе привыкать; къ возможному сопротивленію страстямъ, и прихотямъ нашимъ. Данное отъ Эпиктета къ сему важному дѣлу руководство, изъ самой практики взято; а состоитъ, въ слѣдующихъ словахъ. Обычай; [говоритъ сей Философъ] обычаемъ побѣждается. Дѣломъ исполненныя вожделѣніи, глубокія раны въ сердце человѣческое водружаютъ. Хотя ты этѣ язвы и залѣчишь; однако отъ нихъ, такія пятна остаются: которые опять скоро загноится могутъ, ежели за ними прилѣжно смотрѣть неставешь. Ежели ты ко гнѣву сроденъ, или по привычкѣ склоненъ; то всего, и прилѣжно того берегисъ; что сію страсть возбуждаетъ. Утиши себя на малое время, и сочти; сколько дней ты не сердился? Ты по своему нраву, ежедневно сердиться обыкъ; а буде два, или три дни, ни за что не злобился; то уже подлинной знакъ, что гнѣвъ твой убываетъ. Ежели увидишь; что сего гнѣва съ яростью, цѣлую недѣлю у тебя не было: то сходивши въ Церьковь, за сію Творца твоего милость, усердно поблагодари. Сего дни я, ни о чемъ не печалился; И завтра, тужить не стану. А што какъ я, недѣль пять шесть съ ряду, то же дѣлать начну: не лутче ль

мы

мнѣ прежняго будетъ? Вчера видѣлъ я красавицу; только не подумалъ, и сего слова не сказалъ: щасливъ тотъ человѣкъ, кто сею красотою владѣетъ. Она меня, также манивши прельщала; какъ Пентефрїева жена, Iосифа. Только и я, власно какъ сей цѣломудренной праотецъ, бога побоявшись; отъ этой безстыдницы удалился. Ежели ты въ себѣ спокоенъ, а богу прїятенъ быть желаешь; то потщись, [тотъ же Эпиктетъ пишетъ] предъ богомъ, и передъ самимъ собою, чистъ быть. Философъ Платонъ; прихотливымъ людямъ, велитъ молится. Царь Каллимахъ, совѣтовалъ имъ; прилѣжно работать, воздержно жить: всегда о себѣ думать, и часто смерть помнить. Истинное о исправленїи своемъ намѣренїе; ежедневное въ трудѣ, и въ добродѣтеляхъ за обыкновенїе, подъ благословенїемъ божїимъ: сильнѣйшую къ сему великому дѣлу помощъ, подать можетъ. Много такихъ людей видано; которые отъ жестокой склонности къ роскошамъ, долговременнымъ воздержанїемъ, почти совершенно отъ нихъ отвыкли: а начало сему великому дѣлу, прилѣжною молитвою, и ежедневными трудами учинили. Вся сила въ томъ; дабы человѣку бога, прилѣжно помнить: а себя, обстоятельно знать. Совершенное руководство на укрощенїе страстей, съ похотьми; подаетъ намъ Израильской Царь Асафъ. Сей добродѣтельный Монархъ; природное наше честолюбїе, зависть, сребролюбїе, склонность къ роскошамъ, и ревность о временномъ процвѣтанїи беззаконниковъ; въ семдесять второмъ псалмѣ, пространно описалъ: а мы изъ онаго псалма, по приличности къ нашему дѣлу, слѣдующїя слова его возмемъ. Яко разжжеся сердце мое, и утробы моя измѣнишася; и азъ уничиженъ быхъ, и не разумѣхъ. Скотенъ быхъ у тебе; и азъ выну съ тобою. Удержалъ еси руку десную мою, и совѣтомъ твоимъ, наставилъ мя еси; и со славою воспрїялъ мя еси. Смиреннымъ признанїемъ немощей своихъ, и прошенїемъ у бога помощи, такъ укрѣпился; что весь свѣтъ, не надобенъ ему сталъ. Что бо ми есть на небеси; и отъ тебе, что восхотѣхъ на земли? Кротость душевная, отъ того происходитъ, что душа въ добродѣтельной волѣ своей возвысившись; а всю земную тлѣнность узнавши, обще съ Саломономъ скажетъ. Вся суть суета; и изволенїе духа. [прихоть.] Для сего то, языческїе учители; великодуше съ мужествомъ, за толь

важную

важную добродѣтель почли: которая, духъ и сердце у человѣка, выше всего тлѣннаго возводя: а душу утѣшая, спокойною творитъ. Сія добродѣтель; утверждается на праведномъ познаніи вѣщей, и цѣны ихъ. Еще, на потеряніи малаго; ради пріобрѣтенія большаго добра. Она, зачинается бодрымъ намѣреніемъ; а совершается постоянствомъ. Мужество, побѣждаетъ двухъ соперниковъ своихъ; а имянно: дряхлость, и страхъ. Ежели человѣку, честолюбія своего на зло не употреблять; то оное же мужество, чрезъ отвержение всякихъ суетъ и тлѣнностей; великой миръ въ душе человѣческой причиняетъ, и производить долженствуетъ. Такіе способы, давали языческіе Философы своимъ ученикамъ; дабы они исполеніемъ Философскаго ученія, въ себѣ спокойны были: а дорогу къ высочайшему спокойству души, надлежало преодолѣніемъ страстей пріуготовлять. Для сей притчины, Пифагоровы ученики; прежде того спать не ложились, пока сами въ себѣ такого разсмотрѣнія не учинили: какъ много они чрезъ весь день, страстей своихъ укротивши побѣдили. Чѣмъ больше сего здѣлали; тѣмъ ближайшими себя къ великодушію, и къ душевному спокойству почитали. Здѣсь, никакихъ законовъ на сіе важное дѣло не предписывается; но ктобы опамятовавшисъ разсудить не похотѣлъ, въ чомъ прямая должность тѣхъ истинныхъ Христіянъ заключается: кои, отрицаніе всего свѣтскаго, за основаніе всему званію своему почитаютъ? Объ этомъ; во второй части сей книги, пространнѣе объявится; а теперь, надобно о томъ подумать; праведноль мы, того человѣка слѣпымъ почитаемъ: кто образа случаевъ, и состоянія приключеней своихъ; видѣть, чувствовать, и узнать не можетъ? А тѣмъ людямъ, какое уже имя дать; кто этѣ случай и вѣщи, не тѣми; и не такими признаваетъ: каковы они въ самомъ дѣле? развѣ тотъ премудръ, кто самъ себя обманываетъ; а такой человѣкъ великодушенъ, кто взбѣсился? Тотъ уже конечно человѣчество за былъ, кто слѣпымъ страстямъ своимъ скотски послѣдуетъ; и безъ малѣйшаго супротивленія имъ повинуешся. Все наше преимущество, въ томъ заключено; что бы человѣкъ въ дѣлахъ своихъ, разумно поступалъ: а тому бы, какъ главнѣйшему врагу своему противился; кто, или что: дражайшее сокровище наше, тоесть душевное спокойство, отнять у насъ похочетъ. Съ какимъ прилѣжаніемъ золотыхъ, и серебреныхъ дѣлъ мастеръ;

къ дѣлу своему надобныя металлы пробуючи, высоту доброты ихъ узнаваетъ: съ такимъ же раченїемъ и мы, опасаючись того; чтобъ наружней видъ, насъ непрельстилъ; отворя очи разума нашего; посмотримъ безпристрастно; существа, и состоянїя, всякихъ вещей на свѣте.

18.

За симъ безпристрастнымъ разсмотрѣнїемъ всякой вещи, должны мы мнѣнїе свое такъ обуздовать; дабы оно, всякую вещь такъ намъ казало: какова эта вещь въ самомъ дѣле, и въ состоянїи своемъ подлинно есть. При такомъ случаѣ; отъ правды, и отъ мудрости сїе зависитъ: что бы человѣку не обмануться, и ни чѣмъ себя не прелвстить. Правда намъ сказываетъ, какая это вещь. Мудрость объявляетъ, къ чему эта вещь способна; а ты своему мечтанїю, на подобїе такого адвоката, [стрянчей] отнюдь воли не давай: которой, и доброе хулитъ; и худое хвалитъ. Неправедное мнѣнїе, подобно такой волшебницѣ; которая умъ человѣческой, толь сильно ослѣпить можетъ: что онъ добра, и зла; не разпознаетъ. Между ложью, и правдою, такое различїе; какъ между землею, и между небомъ. Ложь; утверждается на вожделѣнїяхъ, на мечтахъ, на зломъ обычаѣ, и на прелестной модѣ: а дерзость съ любопытствомъ, въ товарищахъ у лжи. Правда; [напротивъ того] имѣетъ въ твердое себѣ основанїе бога, всю тварь, разумъ, вѣчное право, и добрую совѣсть. Ложъ, безстыдна; а правда, скромна. Ложъ жестока, только безсильна; а правда тиха, но притомъ могущественна. Ложъ, прельщаетъ на лица зрѣнїемъ; а правда, побѣждаетъ тайною силою божїею. Ложъ, ослѣпляя насъ обманываетъ; а правда, просвѣщая увѣряетъ. Но понеже ложъ, со злымъ примѣромъ, такъ обманчива; что ложное праведнымъ, а злое, добрымъ кажетъ: то къ сему дѣлу, такое раченїе приложить должно; дабы мечта съ воображенїемъ, такъ не праведнаго мнѣнїя въ насъ не родила: которое всему состоянїю, и свойству вещей, со всѣмъ противно. Отъ воображенїя, родится мнѣнїе; а отъ мнѣнїя текущїе мысли, всю человѣческую жизнь управляютъ. Многїе ко лжѣ привыкшїе люди, весьма напрасно думаютъ; будто они все, и всегда правду говорятъ. По сему, видна жестокая сила мечтанїя ихъ. Горячкою лѣжавшимъ людямъ, такая мечта въ голаву вселилась, будто они умерли; а

Какъ человѣку, мнѣнїе свое; въ порядокъ приводить.

потомъ оздоровѣвши, нѣсколько лѣтъ жили. Для сихъ притчинъ, всею силою берегись, дабы тебѣ того за доброе не признавать; что вожделѣніе съ мечтою, мыслямъ твоимъ хвалитъ. Обманъ, никогда бы на свѣтъ не пришолъ; естьлибъ человѣческое мнѣніе, сію ложь: подобіемъ правды, какъ покрываломъ не одѣвало. А понеже мнѣніе, чувствами поощряется; то всѣ его представленіи, жестокостью, и жаромъ наполнены. За тѣмъ то сіе мнѣніе, душе нашей также не покаряется, какъ движеніе внѣшнихъ членовъ; но жестокимъ стремленіемъ своимъ, тихости разума сопротивляючись, всегда того ищетъ: какъ бы сего Царя въ головѣ, съ Престола его свергнуть; а самому бы мнѣнію съ суетою, да съ ложью соединясь: на сей Престолъ взойти. буде сіе, [по не щастію] здѣлается; то ложное мнѣніе, всю человѣческую жизнь: безумно затвердѣлыми мысльми, мечтою, ложнымъ страхомъ, суетнымъ желаніемъ, и тщетною надеждою, сильно мучить станетъ; по примѣру той Галанки, которой не престанно казалось, будто она такъ обворожена: что сосѣдки во всѣ окна, и отовсюды на нѣе смотрятъ; кудабъ отъ нихъ не пряталась. Въ другой части сей книги, пространнѣе объявится, что такое состояніе; темнымъ духамъ способъ къ тому подаетъ, что бы человѣка различными искушеніи, да мечтами мучить: а теперь должно намъ, отъ прелестей ложнаго мнѣнія, и мечты: сими правилами укрѣпиться. 1. Отнюдь къ тому не привыкай, что бы тебѣ по одному виду правды: но къ тому нравъ свой пріучай, дабы всегда по сущей истиннѣ; и по подлинному состоянію дѣла, и вѣщи: обовсемъ безпристрастно разсуждать. 2. Ничего не люби, и не почитай, кромѣ такова истиннаго блага; которому собственная твоя совѣсть, и другихъ людей печальная практика, [искуство дѣломъ] ни въ чемъ не споритъ, и прекословить не можетъ. 3. Не праведнаго, отнюдь за полезное не признавай; и добрымъ не зови. 4. Понеже природа наша, грѣхопаденіемъ къ тѣлесному прилъпнувши, естественную въ человѣке къ тому склонность, сильно умножила; то, такое благо, всегда подозрительнымъ тебѣ да будетъ: котораго твои чувства, безмѣрно желаютъ. 5. О верьховномъ твоемъ добрѣ; по самой лутчей части самого тебя, [душа] здраво и праведно разсуждай: а исправленіе души своей, выше всѣхъ тѣлесныхъ дѣлъ твоихъ почитай. 6. Ни общей, отъ всего свѣта принятой модѣ; ни затвер-

дѣлому мнѣнію худова воспитанія, ни злому обычаю, ни суетѣ съ мечтаніемъ, ни ложному мнѣнію, отъ исканія истинной пользы души твоей; отвращать, и удерживать себя не допускай. 7. Насупротивленіе мечтѣ, и прелестнымъ мыслямъ; всѣ свои силы употребляя, безпрестанно помни: что конецъ твой, отчасу ближе подходитъ. 8. Все видимое на свѣте, такимъ почитай; какъ тебѣ объ немъ, при смерти своей разсуждать. Наружней видъ всего, что мы на свѣте ни видимъ, занятъ отъ зажженнаго въ человѣкѣ мнѣнія; а безумство, симъ ложнымъ видомъ: обманъ свой украшаетъ. Оно, по всякой день о томъ старается; что бы лжамъ, да не правдамъ; накладной, и притворной видъ правды придатъ: а чрезъ сей бы злой способъ, все истинное благо, съ цѣлаго свѣта согнать. О семъ то, безуміе; отъ создания мира по нынѣ, ревностное стараніе прилагало: только въ суетныхъ и напрасныхъ трудахъ своихъ, желаннаго успѣху имѣть не могло. Главные у безумія помощники; смѣльство, да наглость: къ этой тяжкой работѣ наняли полуученыхъ дураковъ. Развѣ ты думаешъ; что этотъ буйственной трудъ ихъ, въ нынѣшніе времена, желаемой успѣхъ и благословеніе отъ Бога получитъ? Ни какъ! и во вѣки того не будетъ. Богъ, и разумная природа; ни какими силы и хитростьми, опровергнутъ себя не допуститъ. Суду, судомъ; правдѣ, правдою; благу, добромъ; а праведнымъ законамъ, до скончанія вѣка пребывать должно: хотя бы сто миліоновъ войска собравшисъ, и артилерію цѣлаго свѣта съ собою привезши; непрестанно ихъ бомбардировали. Злые и безумные нападчики, симъ лукавымъ способомъ, сами себя скорѣе погубятъ; а безсмертному благу, нималѣйшаго вреда здѣлать не возмогутъ. Льстецы да ласкатели, наконецъ; всѣ коварства, хитрости, и мудрованія свои проклявши; въ должную честь превѣчной правдѣ, принуждены будутъ сказать. Тотъ человѣкъ крайней юродъ, кто безуміемъ себя ослѣпивши; не возможное, возможнымъ здѣлать подумаетъ. Ежели бы кто пожелалъ настоящее щастье свое, которымъ человѣкъ превозносится; или, печальми погружающее его не щастіе: безъ мечты, и безъ ложнаго мнѣнія, праведно разсмотрѣть; то бы суета мыслей его, слѣдующею истинною Философскаго слова ясно открылась. Все состоитъ во мнѣніи. Желающему душу свою

въ непрерывномъ спокойствѣ содержать, отнюдь не должно того допускать; дабы мнѣніе съ мысльми его, къ случающимся припадкамъ, что нибудь такое прибавляло, чего въ нихъ нѣтъ. Напримѣръ; ежели мнѣ скажутъ, что имярекъ меня бранилъ: то я притомъ оставшисъ никогда уже не повѣрю, будто мнѣ отъ того, подлинное зло здѣлалосъ. Хотя мечтаніе, это мнѣ и внушаетъ; только я ложнаго совѣта ево, отнюдь не послушаюсъ. Другой мнѣ на ухо шепчетъ; облыгаютъ, и злословятъ тебя. Это ко мнѣ не прильнетъ, ежели только самъ не подумаю; будто я симъ оболганіемъ или ругательствомъ, подлинно озлобленъ. Сѣмъ же я не стану того допускать, чтобы мечта, разума моего не заглушала; а въ душу бы мою того не приводила, что во оную не принадлежитъ. Это здѣлаю я для того; что миръ и спокойство души моей, симъ способомъ нарушиться можетъ. Мечтаніе сказываетъ, будто нѣкоторые припадки мнѣ вредны; а очень легко статься можетъ, что мечта: по свойству и обыкновенію своему, меня обмануть хочетъ; или уже, и дѣйствительно прельщаетъ. Яжъ еще подлинно не знаю; внѣшней, или внутренной, этотъ припадокъ. Ежели онъ внѣ меня; то ему во внутренности моей, дѣлать нѣчего. За чемъ мечтанію, то въ душу мою приводить; что во оную не принадлежитъ? будеже припадокъ, внутренней; то для чего ему, меня безпокоить? Душа; сама по себѣ, никогда недвижится: ежели ее, что постороннее не тронетъ. Вода, сама собою всегда тиха; ежели вѣтръ, или брошеной въ нее камень, то неволѣ оную не всколеблетъ. Мечту, и воображеніе; симъ внутреннимъ вѣтромъ, назвать должно. Нетлѣннаго духа, никакая тлѣнность не трогаетъ; ежели мечта, въ сіе дѣло не вступитъ. Эта суетная посредница; щастью, и не щастью человѣческому, все развращенно совѣтуетъ. Сіе мечтаніе, весьма праведно зовутъ волшебнымъ зеркаломъ; которое, ложною тѣнью образовательныхъ случаевъ, наступившія человѣку припадки: то печальными, то радостными кажетъ; для учиненія насъ чувствительными о томъ, что не въ насъ; и не наше. Кто не желаетъ отъ мечтанія замученъ, или обманутъ быть; тому должно приходъ сей мечты, силою разума одержать: или, знающихъ людей спросить, стоитъ ли сіе труда; чтобы о знакомыхъ, и обыкновенныхъ въ жизни человѣческой припадкахъ; безъ разсужденія печалится? Къ переломленію силы у воображенія

женія; три вѣщи надобны. 1. Воздержаніе самолюбія. 2. безпристрастное обо всемъ разсужденіе. 3. Что бы человѣку мыслью своею; далѣе первыхъ представленей, не забѣгать. Ежели тебя кто злословилъ; такъ ты сего ругательства за озлобленіе себѣ не поставишъ, ежели самолюбіемъ мучиться не станешъ: а разумной человѣкъ знаетъ, какъ мало сія мнимая обида до него касается. О чемъ мы печалимся, то внѣ; а не внутрь насъ. Наружнія вѣщи того не слышатъ, и чувствовать не могутъ; какъ мы на нихъ кричимъ, или сердимся. Одно только мечтаніе, такъ власно нами; какъ мама, или нянька, малыми дѣтьми играетъ. Какъ робенокъ, ногу или руку о камень себѣ ушибши заплачетъ; а нянька, на утѣшеніе дитяти, этотъ камень рукою шутя побьетъ: то робенокъ смотря на сіе, скоро умолкнетъ. Слабостью нравовъ своихъ, симъ дѣтямъ подобные люди; точно по сему примѣру, весьма ложно думаютъ: будто они печалью, или гнѣвомъ, наружнія вѣщи подвигнуть могутъ. Прямое безпокойство; не въ твоемъ умѣ, не въ чужомъ нравѣ, и не въ тѣхъ переменахъ, которымъ тѣло подвержено. Откудыжъ оно приходитъ? Отъ той части, которая внутрь тебя живучи, напрасно увѣрить хочетъ; будто однѣ вѣщи злы, а другія добры. Не давай мнѣнію своему воли; такъ и все хорошо будетъ. Обезпокоивающія насъ вѣщи; внѣ человѣка. Онѣ, почти всѣ бездушны; и тебя, ни чѣмъ не трогаютъ: да самъ ты себя мучишъ. Какъ же мнѣ, отъ того уберечся? Смотри, и не пропускай того времени; когда ты, безо всякаго пристрастія опамятоваться можешъ. Къ сему дѣлу; надобно рачительное примѣчаніе, съ твердымъ намѣреніемъ. Мечта; обѣимъ имъ противится. Знаки ея, чувствительны; язвы, глубоки и болѣзненны: а образы съ представленіями; весьма человѣку пріятны. Еще самолюбіе свое воздержавши, на единѣ подумай. Кто, и что; я? Смерти, и тлѣнію подлежащей человѣкъ. Какое же праху, и пеплу, почтеніе отдавать должно? Когда душа моя; божественное, и небе ное существо: то все земное, ничего ей здѣлать не можетъ. Что меня не умерщвляетъ, или злѣйшимъ не творитъ; то мнѣ не вредно. Ты уже состарѣлся; а спокойства, еще въ себѣ не имѣешъ: и такова неправеднаго мнѣнія до нынѣ не покидаешъ; будто внѣ тебя стоящія вѣщи, могутъ человѣку вредъ, или болѣзнь причинить. Тебѣ надобно, всякую вѣщь власно какъ до нага раздѣвши, по составамъ разобрать; для

усмотрѣнія худости, и ничтожества ея: а особливо въ то время, какъ мечтаніе такія вѣщи тебѣ представитъ; на которыя почти весь свѣтъ, безъ мѣры и безъ правды, высокую цѣну кладетъ. Рассмотря сіе, увидишь; что этѣ вѣщи, того же стоятъ: что за сырой, и не шлефованой хорошаго вида, только не прямо драгоцѣнной камень: дать надлежитъ. Ювеналъ пишетъ о такомъ человѣке, которой добродѣтельми своими, отъ всѣхъ общую хвалу получилъ; только со всѣми похвалами, бѣденъ остался. По сему видно; что вся слава и хвала человѣческая, бѣдное; и за тѣмъ уничтоженія достойное дѣло, что честному, а особливо добросовѣстному человѣку: при всѣхъ свѣтскихъ похвалахъ, съ голоду умереть надобно. И роскошь, власно таковажъ. Она, весьма не то; что мечтаніе объ ней, ложно намъ сказываетъ. Да чтожъ она, такое? Роскошь, есть увеселеніе человѣческой жизни; когда разумна, порядочна, и воздержна: а ежели мѣру превзойдетъ; то, ядовитѣйшая смертноубійца. Роскошь, подобна водѣ; которая человѣка питая, утоляетъ жажду его: а буде человѣкъ мѣры не узнавши, въ глубину ея зайдетъ; то вода, его утопляетъ. Для сей важной притчины, вѣчная премудрость божія; сему дикому и свирѣпому звѣрю, [роскоши] желѣзныя удила, въ челюсти его положивши, въ самой натурѣ такъ узаконила: дабы чувствованію въ наслажденіи тѣлесныхъ роскошей, весьма кратку, и маловременну быть. Ѣства, до тѣхъ поръ вкусна; пока гортанью до желудка идетъ. Сладчайшее удовольствіе тѣла, всего человѣка умерщвляетъ; ежели не воздержно, и продлительно. Омерьзеніе, да печаль; суть перьвыя и главнѣйшіи слуги всякой роскоши: которая, больше въ зажженномъ мнѣніи состоитъ; а въ самомъ дѣле весьма не та, и отнюдь не такова; какою она, мечтѣ нашей кажется. Сія то роскошь; жизнь нашу, весьма скоро разрушаетъ. Кто ею меньше наслаждается; тотъ долголѣтнѣе, здоровѣе, щасливѣе, и спокойнѣе будетъ. Для чего богатой, безпокойнѣе бѣднаго? По какой притчинѣ онъ въ тѣ поры спокойнѣе былъ, когда того богатства не имѣлъ; которымъ нынѣ владѣетъ? Чего ради, тотъ запасъ, днемъ и ночью его мучитъ; которой ему не надобенъ? Все сіе, для того дѣлается; что самолюбіе богача мнимымъ не достаткомъ, всечасно терзаетъ. Изъ сего вы дорогой читатель, вторично видите; что мечта, съ лож-

ными мнѣніемъ, всему человѣческому нещастію притчина. Императора Марка Аврелія, сонъ устрашилъ. Только онъ пробудившись, весьма тому обрадовался; что это его безпокойство, сонное привидѣніе было. Мудрой Цесарь, и обо всѣхъ случаяхъ жизни своей подумавъ, разсудилъ; что приходящая отъ нихъ человѣку печаль, подобна страху соннаго привидѣнія. Для того Императоръ, на утѣшеніе всѣмъ печальнымъ людямъ; въ четвертой книгѣ нравоучительныхъ разсужденей своихъ, слѣдующее написалъ. Проснись! И образумясь вспомни; что все, печаль тебѣ причиняющее: есть сонъ. Пробудись же пожалуй! И обо всѣхъ случаяхъ жизни твоей, такъ власно, какъ о прошломъ снѣ своемъ разсуждай: которой тебя, напрасно испужалъ. Потомъ уже самъ въ себѣ разсуди. Что это за вѣщь, которая меня такъ безпокоитъ? Суета, дуновеніе вѣтра, чужая хвала, безумное мечтаніе, прелестное мнѣніе, горсть земли, будущая не извѣстность, настоящая мгла, и минувшая пыль. А я самъ; что? Червямъ пища, тлѣніе, земля, прахъ, и пепелъ. Ни одна бы хозяйка въ домѣ своемъ, за разбитую не нарочно порцелинную посуду, конечно не осердилась; и служителей бы изъ дому не выгнала, ежелибъ здраво разсудила; что этотъ глиняной сосудъ на то зделанъ, да бы самому разбиться, или отъ людей разбитому быть; какъ бы то ни зделалось. Все, что человѣкъ внѣ, и около себя ни видитъ; то перемѣне, смерти, и тлѣнію подвержено. Ежели я къ нему привяжусь; то оно меня принудитъ бояться, плакать, печалиться, и жалобы приносить. Укрѣплюжъ я душу мою правдою; а потомъ, ни о какой тлѣнной, и мерзской вѣщи: не тлѣнныхъ и прекрасныхъ мыслей, имѣть не стану. Въ этой крѣпости сидя, никакой осады за тѣмъ не испужаюсь; что у сей цитадели крѣпкія стѣны, валы, и бойницы есть: а запасу, на нѣсколько лѣтъ приготовлено. Но понеже вѣчная истинна, сила, и премудрость божія сама тутъ; то сія крѣпость, отъ всякихъ набѣговъ лжи, и суеты: никогда не опреодолѣнна, и въ безконечныя вѣки не побѣдима пребудетъ. Ежели тѣ вещи; которыхъ не бытность, или присудствіе: страхомъ, или надеждою тебя мучитъ, сами къ тебѣ не придутъ; да ты принужденъ будешь, самъ по нихъ итти: то по крайней мѣре, мнѣніе свое до тѣхъ поръ воздержи; пока уже ихъ

передъ собою увидя, собственной разумъ твой, на судъ не приведешъ. Онъ тебѣ про нихъ, такую правду скажетъ; что все эти вещи, самое тлѣніе. Вода, пыль, и нечистота. Марморъ, земляная кожа; золото съ серебромъ, дрожжи да пѣна, изъ высокихъ горъ. Платье твое, льняные нитки; шерсть, и волосы разныхъ звѣрей. Слава съ похвалою; пустой звукъ. А и вся твоя жизнь, тому же подобна. Приходитъ, и уходитъ. Скоро является; а скорѣе того изчезаетъ. Буде уже ты такъ простъ, что мнѣніе тебя одолѣвши; и съ мечтою соединясь, на Престолъ разума твоего сядетъ: то я тебѣ дружески совѣтую, безпрестанно такую мысль имѣть; будто ты щасливъ, и спокоенъ. Но притомъ напередъ тебя увѣдомляю; что мнѣніе, по обыкновенному своему не постоянству: безъ тово долго сидѣть не можетъ, что бы у обладанныхъ имъ людей; голову закрутивши, совершенно бѣшеными: или уже на послѣднюю мѣру; вѣчными дураками ихъ здѣлать. Это губительное мнѣніе; многихъ людей съ умомъ разлучивши, принудило о себѣ думать: будто они стекло, яйцо, или испеченой пирогъ. Въ Лондонѣ; на содержаніе сихъ сумозбродовъ, построенъ великой домъ: а въ немъ былъ такой безумецъ, которой назывался великимъ Монархомъ. Стоящихъ передъ нимъ людей; за крестьянъ своихъ признавая; данными ему на пропитаніе сухими бобами, власно какъ червонными: и на свое имя битыми ефимками, весьма гордо жаловалъ. Этотъ бѣдной человѣкъ; изо всѣхъ тамошнихъ дураковъ, потому щасливѣйшей безумецъ былъ: что мечта ево, нѣсколько лѣтъ сряду довольствовала; а другихъ людей, черезъ день мучила.

19.

Истинное и прямое разсужденіе.

Но понеже ни одинъ разумной человѣкъ; ложнаго спокойства, съ мечтательнымъ удовольствіемъ сего сумозброда, отнюдь не захочетъ; да естественнымъ образомъ, разумнаго удовольствія всеконечно по желаетъ: то, надобно ему разсуждать; что мечтаніе, ложнымъ страхомъ да нуждою; и ево, также власно стращать, да мучить станетъ: какъ сумозбродного Короля, прелестнымъ удовольствіемъ питало. Для сей причины, долженъ человѣкъ; мнѣнію своему, такую вѣчную правду передъ глаза поставить: которая бы самымъ искус-

ствомъ,

ствомъ, [практика] отъ начала свѣта подтверждалась. Ему надлежитъ обо всякой вѣщи, такъ здраво разсуждать; какъ легко мечтаніе, чувствами къ тому движится: дабы человѣка ложною забавою, роскошью, или уже болѣзнью одолѣть. Чувствы, съ причиненнымъ отъ нихъ мнѣніемъ; весьма пристрастныя, и отнюдь не довольныя судьи, по такому важному дѣлу: которое до истиннаго мира, и до спокойства душевнаго касается. Чувства, могутъ то знать; что горько, или сладко: кисло, или пряно; гладко, или шероховото; кругло, или угловато; близко, или далеко; движимо, или не поколебимо. Мечтаніе; можетъ изъ сего, образы или представленіи въ головѣ: а мнѣніе, въ носу, да въ головѣ у человѣка; по движенію чувствъ, разныя воображеніи здѣлать. Но о томъ уже, всѣ чувства разсуждать не въ состояніи, что есть нравъ нашъ; что истинно, и право; что разумно, и совѣстно; что естеству человѣческому нужно, а душевному спокойству полезно. Чувствамъ сего, потому знать не льзя; что къ постиженію этой глубины, надобна мудрость; а яснѣе сказать, подлинное вѣдѣніе о соединеніи дѣлъ и вѣщей божественныхъ, съ дѣлами и вѣщми человѣческими. По сему; всѣ тѣлесное съ богатствомъ, съ роскошью, и со всѣми честьми, въ очахъ здраваго разума: пустыми гороховыми стручками, да орѣховою скорлупою покажется. Къ познанію истинны рожденной человѣкъ, будучи разумное созданіе, самъ себя повредитъ и обезпокоитъ, кой часъ чувствамъ, или мнѣніямъ своимъ допуститъ: омерзѣніе къ правдѣ, внутрь себя причинитъ. Для сего, должны мы спокойство свое тѣмъ поспѣшествовать; что бы намъ не почувствамъ, ниже по мечтанію: но по единой правдѣ, и по существу всякой вѣщи, самимъ себя спросить. Изъ чего, и откуды то произходитъ; что меня мучитъ, и безпокоитъ? Изъ какой матеріи оно составлено? Во что по маломъ времени обратится? На что, и къ какой пользѣ здѣлано? Какое согласіе съ цѣлою тварью имѣетъ? Какъ съ совѣтомъ; а особливо съ честію, и со славою Творца сходствуетъ? Что у меня сей часъ на умѣ? Изъ чего оно составлено; и какъ долго пребываетъ? Какую бы мнѣ добродѣтель на супротивъ ему поставить? Кротость, мужество, правду, вѣрность, или спокойство со удовольствіемъ? Отъ бога ли оно; и слѣдство ли, божіимъ провидѣніемъ уставленыхъ причинъ?

 Чело-

Человѣческое ли это дѣло? Они мнѣ братья. Равно со мною смерти, тлѣ, и не вѣденію подлежатъ. Часто сами не знаютъ, и о томъ не думаютъ, что дѣлаютъ. Очомъ же я печалюсь? Въ моей ли оно власти? Убавитъ ли моего спокойства, или прибавитъ? Что о сихъ дѣлахъ и вѣщахъ богъ глаголетъ; и что про нихъ умныя люди говорятъ? Ежели мое безпокойство отъ меня пришло; такъ по что мнѣ другихъ людей въ томъ обвинять? буде я къ страстямъ своимъ то прибавливаю, чего у нихъ нѣтъ; такъ самъ я въ томъ, а не иной кто виноватъ. Не безумноль это мнѣніе будетъ, когда человѣкъ о вѣщахъ иначе, а не такъ разсуждать станетъ; каковы оныя въ самомъ дѣле? Не прямоель это бѣшенство, когда мы сами себя мучимъ; а ко утѣшенію своему премногія способы имѣемъ? Для чего мы, не уподобляемся пчеламъ; и не собираемъ меду, со всѣхъ цвѣтовъ жизни нашей? За чѣмъ не разсматриваемъ ту мудрость; которая глубокія притчины промысла и соизволенія божія, во всѣхъ случаяхъ учредила? По что мы ко удивленію превѣчной истинны; и ко изслѣдованію Святыхъ ея совѣтовъ съ намѣреніями, а нашей суеты и ничтожества: въ слѣдъ за нею не идемъ? Чего ради мы о вѣщахъ; лутче по общему слуху, и мнѣнію въ народѣ: нежели по свойству, и по состоянію ихъ разсуждаемъ? Но понеже разумъ нашъ, грѣхомъ ослабъ и умалился; то онъ, тогда въ состояніе придетъ, обо всякой вѣщи безпристрастія, и праведно разсуждать: какъ ты кратчайшую дорогу къ истинному благополучію взыщешь. А когда это будетъ? Въ то время; какъ разумъ нашъ всяко ложное, и заблуждающее мнѣніе отложитъ. Какъ сіе здѣлать? Ежели ты страстямъ своимъ запретишъ; чтобъ онѣ, кромѣ истиннаго твоего блага, никакого зла не желали. Для сей притчины; жестокость страстей нашихъ, должна человѣку до тѣхъ поръ подозрительною быть: пока тихой разумъ, изъ рукъ безпокойнаго шуму мятежныхъ страстей вырвавшисъ; обо всѣхъ страстяхъ праведно, и безъ всякаго пристрастія разсуждать начнетъ. Сей путь [съ милостью и помощію божіею] самой прямой, а къ благополучію нашему лутчей будетъ: ежели не страсти разумомъ одолѣютъ, да онъ ихъ побѣдивши, власть надъ ними возьметъ. Вожделѣніе, такъ мною овладѣло; что я о добрѣ и помыслить не могу. Огненное мечтаніе, затменяетъ умъ мой; а мнѣніе съ прихотьми, надъ душею моею, верьхъ и волю взяло.

Очень это другъ мой, худо; что ты сїе зло, такъ давно, и глубоко запустилъ. Только это еще къ особливой тебѣ пользѣ служитъ, что ты болѣзнь свою чувствуешъ. Пожалуй же ободрисъ; и собери душевныя твои силы, на освобожденїе себя отъ духовной болѣзни. Ко облегченїю человѣку то главная надежда, что болящей, немощь свою чувствуетъ; а это къ выздоровленїю перьвая ступень, ежели раненой руку протянувши, пластырь къ язвамъ своимъ самъ приложитъ. буде у тебя надежной другъ есть, то открой ему печаль, и тугу сердца своего; а ежели безъ друзей живешъ, то перегнувши бѣлой листъ бумаги вдоль по поламъ: напиши реэстръ всѣмъ твоимъ печалямъ. Прочитавши эту роспись; вздохни, и поплачь. Потомъ слезы свои отри, и перьвой пунктъ росписи прочитавши, подумай; нѣтъ ли на него утѣшенїя? Ежели найдешъ; то, противъ перьваго пункта по челобитью своему, отвѣтъ напиши: и такъ со всѣми пунктами поступай. Всѣ пункты очистя; и съ отвѣтами, еще прочти. Здѣлавши сїе, увидишъ; что утѣшенїи, гораздо сильнѣе жалобъ твоихъ. Нѣкто изъ друзей моихъ; симъ даннымъ ему отъ меня совѣтомъ, отъ глубокой меланколїи вылѣчился: а и тѣмъ людямъ, власно такой же пользы желаю; кто сей рецептъ мой, на излѣченїе печалей своихъ, разумно употребитъ. Къ такому ихъ состоянїю; слѣдующїя Сократовы слова приличны. Что вы бѣдные люди дѣлаете? Вижу; что вы какъ слѣпые, осязанїемъ рукъ своихъ ходите. Развѣ тамъ благополучїя моего ищете, гдѣ его не бывало? Или вы думаете, будто оно въ тѣлахъ вашихъ живетъ? Вспомните Мироновы, да Озелїеровы жалобы. Развѣ вы мыслите; будто въ деревняхъ, да въ пожиткахъ, все блаженство ваше заперто? Тутъ его, всеконечно нѣтъ; и во вѣки не будетъ. Вспомните Креза. Смотрите; какъ богачи, ежедневно вздыхаютъ! Не въ высокихъ ли вы достоинствахъ, все щастїе свое найти чаете? Напрасно вы друзья мои; этою мечтою себя мучите! Глазамъ ли вы своимъ, или объявленїю сихъ мученыхъ людей вѣрить хочете; которые за высокой чинъ, и достоинство свое, не сказанными трудами, и всечасным страхомъ окружены? Можетъ статься, что Королевская власть все поглотила? Воистинну ни какъ! Ежелибъ сїе было; такъ бы Сарда напала, да Нерона, по этой высокой власти, щасливыми звать надлежало.

жало. Хотя Агамемнонъ, добродѣтельнѣе всѣхъ Греческихъ Царей былъ; однако ни въ одной исторіи того не видно, что бы кто благополучнымъ его имяновалъ. Чтожъ Агамемнонъ въ тѣ поры дѣлаетъ, какъ другіе спятъ и покоятся? Онъ на себѣ съ печали волосы деретъ; а притомъ непрестанно воздыхая, говоритъ. Страхъ, и печаль, такъ сердце мое терзаетъ; что я сихъ жестокихъ мукъ, терпѣть болѣе не могу. Кто всякую вѣщь; по мѣре удаленія ея отъ спокойства, отъ бога, отъ неба, отъ твари, и отъ вѣчнаго блаженства размѣряетъ; тотъ человѣкъ, весьма инако ихъ найдетъ: нежели тѣ люди, которыя мимоходомъ, въ очки мечтанія, на этѣ вѣщи смотрятъ. Пожалуй же; разсужденіемъ своимъ, о видимомъ благополучій людей свѣтскихъ, отнюдь не спѣши, и не заблуждай: но суди, судъ праведной. У всякой вѣщи, власно какъ двѣ ручки; а сила вся въ томъ, какъ за этѣ рукояти взяться. Злое востреe; также свою красоту, и пользу имѣетъ. Львовы зубы, терновникъ, крапива, да полынь; по природѣ и порядку ихъ, весьма изрядны; а въ натурѣ, очень надобны. Алойная горесть, да уксусная кислота; къ такому же употребленію, не обходимо нужна. Кто по сему правилу, обо всякой вѣщи, или о каждомъ дѣле праведно разсуждать хочетъ; тому, силу и свойство всѣхъ вѣщей, основательно знать надлежитъ. Не такъ бы во нравѣ, и въ сердцѣ его дѣлалось, какъ на республиканскихъ собраніяхъ или сеймахъ; гдѣ, то дѣло за лутчее почитается: которое въ шуму, да въ крику, по большинству голосовъ рѣшено. По намѣренію; тѣ вѣщи роду человѣческому вреднѣйшія, которыя, почти цѣлой свѣтъ, за пріятныя и полезнѣйшія: только не праведно признаваетъ. Между людьми, не такъ исправно дѣлается; что бы лутчѣе, множайшему числу народа нравилось. Соглашающееся число лутчихъ, и разумнѣйшихъ людей; пользу, въ этомъ случаѣ и обстоятельствѣ: полозрительною признаваетъ. Сократъ; во лжи, и въ не правдѣ застарѣлыя мнѣніи: стукотными привидѣніями, и робячьими пужалами, справедливо называлъ. Не станемъ же того спрашивать, что у людей въ на и большемъ употребленіи; да то единственно разсмотримъ, что лутчее: а душамъ нашимъ, полезнѣйшее. Остановимся, надъ собственнымъ состояніемъ своимъ. На него по смотря, здраво разсудимъ; нѣтъ ли въ немъ чего нибудь такого что бы насъ

упѣ-

утѣшить : или бы другимъ людямъ иначе, нежели самимъ намъ казаться могло? Лошади, боятся стѣни; а мечтаніе, можетъ насъ такими ложными вѣщми испужать: которыя въ самомъ дѣле ни что, и малѣйшаго страха въ себѣ не имѣютъ. Потщимся же о себѣ, и обо всѣмъ на свѣте; здраво, безпристрасно, и по самой правдѣ разсуждать. На и болѣе по стараемся того искать, что непремѣнное спокойство въ себѣ содержитъ; а тому отнюдь не станемъ вѣрить: что народъ о пріятности забавъ и веселія, не знаючи говоритъ. Всѣ этѣ суеты до души пройти, и долго пребывать не могутъ. Я, именованіемъ народа; не по наружнему виду поступаю. По сей внѣшности, надлежало того желать; что бы во многихъ лицахъ, и подъ множествомъ богатыхъ одеждъ, подлой души не было. Мнѣ; ни краснаго лица, ни богатаго платья, какъ въ примѣръ поступкамъ: такъ и въ судьи по важному дѣлу, взять не возмажно. Мы, отъ поврежденія природы своей, наподобіе легкова дерева; не противъ рѣки, да въ низъ по водѣ плыть обыкли. Для сей притчины, должно намъ здравому разуму послѣдовать; ежели не хотимъ, со знатнѣйшимъ множествомъ въ погибель итти: и безумнымъ скотамъ уподобиться. А буде мы пропасти сего безпамятства не обойдемъ; то, въ не обходимое заблужденіе, и въ ту не избѣжную тѣсноту придемъ, гдѣ другъ черезъ друга валяется: а ни одинъ безъ того не упадетъ, что бы десяти человѣкъ съ собою не повалить. Это, обыкновенной конецъ тѣхъ людей; которые лутче по новой модѣ, и по неправедно принятому обычаю жить, нежели здравому разуму слѣдовать: и лутче прелестнымъ свѣта сего росказамъ вѣрить, нежели обо всемъ здраво разсуждать хотятъ. За тѣмъ то они сами себѣ, мечтательное не щастіе, прежде времени выдумываютъ; а того еще на дѣле [на практикѣ] не видали, подлинноль они безщастны. Намъ отъ этой прилипчивой болѣзни, до тѣхъ поръ не вылѣчится; пока мы на себя, чужими глазами смотрѣть не перестанемъ: тоесть; до коихъ поръ по общему слуху, и по народнымъ скаскамъ: о собственномъ щастьѣ, и о не щастіи нашемъ, разсуждать будемъ. Въ людяхъ, отъ того главное безпокойство; что думаютъ, будто они и подлинной таковы бещастны: какъ другіе, безщастными ихъ называютъ.

20.

Прямое мнѣнıе.

Человѣку несравненно лутче, и полезнѣе; что бы онъ здравому разуму послѣдуя, только то вреднымъ признавалъ: что всему роду, и естеству человѣческому вредно. Сіе то разумнѣйшіе язычники, за лутчее поспѣшествованіе спокойства признавши; велѣли намъ, по натурѣ жить. Но сіе, не о испорченной или развращенной; да о разумной природѣ мудраго человѣка, разумѣть должно. По натуре жить, называется то; что бы человѣку жизнь свою разумно, порядочно, и воздержно вести. Нужды своей, большею того не дѣлать; какъ умная природа требуетъ. Въ пользу человѣческаго общества, и по волѣ божіей; а не вопреки, или въ противность ей жить. Ничево того не желать, что человѣку не надобно; а того не бояться, что всякому изъ насъ случится можетъ, и должно. Ни чему тлѣнному себя не порабощать. Тѣло свое; пищею, питьемъ, и одеждою, такъ довольствовать: чтобъ оно, душу не умертвило. Цесарь Маркъ Аврелій; изъясняетъ сіе въ четвертой своей книгѣ, сими словами. Не печалься о томъ, что другіе люди дѣлаютъ; да того больше смотри, куды разумная природа тебя ведетъ. Всеобщею натурою, разумѣю я бога; и тѣ случаи, которые онъ, изъ Святой воли своей на тебя посылаетъ. Симъ же словомъ, разумѣю и собственную твою природу, съ тою должностью; которой, умное естество отъ тебя требуетъ. Всякая вѣщь, къ нѣкоторой должности прıобязана; а всѣ твари, на услугу человѣку созданы. Для сего то; не совершенное, совершеннѣйшему служитъ. А понеже одно разумное созданіе, ко услугамъ другова сотворено; то, перьвая человѣческая должность, въ томъ: дабы онъ цѣлому обществу, тоесть всему роду человѣчу, полезенъ былъ. Другая ево должность, та; дабы человѣкъ, плотскимъ вожделѣніямъ своимъ не поддавался: и отъ нихъ бы, побѣждаемъ не былъ. Сія то разумная природа, отъ всякаго изъ насъ того требуетъ; дабы человѣкъ, по часту въ себя приходилъ: а чувственнымъ посщреніямъ, и тѣлеснымъ страстямъ, для того бы не покарялся; что онѣ, безумнымъ скотамъ свойственны. Разумной душе; свойственно и прилично, самой собою владѣть: а отнюдь, и ни у кого въ порабощеніи не быть. Сіе, принадлежитъ ей, по такому

праву

праву; что разумъ, на то человѣку данъ: дабы всѣми чувствы и страстьми своими, державно властвовать. Третїе свойство разумнаго естества, то; дабы умному человѣку, отъ прелестей и обмановъ, прилѣжно себя хранить. Кто сїе право, крѣпко за собою удержитъ; тотъ поди съ миромъ, и подлинно себѣ вѣдай: что онъ въ естественныхъ границахъ, разумной природы своей исправно, и благо ходитъ. богату, славну: благородну, и роскошну будучи; довольство такихъ вѣщей имѣть, которые народъ высоко почитаетъ: все это, не совершенства натуры. Ежелибъ они, подлинные свойства разумнаго естества и созданїя были; тобъ, ни одному человѣку отъ нихъ воздерживаться: также бы ихъ презирать, и противиться имъ, не надлежало. Вопреки сему видно; что тѣхъ людей хвалятъ, и щасливыми зовутъ: кто помянутыхъ внѣшностей, меньше простова народа употребляетъ. И мы, тѣхъ мудрость любящихъ, за добродѣтельнѣйшихъ людей справедливо почитаемъ; которые такихъ наружныхъ вѣщей, добровольно отрѣкаются. Хотя Крассусъ, первѣйшей въ Римѣ богачъ былъ, однако ево за безумїе, до нынѣ порицаютъ. Неронъ, былъ сильной Цесарь; но за страшные сего тирана беззаконїи, цѣлой свѣтъ, по сю пору ево проклинаетъ: При его владѣнїи, жилъ Эпиктетъ; хромой, и бѣдной холопъ: котораго до нынѣ за умнаго, кроткаго, и за добродѣтельнаго мужа; несравненно больше Нерона, праведно почитаютъ. Императоры, Короли, и славнѣйшїя Принцы; Эпиктетовы книги, черезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ, съ великимъ удовольствїемъ читая, справедливо хвалятъ. Многїя тысячи разумныхъ людей, безпристрастно увѣряютъ; что отъ прилѣжнаго чтенїя книгъ сего Философа, и отъ рачительнаго по онымъ исполненїя; [за помощїю божїею] великое себѣ спокойство получили: а сколько сотъ великихъ, знатныхъ, и роскошныхъ людей, между тѣмъ забыто? Изъ сего, можете дорогой читатель усмотрѣть; что власть, сила, роскошъ, богатство, и честь, за тѣмъ не подлинная благая: что онѣ, владѣющихъ ими; еще на землѣ, и во временной жизни, очень не на долго спокойными творятъ. Потому явствуетъ; что бѣдность, съ незнатнымъ чиномъ и житьемъ, отнюдь не зло: потому, что она Эпиктету не помѣшала, въ жизни его кротку, и добродѣтельну быть; а по смерти, отъ разумныхъ людей вѣчную похвалу,

праведно

праведно снискать. Самой природѣ разумнаго человѣка противно, о такихъ вѣщахъ печалиться; которыхъ отчужденіе, великая добродѣтель: а лишеніе, особливое благополучіе. Изъ тогожъ оказывается; какъ свободно, весело, благодушно, тихо, и радостно спокойство того человѣка: кто по своей разумной природѣ живетъ. Еще можно сказать; когдабъ тлѣнныя вѣщи, истинное благо были: тобъ ни одинъ человѣкъ, съ радостію того не вспомнилъ, сколько онъ роскошей, и болѣзней преодолѣлъ; сколько славнаго на свѣте презрилъ; и какъ многимъ людямъ за ихъ зло, доброе воздалъ. Сіе видя, и познавъ; перестань душа моя, сама себя ругать! Душевное бещестіе, то; когда человѣкъ о такихъ вѣщахъ печалится, которыя хуже, и подлѣе души его. Не строй благополучія своего на суетѣ, и на тлѣнности чужой хвалы; а того, отнюдь не желай: что не подлинное твое благо. Прямое добро, то; что тебѣ разумному созданію, не вредно. Что разумную душу вредитъ, то человѣку худо; какое бы мнѣніе свѣтскія люди объ немъ ни имѣли. Отнюдь себѣ того не думай; будто ты и худое добрымъ здѣлаешъ, какъ только въ свои руки получишъ. Ты еще, вѣсу у суеты, и тягости у злова обычая, не знаешъ. Въ глубокую рѣку, далеко не ходи; утонешъ. Кто самъ на страхъ идетъ, тотъ скоро погибнетъ. Потщимся же, о семъ важномъ дѣле такъ здраво разсуждать; что бы намъ, самимъ себя не обмануть. Что человѣка лутчимъ, и отчасу совершеннѣйшимъ творитъ; то его истинное, и подлинное благо: а что его злѣйшимъ дѣлаетъ, то человѣку сущее зло. Ежели меня внѣшнее благополучіе; благодарнымъ, любовнымъ, благотворительнымъ, кроткимъ, милостивымъ, и осторожнымъ учинить можетъ: то оно истинное, и великое благо. буде же меня внѣшнее щастьѣ; безстрашнымъ, гордымъ, невоздержнымъ, суетнымъ, мучительнымъ, безбожнымъ, и беззаконникомъ творитъ: то сіе крайнее и горшее мнѣ зло, что я щасливъ. А и съ не щастіемъ, власно тожъ обстоятельство. Ежели оно человѣка не терпеливымъ, роптательнымъ, завистливымъ, мятежникомъ, скучливымъ, и отчаяннымъ творитъ: то не щастье: подлинное зло. буде же человѣкъ отъ не щастія своего кротокъ, терпеливъ, целомудренъ, тихъ, и спокоенъ здѣлается; то, не щастье: совершенное благо, и крайняя ему польза Ежели безпристрастно разсудитъ; то

что изъ цѣлой сотни, всеконечно девяносто пять человѣкъ такихъ людей выберется: которымъ такъ называемое щастье, гораздо больше бѣдъ, и вреда; нежели не щастіе здѣлало. Стануж ъ я житьемъ и состояніемъ своимъ, для того довольствоваться; что оно спокойно, и безопасно. Мнѣ это даромъ, и очень не нужно; что оно меня знатнѣе, и богатѣе нынѣшняго не учинитъ: да только бы внутренне, лутчимъ здѣлало. Въ томъ намѣреніе всѣхъ лутчихъ, и разумнѣйшихъ людей. Дорогой нравъ ихъ, подобенъ тинктурѣ; [составъ у лѣкарей, и ухимиковъ] которая желѣзо, золотомъ обращаетъ. Онъ же равенъ съ мудрою пчелою; которая, со всякихъ вѣщей и цвѣтовъ, медъ збираетъ. Для чего я о такомъ состояніи печалюсь; изъ котораго мнѣ все можно здѣлать, что самъ по желаю? Ежели житье мое, не изъ лутчихъ; то равнодушіе, терпѣніе, и спокойство души моей: эту жизнь спокойною, а мнѣ сносною здѣлать можетъ. Человѣкъ, не тѣмъ живетъ, что у него всево много; да тѣмъ богатъ, что малымъ доволенъ. Перьвой Ахавъ, да другой Аманъ, учатъ насъ тому; что не чинъ, и не достоинство: да единой нравъ, человѣка во всей жизни его спокойнымъ; или безпокойнымъ творитъ. Хотя у Израилскаго Царя Ахава, всего преизобильно было; только онъ несытствомъ разболѣлся. Хотя Аманъ, у Монарха своего Персидскаго Царя Артаксеркса въ крайней милости, и въ верьховномъ достоинствѣ находился: однако ни чѣмъ не насытная, и не преодолѣнная гордость ево тому причиною была; что Аманъ, всею честію и славою своею не довольствовался. Посредствомъ жестокихъ вожделѣней, на престолъ разума сихъ безщастныхъ людей взошедшее мечтаніе, такія безпокойныя мысли въ нихъ произвело; отъ которыхъ вся жизнь ихъ, бѣдною учинилась. Ахавъ, и Аманъ, оба съ начала думали; что богатства и чести, желанію ихъ предовольно будетъ. Но при концѣ; несытое желаніе суетнаго имѣнія, одного изъ нихъ [Ахава] въ опасную болѣзнь: а другова [Амана] не побѣдимая гордость съ упрямствомъ, на виселицу привело. Желающему спокойнымъ быть; должно обо всякой вѣщи безпристрастное мнѣніе, и здравой разсудокъ, для того всегда въ памяти имѣть; что мнѣніе, всю жизнь человѣческую управляетъ: а къ покою, или къ безпокойству, великую помощъ подать можетъ. Человѣку прямое мнѣніе, еще съ самой молодости его потому весьма нужно; что отъ него,

худыя, и добрыя мысли родятся. Симъ то здравымъ обо всякой вѣщи мнѣніемъ; должно человѣку отъ ложныхъ, а особливо отъ застарѣлыхъ во всякой худобѣ мысляхъ, за ранѣе себя охранять: дабы продолжающейся обычай, со временемъ такъ ихъ не ожесточилъ; что уже отъ нихъ избавиться не льзя, и нѣчемъ будетъ. Къ сему надобно рачительное примѣчаніе; твердое и постоянное намѣреніе; и мудрое разсужденіе, съ правдолюбивымъ сердцемъ. Тогда уже разуму нашему не трудно будетъ, всю славу свѣта сего пересмотря; всякой передъ него приходящей вѣщи сказать. Ты, то; а ты, это. Ежели золото, и зеленую мѣдь, или томпакъ передъ тебя положатъ; то по смотря на нихъ скажешь. Это золото; а то, мѣдь. Хотя одно также какъ и другое свѣтится; только цвѣтъ, и проба, различіе доброты ихъ ясно кажетъ. Какъ человѣку того здѣлать не льзя, что бы многія вѣщи, ложнаго на себѣ вида не имѣли; такъ и то не возможное дѣло, дабы всѣ камни и препятствія, съ дороги такъ очистить; что бы человѣку, ни за что не запнуться. Но то одно въ нашей силѣ; дабы къ дальней дорогѣ, такую добрую и неспотыкливую лошадь себѣ промыслить; что бы человѣку по горамъ, по буграмъ, по ямамъ, по кочкамъ, и по среди боераковъ; крѣпче въ седлѣ усидѣть. Всякаго рода кривые [не праведныя] толки, и мнѣніи; можно уподобить буграмъ, кочкамъ, и камнямъ, объ которые страсти наши съ вожделѣніями, очень часто запинаются. Для сей причины, Царю тѣла человѣческаго; [умъ] сихъ безумныхъ лошадей, правымъ и безпристрастнымъ мнѣніемъ, во всегдашнемъ обузданіи крѣпко держать должно; дабы человѣку не упасть, и не убится. Всѣ вѣщи на свѣте, такого состоянія; что прямымъ ихъ употребленіемъ, добры; а отъ не праведнаго употребленія, злы бываютъ. Возьми ножъ за черенъ, такъ можешъ имъ рѣзать; а буде за вострее ухватишъ, то руку себѣ порѣжешъ. Для чего намъ той силы и пользы къ лутчему не употреблять, которую самъ богъ разуму нашему даровалъ, на взятіе всякихъ вѣщей такъ; чтобъ онѣ намъ, какъ можно меньше вреда дѣлали. Къ сему, очень много помогаетъ доброе обо всѣмъ на свѣте случающемся мнѣніе; въ которомъ все на внѣшнее, и на внутреннѣе благо раздѣляется: по состоянію человѣческаго существа въ душе, и въ тѣле. Первые, называются тѣлесныя; а другіе, душевныя благая. Тѣла, и житія

нашего припадки; суть внѣ человѣка. Хотя они и не въ нашей силѣ; однако притчиною страстей, и многихъ вожделѣней человѣческихъ: а имянно; любви, ненависти, надежды, и страха. Жизнь, пропитанїе, здоровье, сила, веселье, честь, красота, слава, и богатство; суть притчины человѣческой любви, или надежды. Вопреки тому; бѣдность, голодъ, нагота, презрѣнїе, подлость, стыдъ, ругательство, болѣзнь, мерзость, печаль, оскорбленїе, нападки, изгнанїе, лишенїе сродниковъ и друзей, а наконецъ и самая смерть: суть притчины человѣческой ненависти, страху, и омерзѣнїя. Изъ сего сокращенїя естественныхъ нуждъ, и тѣлесныхъ благъ нашихъ, ясно можемъ видѣть; что намъ ихъ, во всю жизнь свою больше бояться, нежели уповать надлежитъ: для того, что все на свѣте въ неизвѣстности; да въ переменахъ состоитъ. Тѣже свѣтскїя вѣщи, не въ нашей силѣ; а наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ со всѣмъ человѣку не надобны. Много бы это намъ помочи подало; ежелибъ мы между надобнымъ, и не нужнымъ, прямое различїе здѣлали. О надобномъ бы, такое мнѣнїе имѣли; чтобъ оно, какъ на и меньше насъ мучило. Чрезъ первое; можемъ мы у страстей своихъ, отнять способъ къ мученїю насъ: а другое, научитъ человѣка тому; какъ въ необходимыхъ нуждахъ маловременной жизни нашей, кротко, и спокойно поступать. О внѣшнихъ благихъ тѣла, и житїя нашего, предъ симъ уже сказано; а теперь, о внутреннихъ благихъ души нашей, умолчать не должно. Мудрость, остроумїе, правда, познанїе добра, и зла; обращенїе воли своей на истинное благо; крепость, благость, милосердїе, разумная любовь, воздержанїе страстей, великодушїе, и душевное спокойство: суть дѣла, и плоды духовныя. Хотя число ихъ, гораздо меньше тѣлесныхъ благихъ; только они долговѣчнее, и важнѣе: а притомъ самобытные существа, и подлинное благо души человѣческой. Они, [подъ благословенїемъ божїимъ и за его всесильною помощїю] въ нашей силѣ; а при употребленїи тѣлесныхъ благихъ, всѣ, одно дѣйство имѣютъ. Для сего должно намъ; тѣлесное, по духовному учреждать; а о тѣлесномъ, отнюдь такого мнѣнїя не имѣть: за тѣмъ, что оно духовному, со всѣмъ противно. Мы; главное старанїе свое о знатнѣйшемъ, приложа, здѣлаемъ различїе между такими вѣщми; изъ которыхъ однѣ, по высочайшей мѣре восемдесятъ лѣтъ пребываютъ; а другїя, вѣчны. Намъ должно заранѣе то примѣчать,

какъ тѣлесныя вѣщи, жизнь нашу безпокоятъ; а духовныя, спокойство наше поспѣшествуютъ: во временной, и въ вѣчной жизни. У кого свободной разумъ, и постоянной нравъ, тотъ скоро опамятовавшись; ничему внѣшнему, болше того силы и власти не дастъ: сколько имъ принадлежитъ. Симъ здравымъ разумомъ одаренной человѣкъ, самъ себѣ скажетъ. Здоровому глазу, должно на все смотрѣть; а отнюдь не говорить, я только на одну зелень глядѣть стану. Это, однѣмъ худымъ; и подслѣповатымъ глазамъ прилично. Здоровому желудку, должно всякія вѣщи варить; такъ власно какъ мельницѣ, всякаго званія хлѣбъ, безъ разбору молоть: каковъ бы онъ жестокъ, и крупенъ ни былъ. Такъ точно разумному, и великодушному человѣку; надлежитъ всечасно готовиться, къ сношенію всякихъ приходящихъ на него случаевъ. А ежели онъ изънѣжившись, станетъ говорить; когдабъ всѣ дѣти мои живы были: когдабъ меня хвалили, когдабъ я благодаренъ, честенъ, славенъ, богатъ, и знатенъ былъ: то сей человѣкъ уподобиться больнымъ зубамъ, которые кромѣ каши, да киселя; ничево жоскаго, ѣсть не могутъ. Сей важной пунктъ, надлежитъ мнѣ; слѣдующими Императора Марка Аврелія [въ 6 мъ. и въ 7 мъ. пунктѣ третей книги] словами заключить. Ежели ты на семъ свѣте живучи, что нибудь лутче правды, и правосудія; лутче воздержанія, и мужества найдешъ. Ежели что выше такой души сыщешъ, которая собою довольствуючисъ; все на нее отъ бога приходящее, со благодареніемъ пріемля, терьпеливно несетъ: то, всѣмъ сердцемъ твоимъ, къ сему вседражайшему благу прилѣпясъ, въ совершенной кротости по слѣдуй. Веселисъ симъ безцѣннымъ сокровищемъ, которое ты толь щасливо обрѣлъ. буде ничего лутче божественной; и въ тебѣ храмъ свой съ жилищемъ имѣющей души не сыщешъ, которая сама собою владѣетъ: всѣхъ своихъ силъ, чувствъ, и дѣйствъ, Самодержица; и [какъ Сократъ говоритъ] отъ мучительства страстей, сама свобождается: правленію божїю, совершенно себя вручаетъ; а обо всѣхъ людяхъ, общее попеченїе имѣетъ. Когда уже ничего изряднѣе оныя не увидишъ, а все другое тебѣ; хуже, и недостойнѣе ея покажется: то, кромѣ сей блаженной души, ничему не повинуйся. буде же ты себя, хуждьшему души своей, [тѣлу] одиножды покоришъ; то отъ нево, очень

долго

долго вырваться, а своему единоистинному благу прилѣпиться, и служить не возможешь. Только это другъ мой, очень не хорошо будетъ; когда ты подлинное, и собственное свое благо: на чужое, на ложное, на не извѣстное, и на худьшее добро промѣняешь. Чужимъ называю я; по хвалу народа, власть, богатство, чины, и роскошь. Ежели человѣкъ симъ вѣщамъ, хотя малой къ себѣ доступъ дастъ; то онѣ, того же часа имъ овладѣвши, сего человѣка такъ скоро побѣдятъ: то ему о себѣ, а особливо о душе своей, и по думать нѣкогда будетъ. Изберижъ себѣ лутчее, безъ всякаго принужденія; и къ нему, всею силою прилѣписъ. Человѣку, то лутчее; что душе, а не тѣлу его полезнѣйшее. По слѣдующему ниже сего правилу; одно съ другимъ, легко распознаешъ. Все, что тебѣ какъ разумному созданію полезно, то удержи; а что тебѣжъ, какъ простой тварѣ надобно; то, брось. Храни только разумъ свой, чтобъ онъ свободенъ былъ, отъ затвердѣлаго въ не правдѣ мнѣнія, и отъ ложныхъ мыслей; а потомъ бы въ слѣдующемъ пунктѣ показанное раздѣленіе, самъ собою учинить могъ. Никогда того полезнымъ не признавай; что тебя принудить можетъ, вѣру или вѣрность нарушить: безстыднымъ учинится; зависть, ненависть, или подозреніе на людей имѣть. Лицемѣрить, притворятся, ругать кого; или изъ подобныхъ сему, такое зло дѣлать, которое въ подполъ прячется; и за зановѣсъ бѣгаетъ. Кто выше души своей, ничего не почитаетъ; и никакой вѣщи, больше того почтенія не отдаетъ, которое самой добродѣтели принадлежитъ: тотъ человѣкъ ничего такого не дѣлаетъ, что бы на трагедію [печальное дѣйство] походило. Онъ не вздыхаетъ. Уединенія, и бесѣды не ищетъ: а всего удивительнѣе, что такой человѣкъ безъ страха, и безъ желанія живетъ. Онъ же того не спрашиваетъ, долго ли мнѣ жить? Для того, что сей доброй человѣкъ, къ исходу отъ маловременной жизни своей, на всякой часъ такъ готовъ; какъ бы ему, другое честное дѣло здѣлать. Онъ на свѣте живучи больше всего о томъ печется, дабы ему душу свою въ такомъ добромъ состояніи содержать; чтобъ она могла то исполнять, что разумному созданію свойственно, а всему отечеству его полезно.

21.

Воздержность желаней по силѣ нужды.

Ежели бы всякой человѣкъ, по своей мѣре жилъ; а вожделѣніи бы свои, по силѣ, и по возможности его обуздовалъ: то бы симъ способомъ, всѣ добрыя желаніи свои получилъ. Сколь многимъ безпокойствамъ входъ чрезъ сіе пресѣкается, ежели человѣкъ малаго желаетъ; для того, что нужду свою, по натурѣ размѣряетъ: а разумная природа, малымъ довольна. богъ, подаетъ человѣку многія случаи къ полученію того, и толикаго числа; что, и сколько ему надобно. Всѣ безпокойства, произходятъ отъ невоздержнаго желанія; или отъ употребленія на зло тѣхъ вѣщей, безъ которыхъ человѣку прожить можно. Во злѣ, и въ неправдахъ лѣжащей свѣтъ сей; о убожествѣ, и о богатствѣ, весьма развращенное мнѣніе имѣетъ. Того богача похвалами до небесъ возносятъ, кому многіе миліоны надобны; а того добраго человѣка нищимъ титулуютъ, кто гривною въ день доволенъ. Нога; подлинная мѣра башмаку, или сапогу твоему. буде ты ширѣ, или уже; короче, или долѣ; тѣснее, или просторнѣе ноги, башмаки себѣ здѣлаешъ: то самъ себѣ ноги повредишъ. Такъ власно бренное тѣло наше; всѣмъ принадлежащимъ къ нему благимъ, естественная мѣра. Чѣмъ больше кто сверьхъ нужды тѣла своего, излишествъ пожелаетъ; тѣмъ въ горшее безпокойство, а наконецъ, въ такое страшное желаніе зайдетъ: которое человѣка, не только къ паденію; но и къ безвременной смерьти приведетъ. Когда уже самъ знаю, что натура малымъ довольна; то, за чѣмъ мнѣ горькой корень неудовольства, желаніемъ излишествъ, въ душе своей насаждать? По что желанію моему, далѣе нуждъ моихъ разпространяться? На что мнѣ того желать, что не надобно; а то добро терять, которымъ наслаждаться могу? Мнѣ можно великодушну быть; а я печалюсь о такихъ вѣщахъ, которыя душу мою, хуждшею творятъ. Я могу мудрость снискать; а вмѣсто ея, о томъ себя крушу; что у меня денегъ мало! Мнѣ можно за работою сидя веселу быть; а я, грѣшной празности ищу! Мнѣжъ еще можно, трудомъ своимъ столько получить; чѣмъ себя съ женою, съ дѣтьми, и со всѣмъ домомъ прокормить; а я стараюсь о томъ, что бы мнѣ въ каменныхъ полатахъ живучи; съ богатымъ экипажемъ, по малой мѣре четвернею ѣздить! Намъ можно чады божіими быть; а мы о томъ крушимся, что не Принцы, не Графы,

не бароны: или на послѣднюю мѣру, не знатнѣйшіе изъ шляхетства. Человѣкъ можетъ безъ всѣхъ сихъ достоинствъ, спокойно жить. На чтожъ ему такова чина желать, котораго онъ безъ великихъ трудовъ получить; а безъ жестокой печали, потерять не можетъ? Человѣку, во всей его жизни; больше пищи, и одежды, никакихъ излишествъ не надобно. буде онъ никому, и ни чѣмъ не долженъ; то очень богатъ. Хлѣбъ, вездѣ пекутъ; а полотна, да сукны съ обувью, во всякомъ мѣстѣ продаютъ. Трудолюбивой человѣкъ, скоро можетъ столько промыслить; чѣмъ себя одѣть, и прокормить. Мнѣ, до богатства другихъ людей дѣла нѣтъ. И имъ, больше пищи да одежды; излишествъ не надобно. О томъ еще подлинно не извѣстно; кто слаще ѣстъ. Апиціусъ ли, деликатности свои; или Куріусъ, печоную рѣпу? Хотя мое платье, и не бархатное; однако долгомъ не опушено, а печалью не подбито. доброй человѣкъ; [подъ божіимъ благословеніемъ] вездѣ себѣ содержаніе, и хлѣбъ сыщетъ. Ежелибъ злыя люди, не похотѣли его къ щастію допускать; такъ у него доброе сердце, и спокойная душа останется. А милосердый богъ, то ему десятерицею наградитъ; что злыя люди, у бѣднаго человѣка отнимаютъ. Славной Сократъ, весьма разумно сказалъ. Тотъ человѣкъ, гораздо ближе къ богу; кому на свѣте, меньше другихъ надобно. Какъ сей Философъ увидѣлъ; что знатной человѣкъ въ богатой корѣте, со множествомъ провожатыхъ ѣдетъ: то Сократъ, предстоящимъ сказалъ. Слава богу! Что мнѣ, столько не надобно. Которой человѣкъ, изобиліе; необходимою себѣ нуждою здѣлаетъ: тотъ и не жалуйся о томъ, что ему никогда спокойнымъ не бывать. Кому много надобно; тотъ долженъ въ наказаніе за не воздержность страшныхъ прихотей своихъ, много суеты, и попеченія имѣть: для того, что отъ безгрѣшной чистоты непорочнаго естества, и отъ полезнѣйшаго ученія тѣхъ мудрыхъ людей удаляется, которыя человѣку праведно совѣтуютъ; безумныя прихоти свои, всею силою воздерживая; малымъ довольствоваться. Къ достиженію богатства, то лутчей способъ; дабы человѣку кромѣ нужнаго, никакихъ излишествъ не желать. По что мнѣ тово богатства отъ людей ждать, которое я; самъ себѣ дать могу? Останься же въ границахъ разумной природы. Въ ней, найдешъ главное; и лутчее спокойство. Ежели богъ; сверьхъ нужды моей, изъ милости своей, что

либо мнѣ даруетъ : то оное къ славѣ Подателя , и въ пользу ближняго моего употреблю ; а чево мнѣ богъ не дастъ , то мнѣ не надобно ; и проку въ немъ нѣтъ. По этому и труда не стоитъ , дабы мнѣ того желать ; что до полученія безпокоитъ , послѣ полученія мучитъ , а какъ ево потеряю ; то оно меня безмѣрно печалитъ. Что до рукъ моихъ дойдетъ , то я и дѣлаю. Что на меня придетъ , то терплю. Чего снесть не могу , отъ того удалюсь. Что мнѣ не надобно , того не требую. Чего получить не льзя , тово не желаю. А чево перемѣнить не льзя , о томъ и не печалюсь.

22.

Желаніи ; по состоянію своему.

Ежелибъ люди , состояніе свое прилѣжно разсматривали ; тобы конечно стыдились того требовать , что имъ не годно , и не прилично. Почти всѣ люди хотятъ , состояніе свое по себѣ ; а вожделѣніи ихъ , по состоянію своему мѣрятъ. Но сіе , многимъ изъ насъ такъ пристало ; какъ худо съ шитое платьѣ. То уско , то широко ; то долго , то коротко ; а никогда не въ пору. Ежелибъ этѣ люди , прямую мѣру съ силъ своихъ снявши ; желаніи свои , по настоящимъ обстоятельствамъ ихъ учредили : тобъ и все въ согласіе пришло , а они бы , въ совершенномъ спокойствѣ остались. Когда человѣкъ богатъ , тобъ ему не скупому , и не насытну : но щедру , и великодушну быть надлежало. Ежели сего не будетъ ; то не насытное желаніе того , дабы отчасу болѣе богатства собирая , никуды въ росходъ не терять : всего спокойства насъ лишитъ. А когда мы убоги ; то долженствовало намъ осторожнѣе , бережливѣе , трудолюбнѣе , и терпѣливѣйшимъ быть. Ежели мы иначе поступимъ ; то не достатки , отчасу больше насъ утѣснивши : печаль нашу , несносною намъ здѣлаютъ. Сіе безпокойство , приходитъ обыкновенно отъ безпамятства такихъ людей ; которые ни о состояніи своемъ , ни о желаемомъ ими , прямо разсудить не могутъ : и той бѣдности , основательно не понимаютъ , на которую столь многія тысячи людей ; съ печалью , и воздыханіемъ , напрасно жалуются. Эта ихъ мнимая , и толь страшная имъ бѣдность ; одинъ только недостатокъ , малыхъ числомъ излишествъ : которыя , мечтательное лакомство , за необходимыя ; весьма ложно имъ представляетъ : а разумная природа , и безъ нихъ обойтись можетъ.

можетъ. Тѣ вѣщи, до тѣхъ поръ намъ не надобны; пока мы ихъ пристрастно не пожелаемъ. Не тотъ бѣденъ, у ково мало; да тотъ подлинной бѣднякъ, кому много надобно. Развѣ то прямая бѣдность, что человѣкъ; сѣрой кафтанъ, и толстую рубашку носитъ? ржаной хлѣбъ, и грубую пищу ѣстъ; всякой день самъ работаетъ, излишняго себѣ не запасаетъ, слугъ при себѣ не имѣетъ, да самъ себѣ, и господину своему служитъ? Этотъ [по свѣтскому имянованію бѣдной] чистонравной человѣкъ; отъ работнаго на всякъ день поту, [какъ богъ ему велѣлъ] всегда добрымъ здоровьемъ наслаждаючись: о почечуѣ, о Іпохондріи, о подагрѣ съ хирагрою, о сіятикѣ, и почти обо всѣхъ тѣхъ деликатныхъ болѣзняхъ ничего незнаетъ; которыми Вельможи, да богачи, обыкновенно мучатся. У него, имѣнія такъ мало; что по среди разбойниковъ идучи, пѣсни пѣть можетъ. Для сей то важной притчины; многіе люди, убожество великодушно несли: а другіе, добрымъ произволеніемъ оное избрали. Царь и богоотецъ Давидъ, [въ десятомъ псалмѣ] убожество; блаженствомъ называетъ. Отъ Царскаго корене его, плотски возсіявый Христосъ Спаситель и богъ нашъ; въ убогомъ образѣ на землю пришелъ. Лутчіе, и разумнѣйшіе язычники; отъ глубокой древности сіе признали, что спокойно жить желающему: имѣніемъ, бѣдну; а духомъ, нищу быть должно. Но богатой, разумѣть сего не хочетъ; а умомъ понять не можетъ. Хотя временемъ видитъ, и внутренне чувствуетъ, что земледѣлецъ щасливѣе ево; только совершеннаго спокойства, и самимъ собою обладанія достигнуть не въ состояніи. Какъ и чѣмъ бы намъ; всю славу богатыхъ назвать? Она, сундукъ наполненной мечтами; видимая прелесть; Мать суеты, и роскошей; пауковы тенета на мухъ; и отъ непріязни приходящее излишество. Вопреки тому, бѣдной человѣкъ; въ границахъ простой, и неповрежденной натуры всегда пребываетъ. буде у него во щахъ прянова зелья; а на бѣдномъ столѣ ево, дватцети блюдъ Французской поварни; да притомъ шампаніи съ бургонскимъ, и Аглинскаго пива съ Венгерскимъ нѣтъ: то къ нему предъ симъ объявленныя боярскія болѣзни, очень не скоро придутъ. Отъ такого же не разсужденія, и тѣ люди печалятся; кто изъ высокаго достоинства въ упадокъ пришедши, ного еще прямо не разсмотрѣлъ: подлиннуюль онъ притчину,

къ печали имѣетъ. Пожалуй мнѣ скажи; что ты потерялъ? буде хвалы человѣческой лишился? Такъ ты еѣ слышать, и въ себѣ чувствовать не станешь; ежели оную самъ себѣ, чувствительною не здѣлаешь. Водяной пузырь прорвался; вѣтеръ дунулъ; стаканъ разшибся; чайная Чашка изъ рукъ упавши разбилась: Птица изъ клѣтки вылетѣла. Все это, подобно твоей славѣ; за которую ты съ такою болѣзнью гоняешся. Что перемѣннее нрава славныхъ земли? Что не постояннѣе милости Вельможъ? Когда это вѣдаешь; за чѣмъ же и печалишся о такой грудѣ снѣгу, которая отъ лучей вѣшняго солнца, очень скоро растаяла? А буде ты сего невидалъ: то подлинно труда стоитъ. что бы это важное дѣйство, въ практикѣ видѣть: и оному искусившись, самому тебѣ эту чудную комедію на свѣте узнать. буде ты въ этотъ упадокъ, своею проступкою пришолъ; то, собственнымъ вредомъ и убыткомъ своимъ уму научась, тѣхъ притчинъ начни убѣгать: которые тебя, къ этой бѣде привели. Ежели не ты въ этомъ виноватъ, то неповинностью своею веселись; а о томъ сердечно радуйся, что у тебя такой щасливой нравъ: которой отъ неправдъ, и отъ обидъ враговъ твоихъ, никогда не побѣждается. Ты больше объ нихъ, нежели о себѣ жалѣй. Развѣ тебѣ, чужое мнѣніе о твоихъ дѣлахъ понравилось? Это твое мнимое веселье; суетою, да самолюбіемъ повреждено. Тебѣ сіе гораздо полезнѣе, что ты случай получилъ; сіе веселье воздержать, а самолюбіе бросить. Что тебѣ, злой языкъ ругателей твоихъ здѣлаетъ? Ничего; ежели ты собственнымъ мнѣніемъ, какъ своимъ ножемъ, самъ себя не убьешъ. За чѣмъ тебѣ то допускать; что бы люди тебя, по своему произволенію безпокоили? На что тебѣ самому себя, для того бѣднымъ дѣлать; что другіе люди злы? Лутче то вспомни, что Эпиктетъ сказалъ. Слава богу о томъ; что враги мои, всѣхъ моихъ пороковъ и погрѣшностей не знаютъ; а то бы они про меня, больше нынѣшнева говорили. Іовъ, и Давидъ, учатъ насъ тому; какъ человѣку въ гоненіяхъ, и въ презрѣніи отъ людей поступать. Ежели тебѣ, оба эти богоугодныя мужи, весьма Святы; или, [по твоему мнѣнію] надмѣру совершенными покажутся: такъ уже хотя то разсуди, что языческой Цесарь Маркъ Аврелій, къ женѣ своей Фаустинѣ въ тѣ поры писалъ; какъ бунтующей противъ него

Кассїусъ, сего Монарха и Государя своего презрѣлъ. Пускай непрїятель мой живъ будетъ, ежели онъ достойнѣе; а отечеству полезнѣе меня, и дѣтей моихъ.

23.

Я тѣмъ отъ намѣренїя моего нимало не удалюсь, когда пользу трудовъ представлю. Здоровому, все здорово; а больному человѣку, и лутчїя вѣщи вредны. Но понеже онѣ, такую кислоту въ себѣ имѣютъ; которая внутреннюю ихъ, какъ ржавчина желѣзо съѣдаетъ: то симъ людямъ очень не худо будетъ, когда они отъ мокроты огустѣвшую кровь свою, трудами и работою по разведутъ: а жизненнымъ духамъ, чрезъ сей способъ великую свободу, и облегченїе здѣлаютъ. Человѣкъ; на труды, и къ покою, равно родился. Когда размышленїе наше перестанетъ, тогда работѣ начаться должно; а ежели человѣкъ сего нездѣлаетъ, то какое нибудь злое вожделѣнїе: или страсть, у дверей разума его постучится. Празной духъ; сперьва начнетъ суетнымъ желанїемъ, или ложною надеждою себя ласкать. За тѣмъ станетъ скукою, любовью, или ненавистью терзаться. Потомъ не терпеливостью, или ропотанїемъ раздираючись; изъ стороны въ сторону, власно также помчитъ бросатся: какъ въ задъ и въ передъ порхающая ластовица, туда и сюда безпрестанно лѣтаетъ; а сама не знаетъ куды, и за чѣмъ лѣтитъ. Такъ точно празной, и лѣнивой человѣкъ; съ конца на конецъ пространнѣйшаго города, верстъ по десяти, для исканїя себѣ такой компанїй бѣгаетъ и скачетъ; которая ево, и видѣть не хочетъ. По истиннѣ! Лѣностная жизнь; гораздо тижелѣ работы. Туша лѣниваго, непрестанно желаетъ, а яснѣе сказать; съ лѣности отолстѣвшей, и опустившейся человѣкъ: празными желанїями, всечасно мучится. Сперьва станетъ таковъ же любопытенъ, какъ дряхлые Афинцы. За тѣмъ, впадетъ въ такїя же пороки; какъ лѣнивые Критяне. Напослѣдокъ уподобится; изъ мятежа въ печаль, и въ отчаянїе о томъ пришедшимъ Римлянамъ: для чего они доброе упустили, а злое исполнили. Нѣкоторой работникъ, самъ о себѣ такую правду сказалъ. Я только въ тѣ поры веселъ и спокоенъ, когда у меня дѣло есть. А простая мнѣ пища, вкуснѣе Сарданапаловыхъ

Работа.

Л 2 столовъ.

столовъ. По истиннѣ! Тѣло человѣческое тогда только здорово, когда въ движеніи да въ трудахъ: а душа въ то время спокойна, когда мы надъ дѣломъ, да за работою сидимъ. По сему; до тѣхъ поръ человѣкъ благополученъ; пока въ томъ пребываетъ на что родился: тоесть въ трудахъ, и въ работѣ. Крайняго удивленія достойное дѣло; что художники, да земледѣльцы, болѣзней очень мало: а душевнаго безпокойства, и того меньше имѣютъ. Лѣность, всѣмъ болѣзнямъ отецъ. Роскошъ съ бездѣліемъ, это имъ родитель; а изобиліе съ забавами, мать безпокойству душевному. Симъ мечтамъ, и воздушнымъ привидѣніямъ; ежедневная работа съ трудами, первое лѣкарство: и лутчее изцѣленіе. Трудомъ, чувства наши къ добру пріучаются; а работа, содержитъ духъ человѣческой во всегдашнемъ спокойствѣ, и въ веселіи. Ежели духу, никакова дѣла не дать; то онъ ослабѣвши, къ худымъ мыслямъ обратится. Чинъ, и званіе всякаго человѣка; къ повседневнымъ трудамъ обязуетъ. Никому изъ насъ, съ объявленными во Святомъ Эвангеліи лѣнивцами, того сказать не льзя. Никто же мы наятъ. Ни одинъ разумной человѣкъ, сего безумнаго слова не молвитъ; мнѣ дѣлать нѣчего. Кто о благополучіи отечества, также о собственномъ домѣ и добрѣ, а притомъ еще о пользѣ ближняго, прилѣжно помыслитъ; тотъ, ни на одинъ часъ безъ дѣла не будетъ. Хотя бы человѣкъ никакова публичнаго, тоесть государственнаго чина въ отечествѣ своемъ не имѣлъ; однако ему должность умнаго человѣка исполнять, не обходимо надлежитъ. Прилѣжаніе съ трудами, никогда не пропадетъ; и въ тунѣ не останется. буде ни отъ кого работы ему не дано; то, произвольнымъ трудомъ рукъ своихъ, себѣ, и ближнему пользу принесть можетъ. Не послѣдуй, тому безумному старику, которой долголѣтіе свое сѣдыми волосами доказываючи; ни за что приняться не хотѣлъ. Ты помни, первозданному человѣку со всѣмъ родомъ его, отъ Всемогущаго Творца на вѣки данное повелѣніе. Въ потѣ лица твоего, снѣси хлѣбъ твой; вся дни живота твоего. Вся тварь, на службу создана. А ты: развѣ на одну роскошь, да на забавы рожденъ? Не думаю я этого! Трудисъ же другъ мой; на всякой день. Прилѣжно работай, пока ты живъ: что бы смерть, не застигла тебя въ грѣшной празности. Но дабы, изъ этой помощи къ спокойству;

новаго

новаго мятежа и безпокойства не произошло: то, должно всякому изъ насъ прежде всего, то разсмотрѣть: къ какой службѣ и работѣ, кто склоненъ; и къ чему отъ природы способенъ? Ты себя умными, тоесть мысленными очами разсмотря, прилѣжно того берегисъ; чтобъ беремя твое, не ширѣ плѣчъ твоихъ было: а платежъ бы за сію ношу, тебѣ же въ раскаяніе не обратился. И отъ того себя рачительно храни; чтобъ не склонная тагость трудовъ твоихъ, не сравнялась съ каторжною работою. Всякое, мѣру превозходящее принужденіе; человѣческому естеству трудно, скучно, и отчасти мучительно. Для сей притчины, такіе дѣла по силѣ своей зачинай; которыя бы ты добрымъ произволеніемъ окончать, въ состояніи былъ. Женскимъ лицамъ; въ правленіи дому, въ воспитаніи дѣтей, и въ другихъ къ сему принадлежащихъ должностяхъ, такъ много упражненія: что имъ больше сихъ трудовъ, никакого дѣла предписывать не надобно. Разумнѣйшимъ изъ женъ; чтенія полезныхъ, и добродѣтелямъ учащихъ книгъ, отнюдь не отрицаю: только боже ихъ сохрани отъ читанья душевредныхъ повѣстей, и любовныхъ басенъ. Демокритъ говаривалъ; не много работай, ежели хочешъ спокоенъ быть. Не лутчель было ему такъ сказать. Все исправляй, что такому разумному человѣку дѣлать должно; которой родился, на общую всѣмъ намъ пользу. Удовольство наше въ томъ, что человѣкъ добро дѣлаетъ; а покой отъ того, что не много трудится. Ежелибъ мы отъ словъ, и отъ дѣлъ своихъ; не надобное, да празное, почасту отнимали: то бы больше времени къ благотворенію, а меньше случая къ печалямъ имѣли. Ты, надъ всякимъ дѣломъ; самъ себя спроси. Надобноель мнѣ; и не напрасное ли это дѣло? Симъ способомъ; не толъко съ не надобными дѣлами, да со всѣми не потребными мысльми поступая: великую помочь къ спокойству душевному получишъ.

24.

Этѣ умныя мысли; сходны съ природою, и съ состояніемъ разумныхъ людей. Человѣку, до тѣхъ поръ спокойну быть не льзя; пока онъ, указанію и руководству сихъ разумныхъ мыслей, въ дѣлахъ своихъ слѣдовать не станетъ. Какъ лошадь, къ ѣздѣ и воженію; а собака на гоньбу и ловлю, Уединенное размышленіе

 такъ

такъ [по слову Аристотелеву] человѣкъ : на работу , и къ размышленію сотворенъ ; а не только на то созданъ ; чтобъ ему пить , есть , да дѣтей родить : какъ звѣрямъ , и безумнымъ тварямъ . Дражайшей разумъ , не на роскошь и обжирство ; да весьма на иное человѣку данъ . Къ нашему благополучію , не довольно того ; чтобъ на малое время веселу , здорову , или спокойну быть . Это благополучіе, состоитъ въ отвращеніи зла ; въ пріобрѣтеній постояннаго спокойства; и въ сысканіи всякаго блага душамъ нашимъ. Не со Аристипомъ въ сладострастіяхъ; ниже съ Еронимомъ во удержаніи болѣзней ; но въ добрыхъ дѣлахъ, и въ благихъ мысляхъ. Печалямъ своимъ пользы, и утѣхи ; а нравоученію приращенія , у такихъ людей ищи: которые безъ чужова мнѣнія , своему разсужденію слѣдуютъ ; а спрашиваются у своей практики, тоесть у собственнаго искусства. Сіе мудрое размышленіе , не обходимо того требуетъ ; что бы человѣку въ себя пришедши , душу свою отъ свѣтскаго шуму и мятежа, всею силою отвлекать: наподобіе такихъ пьяныхъ людей , которые ни на какое подносимое имъ вино не смотря , и ни чьей прозьбы не слушая ; всею возможностью для того изъ рукъ рвутся , что бы имъ до постѣли добѣжавъ , по скорѣе выспатся. Не обузданныя прихоти , съ сильнымъ соблазномъ новой моды ; и развращенно съ принятымъ худымъ обычаемъ , хотятъ умнаго человѣка къ тому привесть : что ему не сродно, и весьма не пристало . Но понеже такой видъ есть , что они человѣка изъ собственнаго дому выгнать хотятъ ; то намъ противу сихъ безстыдныхъ гостей сильную строгость употребя, съ самаго начала , на шумъ ихъ смотрѣть ; и имъ поддаваться, отнюдь не должно. Самъ ты со временемъ увидишъ , какая тебѣ отъ сего размышленія польза произойдетъ. Мнѣ , такіе люди про нѣе сказывали , которые , отъ несноснаго духу ихъ шуму , и отъ мятежа большихъ городовъ удалясь: а потомъ въ близкихъ оттуды мѣстахъ спокойно живучи , больше покоя и удовольства имѣли ; нежели при дворѣ , также въ штатской , и въ военной службѣ. Тамъ то человѣкъ подлинно веселъ , и совершенно спокоенъ ; а до сего блаженнаго уединенія , внѣ себя бывши , по чужимъ дворамъ бродилъ. Тамъ онъ ; притчины своего неудовольства , въ собственной слабости найдетъ. Тогда уже все то отъ него удалится что страсти съ вожделѣніями въ человѣке возбуждало. Тутъ ты въ самомъ себѣ увидишъ тѣ отворены я двери , которыми не удоволь-

ство

ство съ мечтою, въ душу твою ворваться хотѣло. Тамъ, веселое смотрѣніе на сады и огороды свои; на поля, на луга, и на всю въ Маiѣ мѣсяце новою зеленью покрытую землю, душу твою такъ обрадуетъ: что самъ себя, такими мыслями спрашивать начнешъ. Какая это вѣщь была, что мнѣніе мое по се время, темными мечтами устрашала? Стоитъ ли она того, что бы мнѣ объ ней печалится? Самъ я это вижу, и знаю; какъ малымъ натура довольна. По чтожъ мнѣ многова желать, и чужое грабить? Возьму ли я что нибудь, на тотъ свѣтъ съ собою? Ни синя пороха, въ гробъ со мною не положатъ; да все на землѣ останется. Что мнѣ въ чужой славѣ, и въ лестныхъ похвалахъ прибыли? За чѣмъ я о томъ печалюсь, чего перемѣнить не могу? Неглуполь о томъ думать и тужить, что не въ моей волѣ и власти? Подлинноль въ этомъ честь, и слава; а въ томъ, стыдъ да бещестьѣ? Не противно ли это воли божіей; и сходноль со здравымъ разумомъ? Умаляетъ ли оно; или умножаетъ человѣчество наше? Почти всѣ умные язычники, на тѣ поры и времена такъ разсуждали; когда, какое либо вожделѣніе ихъ обезпокоивало. Для безпрепятственнаго пребыванія въ толь полезныхъ размышленіяхъ, удалялисъ на время отъ компаніи; и укрѣпивши себя заповѣдьми мудрости, возвращалисъ они по прежнему къ дѣламъ своимъ. Всею возможностью, укрѣпляли себя отъ нападковъ поспѣшенія и торопливости; также отъ всякихъ прелестей, съ послѣдующимъ за ними безпокойствомъ, и устрашеніемъ души. Нѣмецкой дворянинъ биландеръ, силу умнаго размышленія въ тѣ поры увидѣлъ; какъ случившуюся ему печаль, выѣздомъ для прогуливанія разсыпать хотѣлъ. Ровные поля, и цвѣтами усыпаные луга, выгнали изъ головы его весь страхъ; и причиненныя отъ печали мечты. Умъ его, по видимому горизонту распространясъ, всѣ притчины печали своей терять началъ. Между сими, ѣдущаго биландера веселыми размышленіями; лошадь его, вдругъ отъ того испужавшисъ пошарашиласъ; что бѣлыми цвѣтами усыпанной калиновой кустъ увидѣла. Дворянинъ, иноходца своего шпорами ударя; ближе къ кусту подъѣхалъ. Лошадь къ самому кусту подошедши, стала его обнюхивать. Биландеръ, до тѣхъ поръ мимо куста взадъ и въ передъ ѣздилъ; пока иноходецъ куста, нимало уже не боялся. печаль свою разсѣвающей дворянинъ; отъ сего мѣста

далѣе

далѣе поѣхавши, сталъ въ себѣ разсуждать. Всѣ меня мучившія печали, подобны этому калиновому кусту; а мечта, сравнялась съ лошадью моею: которая куста испужалась. Разуму, надлежитъ мнѣніе всею силою воздерживать. Теперь уже самъ вижу; что скучныя печали мои, въ пріятныя цвѣты перемѣняются. Хотя они изъ жестокаго терновника выросли, только на видъ очень пріятны; и въ душевномъ лѣкарствѣ, цѣлительную силу имѣютъ. Ктожъ бы изъ умныхъ людей, не похотѣлъ о томъ постаратся; чтобъ бѣды, или печали свои, биландеровымъ способомъ узнавать; а у мечты своей, наглыя, или пужливыя представленіи: прямымъ, и правымъ употребленіемъ здраваго разума, справедливо отнимать?

25.

Симъ бы способомъ, совершенное спокойство; или на послѣднюю мѣру, безпристрастное мнѣніе о тѣхъ вѣщахъ въ насъ произошло: которыхъ перемѣна, не въ нашей силѣ. Онѣ, ни чѣмъ не подвижны; хотябъ человѣкъ смѣялся, или плакалъ. По чтожъ я о томъ печалюсъ, что обо мнѣ не думаетъ? Что не въ моей волѣ, и власти; [говоритъ Эпиктетъ] то чужое; а что не въ моей силѣ, то до меня не касается. Чтожъ бы не въ моей силѣ было? Все, что внѣ меня. Тѣло, со всѣми припадками его. богатство, честь, друзья, враги, дѣти, и рабы; это все внѣшнее, или наружное у человѣка. А въ моей силѣ, что? Нравъ, мысли, мечта, воображеніе; праведное, и ложное мнѣніе: вожделѣніи, любовь, ненависть, страхъ, надежда, и другія страсти. Для того; надлежитъ мнѣ, сими внутренними силами, внѣшнія припадки: къ пользѣ своей, всею возможностью обращать. Понеже Всемогущій Творецъ; означенныя вѣщи, не въ моей силѣ и возможности поставилъ: то онъ, такую силу мнѣ даровалъ; дабы ихъ, въ мое спокойство употреблять. Для чегожъ человѣку, суетнымъ и ложнымъ мнѣніемъ; собственному благополучію препятствовать? Агриппѣ сказали; ты въ сылку назначенъ. А онъ имъ отвѣчалъ. Такъ я сего дни, обѣдать буду въ варницѣ. [мѣстечко] Ежели часъ смерьти моей придетъ; то я, наподобіе такого человѣка умру: которой взаймы взятое, со благодареніемъ возвращаетъ. Я бы теперь поѣхалъ, друга своего навѣстить; да великое ненастье на дворѣ. Что же мнѣ дѣлать?

дѣлать? Терпѣть; пока дожжь, и слякоть перестанеть! Для чего мы, при всѣхъ случаяхъ жизни нашей; не также поступаеть? Моя ли въ томъ вина; что одинъ упрямъ, а другой своенравенъ? Я тому препятствовать не могу, что однихъ людей злость; а другихъ безумїе, такую бурю въ свѣте причиняеть. Ксантипа бѣсится; а Сократъ ей уступаеть. На дворѣ дожжь, слякоть, и всякая непогодь; а я, въ теплой избѣ сижу. Когда сильной вѣтръ увижу, въ тѣ поры на море не поѣду. Въ горнице у меня дымно; я начасъ изъ неѣ выду. Всѣ это, скоро перемѣняется; а печаль, долго вѣчнѣе всего. За чѣмъ же мнѣ еѣ, самому себѣ причинять? Лутче я сїю тягость свою, облегчать стану. Это у единаго Бога во власти; дабы всѣ по Его Святой волѣ, и премудрости дѣлать. Наша должность; всѣ терпѣть, чего перемѣнить не можемъ: а особливо тогда, ежели мы пришедшей на насъ бѣде, не виновны. Радость, съ веселїемъ о доброй совѣсти: въ разумной душе, тогда сильнѣе бываетъ: какъ печаль о случившейся нуждѣ, или о нечаянной горести, умножатся начнетъ. Лутче терпѣть въ неповинности; нежели въ винѣ, и въ неправдѣ своей веселится.

26.

Изъ сихъ умныхъ разсужденей, такое въ душе человѣческой спокойство родится; отъ котораго всѣ безпокойныя страсти, властно какъ тучи отъ солнечнаго сїянїя, немедлѣнно ищезаютъ. За тѣмъ начинается равнодушїе; а именно: Дїодорово, да Іеронимово нечувствованїе болѣзней. Равнодушной Аристенъ; обо всемъ на свѣте безпристрастно разсуждалъ. Искуство, [практика] научило его тому; что на свѣте, ничего совершеннаго нѣтъ. Все на землѣ, смѣшано. Доброе, съ худымъ; забава, съ печалью и скукою; надежда, со страхомъ; а наслажденїе, съ горестью; и лишенїемъ. Сей то суетѣ; все земное подвержено. Между умными, и безумными; перьвое и главнѣйшее различїе, то: что умныя люди, правду съ неправдою; ложное добро, съ истиннымъ благомъ: а худое, съ хорошимъ; распознать могутъ. Премудрость всемогущаго Творца, сїе несовершенство во все земное за тѣмъ положило, дабы человѣкъ не отрицался, все это съ разумомъ употреблять; съ равнодушїемъ, всего

Какое отъ сего, равнодушїе произходитъ.

 отвер-

отвергнуться ; а при смерти своей, съ радостію оставить. Сіе ; ко успокоенію , и къ содержанію всякаго человѣка служитъ : что бы такая же перемѣна и внутри насъ была. Ежели бы человѣкъ печали не вкусилъ , тобъ и радости не зналъ. Когда временной печалѣ , основаніемъ вѣчнаго веселія быть должно ; то, за чѣмъ я тѣхъ добрыхъ часовъ , въ кротости и въ спокойствѣ не жду : которые злымъ моимъ днямъ, на смѣну итти имѣютъ? Эпиктетъ написалъ. Ты въ своей жизни , власно какъ на пиру поступать долженъ. Ежели часть какой ѣствы тебѣ поднесутъ , то протянувши руку , со благодареніемъ прими ; а когда тебя обнесутъ , то за сіе не сердясь , жди того : пока что до тебя дойдетъ. Такъ власно съ женою , съ дѣтьми , съ рабами , съ честью, съ богатствомъ , и со всѣмъ имѣніемъ твоимъ поступай ; ежели достойнымъ гостемъ божія пира , учинить себя хочешъ. А буде поданнаго не принявши , въ велико не поставишъ ; то , не гостемъ ; но участникомъ царствія божія будешъ. Сіе ; Сократа , Ераклита , и другихъ любителей мудрости : божіими людьми учинило. Хотя это состояніе души , и высоко ; однакожъ человѣкъ , праведнымъ разсужденіемъ получить его можетъ. И самыя стихіи , не чисты. Высочайшая сладость, на и большую горесть въ себѣ имѣетъ ; а въ уксусѣ , сахаръ есть. Подождужъ я во всякой спокойности; и начну отъ нынѣшней моей сладости: кислоту, да горесть, разумно отдѣлать. Или, того дожидаться стану; пока уксусъ печалей моихъ , со всею житейскою горестью : въ желаемую сладость , самъ обратится. Премудрѣйшей на свѣте Саломонъ, всего искалъ; что бы человѣческое спокойство поспѣшествовать могло. Но кромѣ суеты , и прелестнаго смѣшенія , ничего добраго , и душеполезнаго не нашедши : къ лутчему успѣху мира и спокойства нашего , то за лутчее призналъ : дабы человѣку все видимое , за скоро преходящую тѣнь почитая ; всякой день въ трудахъ обращаться ; а притомъ веселу , и спокойну быть. Я пришедши въ компанію увидѣлъ двухъ человѣкъ , которые въ карты играли. Одинъ изъ нихъ очень жаденъ къ выигрышу , и отъ того не терьпеливъ ; а другой напротивъ сего тихъ , и такъ равнодушенъ былъ : что выигрышъ и проигрышъ , за едино почитая; у соперника своего , знатную сумму денегъ выигралъ. Для чегожъ бы намъ и во всей комедіи , какъ въ самой игрѣ

жизни

жизни нашей ; не также поступать ? Развѣ мы не терпеливостью своею выиграть думаемъ ? Ни какъ ! Отъ неѣ , кромѣ проигрышу ; никакой пользы не будетъ. Бѣдная та игра , которая человѣка въ толь сильной восторгъ приводитъ ; что онъ себя , душу свою , и вѣчное блаженство забываетъ. Не лутчель ему , все внѣшнее разуму покоривши ; въ настоящемъ , терьпеливу : а въ разсужденіи будущаго , спокойну быть ? Всякъ изъ насъ можетъ съ Эпиктетомъ равнодушно сказать. Мнѣ это все равно , и едино ; мало , или много , я : богатства , чести , славы , забавъ , и того на свѣте получу : что свѣтскіе люди щастьемъ , не знаючи называютъ. Я , все это ; волѣ , и судьбѣ божіей предавши ; стану конца моего безъ страха , и безъ муки , спокойно ожидать.

27.

Порядочное обращеніе крови , и жизненныхъ духовъ ; къ равнодушію человѣческому , много способствуетъ. Сія равнодушность , тѣмъ болѣе возвышается ; чѣмъ полнѣе , и постояннѣе , человѣческое здоровьѣ пребываетъ. Мы ; тѣлу своему надлежащее содержаніе пищею , и одеждою , для того давать должны : что человѣкъ въ то время веселъ , и здоровъ ; когда сытъ , одѣтъ , и по своей мѣре доволенъ. Мы должны сіе великое благодѣяніе всемудрѣйшаго Творца , со смиреннымъ благодареніемъ признавать ; что онъ спокойства душъ нашихъ , съ тѣлесными вѣщми не соединилъ. Ни чѣмъ кромѣ смерьти , нераздѣльное соединеніе души съ тѣломъ , естественная тому притчина ; что душа , участницею тѣлесныхъ припадковъ : весьма часто бываетъ. Для сего то , разумной душе ; о здоровьѣ тѣла , также власно какъ хозяину о домѣ своемъ , усердно стараться надлежитъ : дабы дворъ его прежде времени не обветшалъ , и не роспался. Которыми орудій душа дѣйствуетъ ; тѣ инструменты , тѣлесными соками захватываются : а этѣ соки , веселостью души и жизненныхъ духовъ ; также чисты , и тонки быть могутъ : какъ воздухъ. Сія то чистота , съ тонкостью жизненныхъ духовъ ; къ содержанію здоровья , нужнѣе всего. Тихой и веселой нравъ , всегдашняя человѣку радость ; а не воздержаніе , гнѣвъ , и печаль : всю человѣческую жизнь , въ огорченіе приводитъ. Воздержаніе страстей , трезвость , и поря-

Умеренное раченіе , о тѣлѣ своемъ.

порядочное житьѣ; отъ многихъ болѣзней человѣка охраняетъ. Естественная теплота; подъ игомъ невоздержностей, и подъ вѣтромъ роскошей: прежде, и скорѣе всего угасаетъ. Для сей притчины, здоровью человѣческому весьма сіе полезно; дабы стремленіе и не воздержность страстей, воздержаніемъ: и постомъ укрощать. Тѣло человѣческое, отъ природы своей таково; что перемѣною укрѣпляется. Умѣренная ходьба, къ сохраненію здоровья весьма способна. Цицеронъ; къ болящему другу своему Аттику, такъ писалъ. Я тебѣ желаю добраго Апетиту; скораго варенія желудка; убѣганія скуки, и печали; размѣрнаго прохаживаная, позволенной забавы, и отворенія живота. У кого этѣ обстоятельства будутъ; тотъ на болѣзненныя припадки, очень рѣдко жаловаться станетъ.

28.

Добрая бесѣда. Лутчее увеселеніе человѣческой жизни; поспѣшествуется доброю компаніею, тоесть собраніемъ честныхъ людей. Сердца человѣческаго, ни что такъ не веселитъ, какъ вѣрной другъ. Всѣмъ намъ сіе сродно; дабы сердечную печаль, другу своему открывши; помощи, и совѣта у него просить. Я тебѣ такова друга желаю; котораго веселость, твоею радостью: сердце его, хранилищемъ твоихъ таинъ; разговоръ ево, совѣтникомъ твоимъ; а рѣчь и разумъ его; прогонителемъ твоихъ печалей да будетъ. Сей другъ; то самое предрагое, и рѣдчайшее на свѣте сокровище: о которомъ Сирахъ пишетъ. Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ. Другови вѣрну, нѣсть измѣны; и нѣсть мѣрила добротѣ его. Только и такія чудные на свѣте случаи бываютъ, что лутчей у человѣка другъ; притчиною горшей печали ево здѣлаться можетъ. Въ другѣ, не только того смотрѣть; чтобъ онъ молчаливъ да вѣренъ былъ. И плуты плутамъ, такъ вѣрны; что взаимнаго злодѣйства своего, никому не открываютъ. Въ честномъ другѣ; еще другихъ свойствъ, и лутчихъ сего добродѣтелей, искать должно. Дружба пороками зараженныхъ людей, доброму человѣку всегда опасна. Гдѣ прямой добродѣтели нѣтъ, тамъ истинной дружбѣ быть не льзя. Изволь же дорогой читатель самъ разсудить; сколь великая къ тому осторожность надобна, чтобы намъ такихъ злыхъ людей въ друзья себѣ не выбрать: которые и насъ повѣтріемъ своимъ заразивши, вмѣсто

чаемой отъ нихъ утѣхи и помощи, горшее тебѣ безпокойство причинить могутъ. Славной Кемписъ; къ не малому удивленію, совѣтуетъ: съ женскими лицами въ близкую дружбу, въ скорое знакомство, и во откровенное обхожденіе отнюдь не вступать: да съ лутчими изъ женъ, при одномъ, нѣжному полу ихъ должномъ почтеніи; всегда оставаться. Знать, сей славной мужъ, на дѣле искусившись узналъ; что краснаго лица жены, самыя тѣ страшнѣйшія камни искушенія и соблазновъ: объ которые душевное спокойство розбивается. Напротиву сего и женамъ; отъ блискаго знакомства, и откровеннаго обхожденія съ мущинами: чести, и славы очень не много; а душевнаго спокойства, и того меньше будетъ. Ежелибъ мы въ золотомъ вѣке жили; тобъ истиннаго себѣ друга, скорѣе нашли. Но понеже мы не только въ желѣзномъ; да въ самомъ чугунномъ, тоесть въ развращеннѣйшемъ времени живемъ: то надобно уже притомъ другѣ оставаться, которой не хуже, и не злѣе другихъ. И такихъ людей компаніи рачительно убѣгай; которые всѣхъ, и все переговариваютъ. Многолюдная компанія; больше притчины къ опасности, и къ безпокойству подаетъ, нежели къ увеселенію служитъ: для того, что между людьми: больше безумныхъ, и злыхъ; нежели разумныхъ, и добрыхъ. Чѣмъ далѣ въ многолюдство пойдешъ; тѣмъ больше тебя тѣснить станутъ. Для сей то важной притчины; два, или три выбранныхъ друга: лутче многолюдной бесѣды. Въ выборѣ друзей, совершенства не надѣйся; да такъ ихъ бери, каковы люди есть; и какими тебѣ, на особливое щастье попадутся. Того на и болѣе смотри, дабы тотъ человѣкъ доброй, кроткой, благонравной, и примирительной былъ: кого ты себѣ, въ друзья взять намѣряешся. Кто себя не совершеннымъ, и бѣднымъ признаваетъ; тотъ къ дружеству, способнѣе всѣхъ. Любовь, здѣлаетъ въ сердцѣ его различныя ступени добродѣтелей; по которымъ степенямъ, духу сего человѣка возходить, и низходить; смотря по состоянію тѣхъ людей, съ кѣмъ ему дружится. Такой человѣкъ; слабости ближняго узнавши, не убоится передъ Монарха своего притти; а тѣмъ не постыдится, и не побрезгуетъ; что бы ему подлѣ землѣдѣльца, или подлѣ боку мастерового человѣка сѣсть. Онъ, вездѣ разумъ почтетъ, гдѣ его ни найдетъ; а добродѣтелью, всегда весе-

 литься

литься станетъ : хотябъ она подъ золотыми парчами, или бы, подъ сѣрымъ сукномъ была. Ежели нечаянной случай, въ такую бесѣду его приведетъ; гдѣ люди, нѣчто противъ добродѣтели дѣлаютъ, и говорятъ: то о семъ, по примѣру гордаго Фарисея роптать не станетъ; да съ веселымъ Цицерономъ, такому случаю посмѣется. Сей у Римлянъ славнѣйшей Ораторъ и Философъ, о такой бесѣде; къ другу своему Петусу, слѣдующее писалъ. Я эту грамотку къ тебѣ отправя; въ девятомъ часу вечера ужинать пошелъ. буде спросишъ куда? Къ веселому Волумнію! Тамъ, по правую у меня руку, лѣжалъ Верріусъ; а по лѣвую, Аттикъ. Оба тебѣ друзья! Развѣ тебѣ это дивно; что я въ не щастье своемъ, такъ веселъ быть могу? Чтожъ мнѣ другое дѣлать? Развѣ безпрестанно крушиться, да плакать? А что я себѣ тѣмъ помогу? Ты мнѣ скажешь; забавляйся письмомъ, да чтеніемъ книгъ; у меня то и веселье. Какъ бы мнѣ безъ этой честной, и полезнѣйшей забавы прожить? Только и въ этомъ трудѣ, мѣра надобна. Человѣкъ, отъ письменной работы, скорѣе другова дѣла устанетъ. Когда я за книги примусъ; въ тѣ поры жену съ дѣтьми, и весь Римъ забуду. Спроси учоныхъ людей; они тебѣ скажутъ, сколько къ сему дѣлу времени надобно. Я тебѣ еще больше скажу. Противъ насъ на канапе, лѣжалъ Евтрапель; а у ногъ его, сидѣла Цитера. Ежели мнѣ скажешь; въ такую то бесѣду, постоянной нашъ Цицеронъ зашелъ! Какъ тамъ люди на почтенное лицо твое смотрѣли? Какія уши тѣхъ устъ слушали, передъ которыми, весь Римъ молчитъ? Истинно я не зналъ, что Цитера тамъ будетъ. Не стыдился же Сократовъ ученикъ Аристипъ въ тѣ поры, какъ его тѣмъ упрекали; что онъ съ Лайсою въ одной компаніи сидѣлъ; а Философъ имъ отвѣчалъ. Хотя Лайса подлѣ Аристипа и сидитъ; только она имъ не овладѣетъ. Самъ ты довольно знаешъ, что меня такіе лицы съ молоду не прельщали; а теперь уже на старости, конечно не поколеблютъ. Я въ компаніи, за тѣмъ охотно сижу; что все на умъ мнѣ приходящее, свободно тамъ говорю. Съ утра до полудни; пишу, да читаю. Въ полдни, придутъ ко мнѣ друзья. Съ ними я за обѣдъ сѣвши; еще меньше того говорю, нежели законы дружества дозволяютъ. Для того ты, моей компаніи не бойся. Я у тебя такой гость буду, которой мало ѣстъ; а много шутитъ. Желаю тебѣ здравствовать.

ствовать. Сей примѣръ, кажетъ разумъ такого язычника, которой въ компанiи будучи; себя и людей, не порочно увеселить старается. Острота разума, и скромность; могутъ человѣку при такихъ случаяхъ, вмѣсто свѣтильника служить. Но всякому изъ насъ, то должно помнить; что богъ человѣку два уха, а одинъ ротъ, и одинъ языкъ на то далъ: что бы мы больше слушали, а меньше говорили. Уши, сама природа за тѣмъ отворенными устроила; что бы человѣку, больше слушать: а отъ самой бы натуры затвореннаго рта; безъ причины, и безъ разсужденiя, намъ не отворять. Человѣкъ; симъ способомъ, много безпокойства убѣжать можетъ: ежели въ компанiи сидя, рѣчей и разсужденiя другихъ людей не опровергаетъ; а за свое мнѣнiе, упорно не стоитъ. Ежелибъ только по думать, какъ мало мы бѣдныя люди знаемъ; то бы человѣкъ, произходящiя въ компанiяхъ разговоры: больше къ собственному наставленiю, нежели къ строгому ученiю другихъ людей употреблялъ. Буде мы себя, въ такомъ состоянiи усмотримъ, что другимъ людямъ наставленiе дать можемъ; то надлежитъ сiе прiятнымъ разговоромъ, и дружелюбнымъ увѣщанiемъ; а не строгими заповѣдьми, или, высокогласными повелѣнiями дѣлать. На чужiя продерзости, должно намъ ушами отвѣчать; а уста бы твои, къ жестокому обличенiю, и къ ругательству ближняго, никогда не отворялисъ. Ежели противники твои, ядовитаго языка своего на оселкѣ злобы точить; и славу добраго человѣка, сею бритвою рѣзать не перестаютъ: то, отъ такихъ бесѣдъ бѣгай; и всею возможностью уклоняйся. Мнѣ случилосъ въ компанiи съ такою госпожею сидѣть; которая, на за шедшiе о безпокойствѣ разговоры, такъ отвѣчала. Къ убѣжанiю душевнаго безпокойства; лутче того способа нѣтъ, какъ молодому человѣку, по ранѣе жениться. Но тяжкими послѣ сего слова воздыханiи, и пролитыми слезами; къ наставленiю всѣмъ въ собранiи бывшимъ, дѣйствительно обьявила: что супружеское житьѣ, премногимъ сѣтямъ, искушенiямъ, бѣдамъ, печалямъ, и великимъ горестямъ подвержено.

29.

Послѣ честнаго обхожденiя въ компанiяхъ; есть позволенныя способы, ко увеселенiю человѣческому. Ежели игрѣ, не

Iгра, путешествiе, и музыка.

не для корыстнаго, и пагубнаго выигрышу быть; то биліардъ, къ движенію тѣла; шахматы, къ поощренію ума; а Ломберъ, къ забавѣ служить можетъ. Однимъ, нравится музыка; другимъ людямъ, путешествіе мило; а третіе, художествами забавляются. Я будучи въ Париже, ознакомился съ Парламентскимъ Совѣтникомъ; которой, золотыя да серебреныя вѣщи, лутче мастеровъ дѣлалъ: а въ алмазахъ, и въ до‚огомъ каменье, великую силу зналъ. Этотъ искусной человѣкъ, и многими добродѣтельми украшенной мужъ, часто меня посѣщая; на пагубное злонравіе одноземцовъ своихъ, весьма справедливо жаловался. Я; умныхъ ево жалобъ слушая, самъ въ себѣ подумалъ. Не только намъ однимъ иноземцамъ, да всей бы Европѣ, бога о томъ молить надлежало: что бы земляки твои Французы, въ наши краи никогда не ѣздили, и своемубъ злонравію, насъ не переучили: отъ котораго теперь всѣ Христіянские народы, не чуствительно заразилисъ. Остроумнѣйшей въ Монархахъ Саломонъ; во всякихъ случаяхъ молодости своей, всего на свѣте смотря, отвѣдывалъ. Но кромѣ мудрости, и трудолюбія; ни гдѣ, и ни въ чѣмъ, совершеннаго спокойства не нашолъ. Для того, за ранѣе къ нему возвратясъ; книгу Эклезіаста своего, увѣщаніемъ къ страху божію, и храненіемъ заповѣдей его, весьма разумно заключаетъ. Перьвыя его увеселеніи, были безгрѣшныя. Сей премудрый Царь, строилъ себѣ домы; заводилъ сады и винограды; разсматривалъ натуру травъ, и деревья. Привелъ въ порядокъ земледѣльство; учредилъ многія заводы; но между сими надмѣру великими трудами, и чрезвычайнымъ попеченіемъ о земныхъ; сердце ево отъ бога отвлеклосъ. Страсти возмутилисъ; великое, и вседневное увеселеніе, произвело роскошъ: которая, пѣвицами да комедіантами началасъ; а оконч‚ласъ грѣшнымъ и душепагубнымъ многоженствомъ. Изъ сего видно; съ какимъ размѣромъ, и коль съ велик‚ю осторожностью, человѣку; всякое земное веселіе, употреблять должно: дабы очое, сперьва излишнимъ, послѣ того, злымъ: а наконецъ, беззаконнымъ употребленіемъ своимъ; притчины къ новому безпокойству, въ насъ не произвело. Отъ сего то злова употребленія свѣтскихъ забавъ, въ смятеніе пришедшей Царь Саломонъ; не избѣжное отъ него безпокойство свое, въ Эклезіястовой книгѣ разсыпать старался. Но понеже ему возстановленіе прежняго спокойства,

такъ много печали и труда не причинило ; то , съ тѣми людьми что уже будетъ : которые ни въ тысяшную долю разума, противъ Саломоновой премудрости не имѣютъ? Хотя всѣ позволенныя забавы , особливую въ себѣ пріятность содержатъ ; только онѣ первой , и ближайшей путь къ злому употребленію : а за тѣмъ , и поводъ ко грѣху подаютъ . Этѣ забавы подобны фальшивому лѣкарству , отъ котораго больнымъ , нималой пользы не бываетъ ; и быть не можетъ. Ко очищенію , и къ спокойству души ; чашки кофе съ молокомъ , да бутылки шампанскаго съ веселою бесѣдою , отнюдь не довольно : но весьма иные обстоятельства къ тому надобны . И того еще заподлинно сказать не льзя , можноль человѣку до тѣхъ поръ совершеннаго спокойства достигнуть, пока твердаго о томъ намѣренія не возметъ ; чтобъ ему настоящимъ чиномъ, житьемъ , и состояніемъ своимъ; довольну быть. Все то настоящее , будущее , или прошедшее ; о чемъ человѣкъ печалится можетъ. Настоящее , скоро проходитъ ; и больше притчина къ желанію , нежели къ безпокойству , и печалямъ . Минувшаго , уже нѣтъ . Какъ же не безумно , о томъ человѣку печалиться ; чево ни гдѣ сыскать не льзя? будущее въ переди ; а придетъ , или нѣтъ : того никому знать не льзя . На чтожъ тебѣ о томъ крушиться , чего еще не бывало ? Да я боюсъ тово , что бы мнѣ безщастнымъ , больнымъ , или бѣднымъ нездѣлаться . Для чего тебѣ , не извѣстными дѣлами себя мучить? За чемъ не можешь щастливъ , богатъ , или здоровъ быть? По что твоему страху , выше надежды простираться? Чегобъ ради тебѣ , изъ двухъ бѣдъ ; мнѣйшаго зла невыбрать? Для какой бы притчины человѣку , изъ настоящаго состоянія своего, лутчаго житья не здѣлать? Ежели тебѣ прошедшее, способъ къ размышленію о душевномъ спокойствѣ подавало ; такъ о чемъ ты и жалуешся? Цицеронъ пишетъ. Мое утѣшеніе въ нынѣшнемъ не щастьѣ , то ; что я способъ и случай получилъ , къ размышленію о мудрости : дабы оную , сынамъ отечества моего объявить . А что человѣку лутче, и полезнѣе сего?

30.

На поминание минувшаго.

Эта обыкновенная не благодарность злова, лукаваго, и прелестнаго свѣта; чтобы минувшее, отъ людей учиненное намъ благодѣяніе забывать: да тѣмъ только мучиться, что оно перестало. Вся свѣтлость прежняго веселья ищезнетъ; какъ скоро рѣка жизни нашей въ мутную лужу скуки, и печалей впадетъ. Намъ должно было о томъ радоваться, что мы такъ много блага получили: а за прошлыя спокойные дни и лѣта наши, бога усердно благодарить. Симъ бы мы способомъ; и печальное время свое въ радостныя часы обратившы, за благодарность свою отъ милосердаго бога, новое благословеніе всеконечнобъ получили. Намъ къ сему дѣлу весьма нуженъ остропамятной, и благодарной Симонидъ: дабы насъ симъ двумъ добродѣтелямъ научилъ. Мы отъ природы своей такъ повреждены, что доброе оченъ скоро забываемъ; да вопреки тому, всякое зло весьма долго помнимъ: а намъ оное, скоро забывать надлежало. Когда уже язычникъ Епикуръ, къ поспѣшествованію душевнаго спокойства совѣтуетъ; минувшее зло какъ на и скорѣе забывать, а полученныя отъ людей благодѣяніи, какъ можно чаще помнить; то для чего Христіянамъ, въ этомъ важномъ дѣле безумнѣе Епикура быть? Подобныя ему язычники Темистоклъ, да Орестъ; прошлую печаль свою скоро забывали. Выгнанной изъ Рима славной Полководецъ Маріусъ, наготу и голодъ терпѣлъ. На побѣге отъ гонителей, по самую шею въ болотѣ стоя, прежнія свои благополучій напоминаетъ; а настоящую бѣдность его, пріятною памятью прошлыхъ побѣдъ, и тріумфовъ своихъ облегчаетъ. Когда Цицеронъ въ ссылкѣ своей увидѣлъ, что печаль да жалоба ничево ему не помогаетъ; то и онъ, власно тѣмъ же способомъ себя утѣшалъ. Какъ враги и гонители его утѣснили, то сей славнѣйшей мужъ удалясъ отъ нихъ тѣмъ напоминаніемъ веселился; что отечество свое, отъ крайней погибели спасъ: Римскому народу полезнѣе всѣхъ враговъ своихъ былъ; а настоящее не щастіе безвинно терпитъ.

31.

* Истинное спокойство, выше, и дороже всего свѣта.

* Прямое спокойство въ недостаткѣ, лутче безпокойства въ изобиліи, и въ великомъ богатствѣ. Македонской Царь

Александръ по прозванію великой, почти уже цѣлаго свѣта обладателемъ учинившись, на то время плакалъ; какъ ему сказали что есть иной свѣтъ, и жизнь безконечная. Кратесъ, великою бѣдностью своею доволенъ. Напротивъ того Александру, всего свѣта мало казалось. А Философъ Анаксархъ, въ крайнемъ не имуществѣ живучи; всегда веселъ былъ. Тихой нравъ, и спокойное сердце безстрастей; божіимъ жилищемъ, и Престоломъ истинной мудрости назвать должно. Ежели человѣкъ прихотьми надутъ, то, ни вся вселенная сокровищи своими: несытой души сего прихотливца наполнить не возможетъ. Тогда человѣкъ, уподобляется скупому купцу; которой малою прибылью не довольствуючись, но отчасу большихъ корыстей жаждучи, до тѣхъ поръ въ задъ и въ передъ по морю бѣгаетъ; пока оно корабль съ купцомъ, и со всѣми его товарами поглотитъ. Такими то способы, всякое несытство кончится. Кто чиномъ, житьемъ, и состояніемъ своимъ доволенъ; тотъ вожделѣніямъ своимъ такую границу полагаетъ, за которую бы они переходить не дерзали. При такомъ состояніи находящейся человѣкъ, всѣмъ въ руки къ нему приходящимъ такъ доволенъ; что излишняго отнюдь не требуетъ, и онымъ добровольно поступается. А о своемъ вредѣ и убыткѣ, выше мѣры не печалится. Притомъ помнитъ; что все около, и внѣ его сущее, того не чувствуетъ: когда человѣкъ о чемъ печаленъ, или сердится. Собственной пользы, за тѣмъ себя не лишаетъ; что другіе люди долю ихъ, къ своему удовольствію употребляютъ. Это уже извѣстное дѣло; что внѣшнія или наружныя вѣщи, не въ нашей силѣ. Ежелибъ онѣ въ человѣческой власти были; то бы мы ихъ, и потерять не могли. На чтожъ печалится о томъ; когда стекло, или порцелинъ разобьется? Кто о настоящемъ тѣлесномъ вредѣ много печалится; тотъ [какъ видно] душевныхъ благихъ, въ велико не ставитъ: которыя всегда съ нами, и въ нашей власти Стужу, и жаръ, безъ дальняго труда сноситъ; а доброе, и мужественное сердце его; отъ не щастія и бѣдъ, не скоро испужается. Великодушной человѣкъ, такъ думаетъ. Каковобъ велико не щастье мое ни здѣлалось, однако ему конецъ будетъ. Сіе мудрое разсмотрѣніе настоящаго блага, великая помощь къ спокойству душевному; ежели къ случаямъ того не прибавлять, чего они въ самихъ себѣ не имѣютъ. А будущаго, на

 соб-

собственное себѣ мученіе; изъ далека, отнюдь къ себѣ не приводить. Человѣку надобно больше о томъ радоваться, что у нево есть; а не о томъ печалится, чево нѣтъ. Нѣкто спросилъ нищаго; здороволь ты живешь? Нищей ему отвѣчалъ. Слава богу, я совсѣмъ здоровъ! Знаю, что дѣлаю! Одежду и обувь имѣю! А хлѣба, столько набралъ; что не только мнѣ сей день, да еще и завтра не съѣсть.Ктожъ изъ насъ такъ доволенъ, какъ этотъ нищей? Многіе люди, подобны такимъ мешкамъ; которые изъ рѣдкой, и толстой холстины сшиты. Они; мѣльчайшую муку, пылью изъ себя выпускаютъ: а отруби, въ себѣ удерживаютъ. Для чево мы лутче того не удерживаемъ, что насъ веселить можетъ; а тово отъ себя не отрѣшаемъ, что насъ мучитъ? Настоящее малое въ рукахъ, гораздо лутче тово будущаго болшова, что за оболоками. Нѣкто другу своему сказалъ. Ты нашолъ то, что не у многихъ есть; а потерялъ такую вѣщь, которой всѣ мы лишиться принуждены. О чемъ же и тужишъ? Римской судья Папирій Петусъ, печалившись о не извѣстныхъ ему дѣлахъ; отправленнымъ къ Цицерону письмомъ спрашиваетъ о томъ, что въ передъ будетъ? Цицеронъ ему, обратнымъ письмомъ отвѣчалъ. Ты у меня тово спрашиваешъ, о чемъ всѣ безумцы мечтою себя мучатъ. Желаешь дорогой мой Петусъ, то вѣдать; чево и самъ начальникъ нашъ Помпей не знаетъ. Мы не ему служимъ; да времени ево повинуемся. Онъ тово не знаетъ, что время принесетъ, а мы того не вѣдаемъ что Помпей думаетъ. Ты лутче желай, въ мысляхъ своихъ горшее себѣ представлять; а все на тебя приходящее, терпеливно сноси. Не многіе о томъ разсуждаютъ; сколь богаты, и какъ благополучны они въ настоящемъ времени. Для сей причины; этѣ суетныя люди безразсуднымъ желаніемъ своимъ, сейчасу въ горшее безпокойство углубляются. Каменьщиковъ и другихъ мастеровыхъ людей, съ тижелой работы перевели на легкую. Какъ они у сего новаго дѣла малое время по бывши стали о томъ жаловаться, будто теперешняя работа не сносна: то одинъ изъ нихъ по умнѣе, товарищамъ своимъ сказалъ. По думайте братцы! Сколь тижела намъ прежняя наша работа была? А буде насъ завтра на такую работу погонятъ, которая въ трое тижелѣ старой будетъ; то вы о теперешномъ легкомъ дѣле, гораздо по тужите.

Такое

Такое же власно, и съ любопытнымъ человѣкомъ обстоятельство. Ему надлежало Господа бога о томъ хвалить, что у нево насущной хлѣбъ есть; а онъ жалуется, будто у нево перекусить нѣчего. Сей роптатель, не долженъ былъ того забывать; что настоящей трудъ и крестъ, очень ему сносенъ: а несравненно тяжелѣ онаго, отъ бога на нево посланъ; и за роптаніе наложенъ быть можетъ. Для чево ему, недовольствоваться малымъ трудомъ? По что самому себѣ, большей нужды и бѣды искать? Что мнѣ будетъ въ тѣ поры дѣлать, какъ у меня силы не станетъ работать; и ничево себѣ нажить не въ состояніи буду? И въ тѣ поры, по старому веселъ будь! Что ты себѣ печалью, да туженьемъ поможешь? Ничево! Дикіе Американцы съ работы сошедъ и наѣвшись, такъ крѣпко спали; что приставникъ, на силу ихъ разбудивши спросилъ. Отъ чево это вы такъ крѣпко, какъ мертвые спите? Дикари ему отвѣчали. Отъ тово; что мы сей день до поту работавъ, и досыта наѣвшись, веселы были: а завтрешной день, богу; да господину своему вручаемъ. Кто сего дня живъ, тотъ и сытъ; а кто до утра доживетъ тотъ также обѣдать, да ужинать станетъ. Многія перемѣны дѣлъ человѣческихъ, не обходимо того требуютъ; чтобъ и на нихъ, также власно какъ на теперешную, или настоящую погоду смотря поступать: а времени, всегда повиноваться. Философъ Платонъ, о семъ дѣле такое разумное слово сказалъ. Жизнь наша, подобна игранію въ кости. Не въ нашей это власти, столько όковъ кинуть сколько мы желаемъ: да то, можетъ разумъ человѣческой здѣлать, что бы по случаю упадающія оки насъ не озлобили. Человѣку должно тѣмъ пользоваться, что на костяхъ ляжетъ; и потому тавлейныя кружки́, какъ можно лутче ставить. Ежели мы сію науку переймемъ, то, съ тѣмъ человѣкомъ согласиться можемъ: которой намѣренъ былъ бѣшеную сабаку застрѣлить, но вмѣсто еѣ мачиху свою убивши, сказалъ. Порохъ, и зарядъ мой; не пропалъ. Я въ томъ ни мало негрѣшу, что жизнь нашу игрѣ уподобляю, на славу тѣмъ людямъ; которые и въ не щастье своемъ, также власно какъ въ щастье смѣются. Только сіе важное дѣло до тѣхъ поръ не исполнится, пока мы розинувши ротъ на другихъ людей зѣвать станемъ: а на себя никогда не оглянемся, и состоянія своего здравымъ умомъ не разсудимъ. Нарушателямъ супружеской вѣрности,

сти, весьма особливое это наказаніе; что они законныхъ краснаго лица, и добродѣтельныхъ женъ своихъ возненавидя, на мерзскихъ сквернавицъ мечутся. Это достойное и праведное имъ не щастіе, отъ того на нихъ приходитъ; что страстью ослѣпшей человѣкъ, собственнаго благополучія не видитъ и не признаваетъ. Не подлиннаяль это притчина къ нашему безпокойству; что мы своимъ убожествомъ, противъ богатства другихъ людей равняться желаемъ: а своихъ ногъ, по собственной одеждѣ, протягать не х чемъ? Для сей притчины, заводной мужикъ, мѣщаниномъ быть желаетъ. богатой посадской, шляхетства ищетъ; а убогой дворянинъ въ Герцоги, или на послѣднюю мѣру въ Графы добивается. Всѣ этѣ безумцы, подобны Езопову ослу; котораго скотская прихоть къ тому возбудила, чтобъ на льду потанцовать: только отъ сего, не ево глупой природѣ приличнаго менуета; обѣ ноги себѣ переломилъ. Послушаемъ лутче Плютархова совѣта Онъ сіе безумство, такимъ мудрымъ разсужденіемъ отвращаетъ. Тебѣ, надобно великодушну быть. Людямъ не много дивисъ, да больше самъ себя въ примѣръ имъ представляй. Ежели тебѣ нельзя Бріарѣемъ, или Геркулесомъ быть; такъ на послѣднюю мѣру, можешь спокойную душу имѣть. Не удивляйся смотря на такова господина, котораго гайдуки въ Портшезѣ [носильная корѣтка] руками своими тащатъ. буде твое мечтаніе; сего въ корѣтке высящагося горделивца, такимъ же щасливымъ какъ Ксеркса на зовепъ: такъ вспомни многіе тысячи тѣхъ бѣдныхъ людей Персидскаго народа, которые по приказу сего гордова Царя ихъ, палочные удары терпя: высокую гору Атосъ, ужаснымъ трудомъ долой срывали. Не забудь еще множайшихъ тысячь тѣхъ же Персіянъ, коимъ тотъ же звѣронравной Царь: носы, и уши, за то обрѣзать велѣлъ; будто ихъ не бреженіемъ, на Еллеспонтъ [морской проливъ въ Греческой землѣ] здѣланной мостъ, жестокою бурею снесло. Съ сими то бѣдными людьми самъ себя сравнявши, подумай. Не въ тысяшную ли мѣру, ты щасливѣе ихъ? То что же самъ себѣ; такъ бещаснымъ, и столь бѣднымъ человѣкомъ въ глазахъ своихъ кажешся? Хочешъ ли знать тайну? Пожалуй скажи! Отнюдь ты себя, чужимъ аршиномъ не мѣряй; а съ вышшими тебя, никогда не равняйся. Езопова лягушка конечно бы не лопнула; ежелибъ немнимою своею величиною, съ быкомъ равняться вздумала.

32.

Ежели праведное сравненіе собственнаго блага, и зла, учинить пожелаешь; то прежде всего рачительно наблюдай, что бы вѣсы разсужденія твоего вѣрны, и во всемъ исправны были. Поднявши ихъ правою рукою къ верьху, на лѣвую чашку терпѣніе свое положи, а на правую чашу вѣсовъ радость свою поставь. По прилѣжномъ смотрѣніи увидишъ, какъ одна сторона противъ другой на вѣсу стоитъ? На правой сторонѣ лѣжащая польза твоя, такъ велика и важна; что на лѣвой чашкѣ стоящей убытокъ, нимало ея къ землѣ нетянетъ. Не всегда, на сухое деревье въ саду твоемъ смотри; да временемъ на зеленыя, и цвѣтущіе яблони взгляни. Ктобъ и во всей жизни своеи, одно только горькое выбирать похотѣлъ? Ктобъ одними только печальми себя мучить, и такому человѣку уподобиться вздумалъ; которой сладкое вино людямъ продавалъ, а самъ уксусъ пилъ? Я, тѣмъ дѣтямъ подобенъ быть отнюдь не хочу; которые до тѣхъ поръ чешутся, пока тѣло свое до крови раздерутъ. Ни съ такими прошаками равняться не думаю; которые себѣ и дѣтямъ своимъ, руки да ноги для того ломаютъ, что бы у народа больше милостины выманить. Цицеронъ въ ссылкѣ своей живучи тѣмъ веселился, что добрую совѣсть свою; съ дѣлами славнаго Помпея, да соперника его Іюлія Цезаря равняя, въ книгѣ житья своего такъ о семъ пишетъ. Я уже то забываю, что потерялъ; да о томъ только помнить стану, сколько добра самъ здѣлалъ, или поспѣшествовалъ. Я себя, и въ нещастье своемъ съ тѣми равняю; кои меня въ нынѣшнюю бѣдность привели. Оба они; обидчиками, и утѣснителями отечества здѣлались. По сравненій моихъ добрыхъ поступокъ, съ дѣлами сихъ завоевателей; я, нынѣшняго не щастья своего: на всю ихъ славу, на богатство, и на великолѣпіе не промѣняю. Какъ тотъ, такъ и другой, тѣмъ меня бещаснѣе; что страсти ихъ одолѣли. У обѣихъ; ни суда съ росправою, ни милости съ человѣколюбіемъ нѣтъ. И Помпей, и соперникъ его Цезарь; славу съ высокимъ достоинствомъ своимъ, выше благополучія отечества почитаютъ. Меня; добрая совѣсть тою пріятною памятью веселитъ, что я любезной отчизнѣ моей, всею возможностью усердно служивши; истинное, и вѣрно сынов-

Прямое сравненіе добра, и зла своего

сыновское объ ней попеченіе имѣлъ. Кто такое сокровище чести, и добрыхъ дѣлъ; въ душе, и въ совѣсти своей имѣетъ: тому разсмотря и вспомнивши ихъ, сердечно веселится надлежитъ. Спокойство добросовѣстнаго несравненною мѣрою лутче безпокойства злова человѣка. При такомъ состояніи, и самая печаль должна къ тому способствовать: что бы горесть не щастія, въ сладость утѣшенія обратить. Нѣтъ такой злои вѣщи на свѣте, которая бы къ чему нибудь доброму негодилась. Я въ нынѣшнемъ не щастье моемъ тѣмъ веселюсь, что въ теперешней ссылкѣ своей время получилъ, книги о должности человѣческой: къ пользѣ милаго отечества моего написать. А что человѣку лутче, и полезнѣе мудрости? Ни одново такъ худова чина, житья, и состоянія человѣческаго нѣтъ; въ которомъ бы какой нибудь пользы не нашлось. Взявши ево съ доброй стороны, самъ себѣ говорю. Хотя я изъ отечества моего и выгнанъ, однако здоровье, и разумъ удержалъ. Все мое пропало, только великодушіе со мною. О томъ бога славлю; что умъ, память, волю и доброе разсужденіе имѣю. Ни чьему безумію помогать, и никому рабомъ быть не обязанъ. Живу, ѣмъ, сплю, встаю, ложусь, и гуляю по своей волѣ; чево мнѣ больше? Хотя мечта да ложное мнѣніе, безщастнымъ меня и называетъ; только разумъ, весьма иное мнѣ говоритъ. Злыя люди сильно меня не навидятъ! Щасливъ ты, что они тебѣ горшихъ бѣдъ не дѣлаютъ. безсовѣстные меня гонятъ! А каковобъ тебѣ въ тѣ поры было, когдабъ они тебя ограбили? Фролъ меня злословіемъ язвитъ, а Лаверъ облыгаетъ! благодари бога о томъ, что они тебя до смерьти не убили. Самъ не знаю, за что Сидоръ на меня восталъ? Знать, онъ тебя богатствомъ да чинами сильнѣе: а ты ево, умомъ превосходишь. Не вѣдаю для чего Карпъ меня ругаетъ, и вездѣ поноситъ? Для того что онъ золъ, а ты, добрымъ быть стараешся. Кому же изъ васъ, лутчая часть по раздѣлу достанется; ему, или тебѣ? Всеконечно твоему жеребью, лутчему быть должно. О томъ ли мнѣ печалиться, что у дѣда моего отнято; а у отца згорѣло, и въ бѣдахъ пропало? у меня еще больше, и лутче ихъ тово осталось; о чемъ я радоватся могу. Такъ отвѣчалъ Философъ Аристипъ тому другу, которой въ печали, и въ убыткахъ его утѣшалъ.

Ежели у меня чести, богатства, высокихъ достоинствъ, сильнаго отца, знатнаго сродника, и многомощнаго благодѣтеля нѣтъ: такъ богъ мнѣ отецъ, помощникъ, и сильнѣйшей всѣхъ покровитель. Денегъ ли у меня не стало? Такъ спокойная душа, и веселое сердце есть. Хотя я не богатъ; однако здоровъ, и малымъ доволенъ. Когда у меня того нѣтъ, что другїе имѣютъ; такъ много такихъ хорошихъ вѣщей у себя нахожу, чего у нихъ нѣтъ. Лутчежъ мнѣ, излишествомъ собственнаго спокойства довольствоваться; нежели безпокойства въ чужомъ изобилїи, да въ ложномъ щастье другихъ людей искать.

· 33 ·

Сравненїе собственнаго не щастїя, съ чужимъ зло получїемъ.

Кто находящееся въ рукахъ своихъ доброе, чрезъ объявленной способъ съ тѣмъ сравняетъ, чего у нево нѣтъ: тот человѣкъ, несправедливость печали своей, не только скоро увидитъ; да еще великой способъ ко удовольствїю своему получитъ, когда въ этомъ сравненїи далѣе поступивши, не токмо свою радость, и печаль разсудитъ; да мнимое свое не щастье, съ подлиннымъ злополучїемъ другихъ людей безпристрастно разсмотритъ, и здравымъ умомъ сравняетъ. Ежелибъ мы во всемъ праведно поступали, тобъ скоро могли увидѣть, какъ сильно въ томъ обманываемся: что себя бещастнѣе другихъ людей, весьма напрасно признаваемъ. Я такого человѣка знавалъ; которой отъ малаго недостатка будучи утѣсняемъ, нарочно за тѣмъ въ гошпитали да въ богадельни ходилъ, что бы на такихъ людей посмотря, печаль свою забыть; которые въ тысячу мѣръ, бѣднее ево. Другой не богатой дворянинъ; въ печалѣ о недостаткахъ своихъ, часто къ окну своему подходя, на улицу смотрѣлъ. Увидя знатнаго купца, самъ себя спросилъ. Промѣняешьли ты свою жизнь, на ево житье? За тѣмъ не промѣняю; что онъ завтра банкрутомъ зделавшись, въ тюрьму посаженъ быть можетъ. По томъ увидя штатскаго, въ мысляхъ себѣ сказалъ: я самъ таковъже. На бѣднаго смотря по думалъ; благодарю бога о томъ, что я богатѣе сего мизерака. Какъ противъ окна ево поровняласъ шумящая гурьба холопей, матрозовъ, и салдатъ; то дворянинъ, съ жалостью, и со омѣрзенїемъ на сїю подлость смотря, подумалъ. Слава Господу богу; что я не отъ этой худой

 крови

крови родился. За тѣмъ; проѣхали мимо двора ево двѣ карѣты. Одна цугомъ; а другая четверьнею. Шляхтичь, на нихъ смотря помыслилъ. Ежелибъ я подлинно вѣдалъ, что въ этѣхъ великолѣпныхъ рыдванахъ: не правда и грабительство, со множествомъ смрадныхъ пороковъ не сидитъ; тобъ а восьлибо и я, этой свѣтской суеты да житейской гордости, себѣ пожелалъ. А что мнѣ въ ней? Напрасно, мечта меня прельщаетъ. Вся эта раззорительная спѣсь, и гордая прихоть; Христіянину не надобна. Не глупой дворянской сынъ, нѣсколько дней къ окну своему подходя; до тѣхъ поръ на улицу смотрѣлъ, пока на учился спокойнѣйшимъ быть. Ежели такая перемѣна вѣщей свѣтскихъ, мудрымъ разсмотрѣніемъ оныхъ, подлинное намъ спокойство принесть можетъ: то она такой медъ во устахъ своихъ носитъ, которой намъ при всякомъ познаніи правды нуженъ, и весьма полезенъ. Кому сія истинна нѣкоторую болѣзнь причиняетъ, у того человѣка сердце и душа, къ суетѣ да къ прелести мира сего, выше мѣры крѣпко прилѣпилось. А разлученіе съ сею душе нашей пагубною суетою, и удаленіе отъ страшной въ свѣте прелести, великое и весьма нужное благо человѣку. Каковъ бы кто изъ насъ убогъ ни былъ, однако много такихъ людей найдетъ; которыя горазло бѣднѣе ево. Мы о чужомъ не щастье такъ мало знаемъ, что бы намъ и подумать было стыдно, будто наше бещастье не сносно. Какъ много ты такихъ людей знаешь, изъ которыхъ всякъ свой крестъ, тоесть собственную бѣду и печаль несетъ? Сколь мало тебѣ горести и бѣды тѣхъ людей извѣстны, которыхъ ты больше другихъ знаешь? Многихъ лицо, передъ людьми кажется весело и пріятно: а сердце ихъ отъ страха, отъ муки, отъ бѣдъ, и отъ печалей стонетъ. Уста ихъ смѣются, а сердце плачетъ. Ты завидуешь такому человѣку, о которомъ бы конечно пожалѣлъ; ежелибъ внутреннюю горесть и печаль его вѣдалъ. Почтожъ тебѣ о своей бѣдности прежде того жаловаться, пока того не узнаешъ, подлинноль ты бѣднее другихъ людей: и можешьли себя по справедливости бѣднымъ назвать? Философъ, и Афинской законодатель Солонъ; возведши печальнаго друга своего на такую высокую гору, откуда бы онъ весь городъ Афины видѣть могъ: и указавши ему на премногія сего мѣста домы, такъ сказалъ.

Поду-

Подумавъ, и разсудивши въ себѣ то; какъ много превеликихъ бѣдъ и печалей, подъ кровлями сихъ дворовъ живетъ: пожалуй перестань печалиться о такихъ случаяхъ, которые съ родомъ человѣческимъ такъ же не раздѣльны, какъ душа съ тѣломъ не разлучна. Чудное, и почти невѣроятное дѣло; что неразсудительное и безпамятное самолюбіе: всякія печали и горести, несравненно большими того кажетъ; каковы онѣ въ самомъ дѣле. И надомною власно тожъ, что надъ сосѣдомъ моимъ дѣлается; амнѣ свое малое нещастье, въ миліонную мѣру больше чужой великой бѣды, ложно кажется. Ежели у сосѣда жена умретъ, то объ ней и вздохнуть не думаю; а какъ моеи жены не станетъ, въ тѣ поры не лѣпымъ голосомъ завывши, весьма иное за говорю. Развѣ жена твоя безсмертна была? Ни какъ. Или она тебѣ прекраснѣе, и добродѣтельнѣе всѣхъ женъ на цѣломъ свѣте показалась? Нѣтъ. За чемъ же ты свое не щастье, такъ великимъ ставишъ? Я тебѣ скажу! За тѣмъ; что на свою печаль, въ двойную зрительную трубу смотришъ. А яснѣе сказать; самъ ты себя безмѣрному самолюбію, и ложному мнѣнію на муку, и на жестокое терзаніе отдаешъ.

34.

Когда мы свое состояніе, съ поведеніемъ благополучнѣйшихъ насъ людей сравняемъ, то безпристрастно увидѣть можемъ: кто изъ насъ щасливѣе кого. Здѣсь; подается человѣку новая притчина къ радости, близкимъ разсмотрѣніемъ добродѣтели тѣхъ людей кои померли: или еще съ нами на свѣте живутъ. Красота добродѣтели, увеселяетъ такихъ людей, кои сами честны будучи: на чужую добродѣтель безъ самолюбія, и безъ зависти смотрятъ. Въ этомъ случаѣ; должны мы послѣдовать мудрому увѣщанію Римскаго Императора Марка Аврелія, состоящему въ сихъ словахъ. Хочешъ ли по веселиться? По смотри на добродѣтель тѣхъ людей, кои въ твоемъ времени живутъ. Погляди; какъ одинъ честенъ, другой прилѣженъ, третей справедливъ, четвертой щедръ, пятой великодушенъ, шестой скроменъ, а седьмой терпеливъ; и такъ далѣе. Ни что человѣку столь непріятно; какъ образъ истинной добродѣтели, сіяющей изъ дѣлъ знаемыхъ намъ особъ. По истиннѣ! Великій

Сравненіе своихъ худыхъ поступокъ, съ добродѣтелью чужою.

Монархъ! Долженствовало того желать; дабы въ насъ Христіянѣхъ, много подобныхъ тебѣ: и одного съ тобою праведнаго мнѣнія людей было. Какая бы отъ того роду человѣческому польза произошла, ежелибъ злыя люди добродѣтели не завидовали: и оную, безвинно не гнали. Да сами бы; достохвальными образы и примѣрами добродѣтельныхъ людей, коисполненію благихъ дѣлъ непрестанно побуждаясь; безсмертную добродѣтель искренно любили, и усерднобъ ея держались.

35.

Только своего злополучія, съ чужимъ щастіемъ, отнюдь не равняй.

Весьма не многія люди съ такою искренностью о себѣ думаютъ; дабы на себя посмотрѣть, чего у самихъ внутри не достаетъ? Почти всѣ мы таковы; что свои обстоятельства, съ чужимъ житьемъ и состояніемъ, весьма охотно равняемъ: а добродѣтелью счесться, и не думаемъ. Многіе изъ насъ, за весьма странное дѣло это почтутъ; что бы имъ добродѣтельми, и совершенствомъ другихъ людей веселиться. Теперь уже человѣколюбіе, на многихъ мѣстахъ такъ погасло; что мы себя не только лутче обмануть, а не исправить хотимъ: да еще скорѣе желаемъ наше злое, съ сосѣднимъ добромъ; нежели свое доброе, со зломъ ближняго сравнять. Для того мы, всѣ ево наружнія пользы собирая; противъ недостатковъ нашихъ, съ такимъ прилѣжаніемъ, равняемъ: что весьма часто уподобляемся глупымъ дѣтямъ; которые золото да серебро изъ рукъ бросивши, красками росписаннаго конька, или другихъ игрушекъ, съ великимъ крикомъ просятъ. Когда до разсмотрѣнія чужихъ нравовъ дойдетъ, то мы весьма развращенно поступая; худое ближняго, тоесть пороки ево; съ нашею добродѣтелью, неправедно равняемъ. Тогда; и малыя не исправности ближняго, таковыжъ велики въ глазахъ нашихъ покажутся: каково собственное не щастье наше. А временемъ, такъ не праведно разсуждаемъ; будто ближней нашъ того достоинъ, чтобъ и ему такое же не щастье случилось, какое на насъ пришло. Ежели чужое не щастье обстоятельно разсмотришь, то, по благодаря бога скажешь. Слава тебѣ Господи, что я не въ ихъ мѣсте! Потщимся же слѣдовать мудрому совѣту стараго комедіянта,

дипта, которой у Афенея въ книгѣ такъ говоритъ. Ежели ты бѣденъ, то подумай: что Телефъ въ десятеро бѣдняе тебя. боленъ ли ты? Алькмеонъ; пятнатцать лѣтъ съ постели тяжкихъ болѣзней своихъ не вставалъ. Глазаль у тебя болятъ? Финеѣсъ, всю жизнь свою въ слѣпотѣ проводилъ. Сынъ ли у тебя умеръ, или дочери не стало? У старой вдовы Ніовы, три сына въ одинъ день померли. буде ты хромъ? Посмотри на безногова Филоктета. Ежели ты старъ; взгляни, на столѣтнаго Енеа. Увидишъ; какъ печаль твоя тѣмъ умалится, что ты въ свѣте многo такихъ людей нашелъ; которые въ сотеро хуже, и бѣднѣе тебя.

36.

Мы, отъ природы безмѣрно самолюбивымъ глазомъ на себя смотря; больше то щитаемъ, чего у насъ нѣтъ: нежели то помнимъ, чево мы достойны? Мы же; отъ разсмотрѣнія бѣдъ и напастей добродѣтельныхъ людей, за тѣмъ пользы себѣ не видимъ: что завистью, и самолюбіемъ ослѣпленныя глаза свои, на ложное щастіе злыхъ людей обращаемъ. Притомъ, не опомнимся; каковъ бы бѣденъ конецъ тово мнимаго щастья былъ, котораго мы съ такою нетерпеливостью, и толь великимъ ревніемъ желаемъ? Ежелибъ щастье злыхъ людей, намъ досталось; тобъ мы долженствовали, и пороки ихъ на себя перенять; а этѣ грѣхи, главныя притчины мнимому благополучію ихъ. Хотябъ намъ самолюбіе, [при такихъ не разумныхъ желаніяхъ] и внушало; будто мы сего благополучія, достойнѣе другихъ людей: а о себѣбы думали, какіябъ мы преизрядные господа въ то время были; ежелибъ это мнимое щастье, въ наши руки дѣйствительно пришло? Дамыже бы; въ этомъ благоденствіи гораздо лутче другихъ поступить, и умнѣе многихъ содержать себя надѣялисъ: однако собственной человѣка самого себя обманъ, такъ далеко идетъ; что и тѣ люди, которые худыми поступками сами себя въ не щастіе привели, весьма напрасно думаютъ; будто они впредь, несравненно лутче прежняго поступятъ: ежелибъ только старое ихъ щастье, опять къ нимъ возвратилосъ. Намѣреніе ихъ таковожъ неправедно, какъ желаніе такихъ людей со всѣмъ ложно; которые въ жестокой болѣзни обѣщаютъ

уравненіе того, что имѣемъ, съ тѣмъ, что мы заслужили.

 испра-

исправиться, ежели только выздоровѣютъ. Но кой часъ болѣзнь минется; то, хуже прежняго жить начнутъ. нѣкоторые самолюбы, безмѣрнымъ желаніемъ маловременнаго щастія такъ ослѣпляются, что отъ того и погибаютъ. Я сіе для того пишу, дабы они безумство съ заблужденіемъ своимъ узнавъ, а потомъ бы ободрясь, такимъ умнымъ людямъ послѣдовали: которые не на одинъ только ложной видъ, но въ самомъ дѣле щасливы. Это мудрое стараніе, двойную пользу производитъ. Во перьвыхъ, исправленіе; а потомъ спокойство душъ ихъ. Сіе, толь надежнѣе учинится можетъ, когда ни богъ, ни природа: способовъ къ истинному благополучію, ни одному человѣку не отрекаетъ. Только сихъ способовъ; не въ скоро преходящихъ роскошахъ, не во тщетной славѣ, не въ суетной чести, ниже въ тлѣнномъ богатствѣ; но гораздо въ лутчихъ, и въ важнѣйшихъ вѣщахъ искать должно. Какъ долго мы храмину благополучія своего, на такомъ сыпучемъ пескѣ строить не перестанемъ; до тѣхъ поръ, новыя случаи къ беспокойству получать будемъ. А пока не научимся, вѣчности выше временнаго почитать: до тѣхъ поръ жалобамъ нашимъ конца не будетъ.

37.

Умеренность въ настоящемъ.

Усердное исполненіе добродѣтелей, подлинно къ совершенному спокойству насъ приведетъ; ежели добродѣтели сердцемъ нашимъ овладѣютъ. Чему внутренее утѣшеніе раждать, тому должно глубже наружняго вида проходить. Правда, воздержаніе, и великодушность; суть три питательницы спокойства душевнаго. Искренно того желать надлежитъ; дабы всякъ изъ насъ эти добродѣтели внутрь себя чувствовать, а не по одному описанію знать могъ. Онѣ, душе человѣческой такую силу и сладость подаютъ: которою, душа; въ щастьѣ, равно себя учитъ. Щастіе; на и большія поврежденіи съ пагубными вожделѣніями: а не щастье, сильнѣйшія искушеніи въ себѣ имѣетъ. Для сихъ важныхъ причинъ, во перьвыхъ чрезвычайная мудрость; а потом, правда съ великостью и съ воздержаніемъ, тому человѣку надобна: кто въ благодечствіи своемъ, такой равной вѣсъ удержать желаетъ; что бы человѣкъ при щастьѣ, не высоко въ верьхъ подымался; а при не щастьѣ своемъ, не глубоко въ низъ опускался. Человѣкъ,

вѣкъ, съ природы своей таковъ тяжелъ; что гораздо способнѣе къ паденію, нежели къ возвышенію. Для того нѣкоторые люди; не успѣвши подняться, и опять упадаютъ. Острая память, съ мудрымъ разсужденіемъ во всякихъ дѣлахъ и случаяхъ, производитъ въ насъ великодушіе: а сія великодушность, во всемъ равной вѣсъ производитъ чрезъ воздержаніе. Для сей притчины, всякому человѣку то состояніе опаснѣйшимъ почитать надлежитъ; въ которомъ онъ ни о чемъ не думаетъ. Не щастье, чувства человѣческіе въ одно мѣсто згоняетъ; а щастіе, жизненныя духи часто разсыпаетъ. Отъ сего въ человѣке такая легкомышленность родится; что онъ случая, мѣста, дѣла, и времени не знаетъ: гдѣ, когда, и чего ему больше беречся. Въ щастьѣ, безъ ума и безъ памяти радоваться; а въ не щастіи, безмѣры и безъ разсужденія, печалиться на надобно. Сіе то драгое и благополучнѣйшее состояніе; человѣка во всегдашнемъ равновѣсіи, и въ спокойствѣ содержитъ.Ктожъ будетъ воздержно радоваться, и умѣренно тужить? 1. Тотъ, кто умѣренно себя любитъ. 2. А другой, тотъ человѣкъ: кто хуждшую часть самого себя, [тѣло] съ дѣлами ея; меньше, и ниже лутчей части [души] почитаетъ. Кто на высокую башню взойдетъ; у того человѣка росту, за тѣмъ ни на волосъ не прибудетъ: что онъ выше тѣхъ людей стоитъ, которые по землѣ ходятъ. Отъ сей высоты; никакой прибыли ему не будетъ, кромѣ такова закрученія въ головѣ: отъ котораго человѣкъ скоро упасть можетъ. Сей обморокъ въ тѣ поры больше приходитъ, когда человѣкъ отъ безмѣрнаго самолюбія смертельно угоритъ. На сію жестокую болѣзнь; совѣтъ мудраго Сирахова, лутчее лѣкарство и скорѣйшее исцѣленіе. Чемъ выше, и честнѣе ты другихъ людей на свѣте будешъ; то больше смиряйся.

38.

Намъ во всякомъ чинѣ, въ житьѣ, и въ состояніи своемъ, то помня всегда разсуждать надлежитъ: что, и какая вѣщь у насъ въ рукахъ; дабы потомъ объ ней напрасно не тужить. Какъ истинное спокойство, чрезъ то поспѣшествуется; когда человѣкъ на стоящемъ житьемъ, и состояніемъ своимъ доволенъ: такъ сіе къ облегченію всѣхъ печалей не мало служитъ; когда человѣкъ печаль свою, мыс- *Приготовленіе къ будущему.*

леными очами разума, власно какъ съ высокой башни изъ далека усмотря; къ принятію оныя, мужественнымъ сердцемъ, и добрымъ духомъ готовится. Кто симъ способомъ съ печалью своею въ дали познается, того она въ близи, не больно язвитъ, а которой человѣкъ печаль свою до приходу видитъ; тому она по приходѣ своемъ, не много вреда дѣлаетъ. Только я сіе не въ такомъ мнѣніи говорю, дабы человѣку обовсякой мнимой бѣде, безпрестанною памятью себя мучить. Въ такомъ случаѣ; не льзя ему на единое мгновеніе ока веселу, и спокойну быть. Человѣку то полезнѣе всего, что бы бѣдъ и печалей своимъ не вѣдать. Чево я не знаю; то меня и не мучитъ. Ежелибъ человѣкъ, бѣды и напасти свои напередъ вѣдалъ; тобъ ему только и дѣла было, что непрестанно бояться, и трепетать. Всевѣдущая десница премудрости божія; смертельной ядъ нечаянныхъ бѣдъ и горестей, за тѣмъ отъ глазъ человѣческихъ скрыла: дабы намъ отъ всегдашняго страха и трепета, безвременно не умереть. О будущихъ случаяхъ, надобно такимъ безпристрастіемъ разсуждать; чтобъ они насъ по приходѣ своемъ ни устрашить, ни опечалить не могли. Мы, очень много въ томъ грѣшимъ; что долгъ человѣческой бѣдности, вдругъ отдать думаемъ. Лутче намъ, съ искусными въ шахматы игроками поступивши; на одну игру, розныя намѣренія положить. Буде одна игра не удастся; такъ въ другой щастья своего отвѣдай. Когда лукавая фортуна, разными коварствы надъ тобою шутитъ; то ты, разными приготовленіями къ будущему не щастью, сильно ей отмсти. Напередъ видѣнныя стрѣлы, не больно язвятъ. Кто непріятеля къ себѣ ждетъ; тому шанцы и батареи, до приходу ево здѣлать можно. Желающему ѣхать моремъ; Ко всякой непогодѣ, и къ страшнымъ бурямъ, за ранѣе готовиться надобно. Путешествующей, непогоду изъ далека предвидя: отъ дожжа, отъ снѣгу, и отъ всякой слякоти, заблаговременно укрывается. Глупые люди, пришедшее къ нимъ не щастье увидя; всѣ, и всегда такъ говорятъ. Я было тово не думалъ. Очень другъ мой худо; что ты объ этомъ никогда не мысля, обыкновенное у вашей братьи слово небось; безумно говорилъ. Когда уже многіе разумнѣйшіе насъ люди, за истинну утверждаютъ; что боязливость, родная мать мудрости; то для чего намъ сію родительницу толикихъ благъ, чрезъ разумныя мысли, ору-

орудіемъ спокойства душъ своихъ не учинить? Какъ много баталей однимъ страхомъ выигрываютъ? Сколь многіе Полководцы тѣмъ щасливы бываютъ, что заранѣе того боятся; дабы бещасными не быть? Гишпанскаго шляхтича спросили. боишся ли ты на свѣте чево нибудь? Дворянинъ имъ отвѣчалъ. У насъ въ Гишпаніи, страху не знаютъ. Только эта ево спѣсивая пословица; никуды не годится. Многіе Гишпанцы отъ тово погибли, что никогда, и ничево не боялисъ. Кто бы могъ такъ худою надеждою себя ласкать, будто никакой страхъ до него не дойдетъ; которой всегда, и около всякаго человѣка летаетъ? Когда уже домъ сосѣда моево горитъ; то, и до меня всеконечно дойдетъ. Знатнѣйшія люди на свѣте; отъ бѣдъ и напастей, охранной грамоты имѣть не могутъ. А я уже противъ сихъ орловъ, какая синица? Всякой человѣкъ, бѣдамъ и страху подверженъ; а меня бѣдняка, кто [кромѣ бога] отъ сего выключитъ, и чи охранитъ? Почти всѣ бѣды на человѣка, за грѣхи ево приходятъ; а я, ежедневно грѣшу. На свѣте, ничево постояннаго нѣтъ; а я, по среди не постояннаго свѣта живу. Теперь я богатъ; А что мнѣ въ тѣ поры дѣлать, какъ въ убожество приду? Нынѣ я въ чести; а какъ мнѣ въ гоненіи, да въ безчестѣ отъ враговъ, и отъ гонителей моихъ поступать? На сей часъ у меня всего довольно, а что бы мнѣ въ тѣ поры дѣлать, когдабъ я ничего не имѣлъ? Такіе умныя разсужденіи, творятъ человѣка осторожнымъ въ щастьѣ; а въ не щастіи его, терпеливость приносятъ. Эта осторожность; обогащаетъ человѣка веселымъ нравомъ, и безъ опасностію. Саломонъ, тѣхъ людей щасливыми называетъ; кто съ разумомъ опасается. блаженъ мужъ, иже убоится заговѣніе; жестосердый же, въ падетъ въ злач. И такія случаи бываютъ, въ которыхъ никакая осторожность не помогаетъ. Они приходятъ по особливому смотрѣнію, и по воли всемогущаго Творца; на искушеніе, или въ наказаніе: а больше всего, для исправленія насъ. Ежели этѣ случаи, божественное намѣреніе премудрѣйшаго и всеблагаго бога исполняютъ: то, мнимое наше не щастьѣ, намъ же въ крайнее благополучіе обратится можетъ. Симъ же мудрымъ на передъ приготовленіемъ; самое острѣйшее жало бѣдъ и напастей, со временемъ притупляется. Предвидѣнная бѣда, не такъ человѣка язвитъ какъ нечаянная. Сенека того не зналъ, что ему

Прит: сал: гл: 8.

въ банѣ кровью изойти; да то подлинно вѣдалъ, что онъ до злыхъ, лукавыхъ, и до не благодарныхъ людей дѣло имѣетъ. Ежели приготовленіе къ будущимъ бѣдамъ не съ разумомъ дѣлается, то лутче ево оставить. Человѣку, довольно настоящаго. А о томъ на что ему печалится, чево еще нѣтъ: и можетъ статься, что никогда не будетъ. До будущаго, надобно съ легка; и то, безъ печали касаться: а объ отвращеніи онаго; безъ гнѣва, и безъ напсады себѣ, холоднымъ умомъ разсуждать. Немучъ же себя печальными и страшными размышленіями о будущемъ, да только при всякомъ случающемся тебѣ не щастьѣ самъ себя спроси. развѣ это несносно? Тебѣ стыдно будетъ самому себѣ сказать, что не стерпимо. Притомъ еще вспомни: что ни прошлое, ни будущее, да одно настоящее человѣку скучно. И оно, горесть свою въ тѣ поры потеряетъ; когда человѣкъ здраво разсудитъ; какъ кратко, и сколь маловременно это настоящее. Притомъ же сердцу своему сильной за то выговоръ здѣлаетъ, для чего оно такъ маловременнаго зла снести не можетъ. Страхъ съ невѣріемъ, всю печаль о будущемъ въ человѣке причиняетъ. Иныя люди такъ глупы, что о будущемъ щастье своемъ у ворожей, да у колдуновъ спрашиваютъ. Вы благосклонный читатель, не ходя къ симъ плутамъ и обманщикамъ, конечно щасливы будите: ежели спокойству учиться прилѣжно начнете. Мудрой Цесарь Маркъ Аврелій, противъ завтрешнихъ безпокойствъ такими словами на всякой день вооружался. Можетъ быть, что мнѣ сего дня до злова, до не благодарнова, до лукаваго, до не праведнаго, до грубова, или до завидливаго человѣка дѣло случится. Какою же мнѣ въ тѣ поры добродѣтелью, порокамъ его по противиться; и какою кротостью, злость его побѣдитъ? Сія мысль о будущемъ весьма полезна, и разумна. Съ меня, настоящаго довольно; а будущее, все богу поручаю.

39.

Печаль человѣку не прис-тойна.

Развѣ намъ умъ свой только такими вѣщами мучить, которые гораздо хуже, и подлѣе души человѣческой? Или душа, желаніе свое тѣмъ скорѣе получитъ; когда о суетномъ да отлѣнномъ, больше всего печалится станетъ? Приличноль это

это высотѣ ея; что душа верьховное свое благо забывши, о томъ печалиться начнетъ: что и малымъ добромъ, едваль назвать можно? Для чего душа человѣча меньше тварей, въ границахъ своихъ пребываетъ? Или ей одной какъ дражайшей части духа божія въ человѣке, то дозволено: что бы сопротивленіемъ и мятежами, самой себѣ посрамлять? Развѣ безсмертной духъ меньше травъ, и хуже камней это знаетъ: что, и въ чемъ, подлинная должность его? Развѣ образу и подобію безсмертнаго бога позволено; рабомъ, и невольникомъ у скотскихъ страстей быть? Развѣ свѣту разума, туманомъ чувствъ и мечтанія, помрачаться надобно? Или, разумному созданію; безумство съ заблужденіемъ, а обманъ съ прелестью, лутче разума съ мудростью: и выше истинны почитать надлежитъ? Какая намъ отъ того прибыль, что сами себя въ горестяхъ утопляючи; смерть раждающею печалью, безпрестанно съѣдаемъ? Природа человѣку, скорость мыслей на то даровала; чтобъ ему съ ними на пути сей много бѣдственной жизни, не долго останавливаться: да этѣ бы помышленіи свои, по состоянію существа ихъ; отъ земли на высоту, къ безконечному житію и блаженству своему за тѣмъ возводить: дабы душа наша, отъ тягости суетъ свѣтскихъ скорѣе свободиться могла. Человѣкъ, двѣ вѣщи общія съ богомъ имѣетъ. Во перьвыхъ то, что до души его ни что прикоснутся не можетъ; а второе то, что человѣкъ ко всякому благу природную волю и склонность имѣетъ. Ежели мы сіе отъ бога, и отъ разумной природы дорованное намъ право къ добру употребимъ; то, на все земное, власно какъ съ превысокой горы смотрѣть станемъ, а сами отъ него нимало не повредимся. Арріанъ пишетъ. Три разсужденія; украшаютъ, и успокоиваютъ человѣка. 1. Что мы чада божія. 2. Граждане всего свѣта; 3. А между собою, братья. Когда мы чада богу; то подлинно вѣдаемъ, и вѣрить должны: что небесный Отецъ нашъ никогда зла намъ не учинитъ, и во вѣки не пожелаетъ: а сыновская должность наша не избѣжно того требуетъ, что бы мы святой волѣ его, усердно повиновалисъ. Ежели мы граждане свѣтскіе; то, общее благо, въ непрестанной памяти имѣть должны: а состоянія свѣта сего, корыстьми нашими утѣснять, отнюдь намъ не надлежитъ. Когда всѣ мы между собою братья; то одному, другова любить надобно. Пороки ближняго,

великодушно сносить, или терпеливо исправлять. Что мы о себѣ думаемъ? богъ насъ на такую высоту поставилъ, откудабъ мы всѣмъ свѣтомъ править могли: а мы сію отъ всемогущаго Творца данную намъ власть, на безчестнѣйшее рабол ѣпство мѣнять хотимъ. Разумъ твой тѣмъ тебя безпокоитъ, что чувствамъ твоимъ угодно. Не приличнѣелибъ человѣку было; когдабъ мятежныя страсти, и бунтующія чувства, разуму его повиновалисъ? Духъ твой, упражняется въ тѣлесныхъ сластяхъ; а несходнѣель бы съ разумною натурою было, когдабъ тѣло духу покарялось? Ты старается о томъ, что бы тебѣ природу свою переворотить; а въ томъ больше труда, и множаѣ страху находишъ: дабы разумной природѣ своей, и званію Творца твоего, усердно послѣдовать? Богъ тебя на до всѣмъ тлѣннымъ Властелиномъ поставилъ, а ты себя самъ маловременной суетѣ подвергаешъ. Тѣмъ то человѣкъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ себя ругаетъ: а на дѣле искусясь увидитъ, что симъ же способомъ себя и безпокоитъ. Разумное созданіе [человѣкъ] допускаетъ тому собою обладать, что ему на службу сотворено. Человѣкъ, за тѣмъ безпокоенъ; что не совершенное, совершеннаго удовольствовать не можетъ. Воспряни, и подымисъ же въ ту сторону; гдѣ благія духи живутъ. Тамъ твой подлинной домъ, и прямое отечество. Смотри на вѣчное его совершенство. Люби всѣмъ усердіемъ нетлѣнную его красоту. Потщисъ, сей сколокъ разумной природы, на тебѣ самомъ какъ на истинномъ ея подобіи, чрезъ всю жизнь твою воображать. Тогда ты роду человѣчу полезенъ, а въ себѣ спокоенъ будетъ. Неругай же себя отъ сего времени. Имѣй отъ нынѣ почтеніе къ самому себѣ. Не давай воли тѣлеснымъ своимъ поощреніямъ. Недопускай ихъ до того, чтобъ онѣ тобою власно какъ комедіянты куклами, по своей волѣ дѣйствовали. Прилѣпляйся къ тому, что съ разумною натурою сходно. Держисъ тово, что природу твою недѣлаетъ хуждьшею; когда уже еѣ исправить не можетъ. Прежде и больше всего о томъ старайся, дабы жизнь твоя нималаго замѣшателства въ себѣ не имѣла: а дѣла бы твои не уподобилисъ, на трудолюбіе похожей празности. Для убѣжанія обоего, возми себѣ такое намѣреніе; которое бы съ разумною натурою сходствовало, а къ твоемубъ намѣренію благопоспѣшно было.

40.

40.

Прилѣжаніе къ наукамъ; а потомъ изданіе полезныхъ книгъ, и рачительное чтеніе оныхъ, великое спокойство человѣку приноситъ. Славнѣйшіе на свѣтѣ люди, во всякихъ до наукъ касающихся трудахъ: главное спокойство, первое веселье, и лутчее себѣ удовольство нашли. Какъ Марку Тулью мятежные дѣла свѣтскія въ Римѣ наскучили, то онъ отъ безпокойнаго шуму ихъ, въ близкую подлѣ города деревню свою Тускулумъ уѣзжалъ. Тамъ, въ чтеніи книгъ и въ письмѣ довольное время проводя: прежнюю свою веселость получалъ. богъ; въ разсмотрѣніе правды и мудрости, отъ начала вѣка особливую сладость вложилъ. Кто еѣ ни искалъ, всѣ тѣ люди въ достойное награжденіе полезнѣйшихъ трудовъ своихъ, отъ божественной десницы превѣчной истинны, душевное спокойство получили; чего и вамъ любезный читатель усердно желаю. Чтеніе полезныхъ книгъ.

41.

Сколь не пристойна печаль умному, а особливо ученому человѣку; также чемъ ему себя отъ незаслуженаго злополучія изцѣливши утѣшить, сіе увидимъ изъ произшедшихъ у Философа Ѳиликса, съ Цицерономъ разговоровъ. Этотъ первой у Римлянъ Ораторъ, и великой во своемъ времени человѣкъ; за безмѣрную любовь и вѣрность къ отечеству его, изъ Рима будучи выгнанъ: добровольно въ ссылку поѣхалъ. Сіе разумное уступленіе страшному времени, враговъ его безстыдными; а друзей, такъ непостоянными учинило: что пріятели, съ непріятельми въ томъ согласились, что бы не повиннаго Цицерона изъ отечества выгнать. По семъ изгнаніи, конфискованныя пожитки его проданы. Домъ раззоренъ до основанія; а самъ Цицеронъ, безчестнымъ человѣкомъ обьявленъ. Онъ; отъ сихъ бѣдъ и крайнихъ страховъ, изъ Сициліи въ Македонію уѣхавъ, познался тамъ со славнымъ Философомъ Филискомъ. Сей рачитель мудрости; въ одно время къ Цицерону пришедъ, и въ великомъ изумленіи его увидя, сталъ ему говорить. Не пристойно тебѣ славной Цицеронъ такъ унывать, и наподобіе женщины въ глубокую печаль вдаваться. Не думалъ бы я того; чтобъ такъ искусной и столь умной человѣкъ,

какЪ ты: по ободреніи множества печальныхЪ сердецЪ самЪ вЪ глубокое уныніе, и вЪ опасную душе отчаянность пришелЪ. ЦицеронЪ ему отвѣчалЪ. Великое вЪ томЪ [любезной ФилискЪ] различіе, что бы человѣку печальныхЪ людей утѣшать; или самому себя вЪ своей печали утѣшить. Когда мы другихЪ людей разговариваемЪ, то кЪ сему дѣлу свободной разумЪ употребляемЪ. Утѣшеніе наше для того сильно, что никакою внутренною болѣзнью не пресѣкается. Кой часЪ сердце у человѣка за болѣвши опечалится; то оно туманомЪ окружасЪ, всю природную силу свою такЪ потеряетЪ: что умЪ человѣческой и вздумать того не можетЪ, чемЪ бы ему печаль свою прогнать, а себя утѣшить. ФилискЪ на то сказалЪ. Ты очень изрядно, и умно говоришЪ. Только я никогда тому не вѣрилЪ; что бы вЪ нравоученій, во всякихЪ вѣденіяхЪ, и вЪ самой практикѣ толь сильной человѣкЪ какЪ вы ЦицеронЪ: противЪ безщастныхЪ припадковЪ жизни своей, ни чемЪ вооруженЪ не былЪ. Но когда уже ты, отЪ нынѣшняго не щастья своего почти со всѣмЪ побѣжденЪ: то я отвѣдаю, не можноль мнѣ твое бремя облегчить, или на послѣднюю мѣру, вЪ ношеній онаго: дружескую тебѣ помочЪ подать. Ты сію добрую волю мою, тѣмЪ благосклоннѣе примешЪ; когда уже славнѣйшіе лѣкари ІпократЪ, и ДемоцедЪ, вЪ то время у другихЪ людей помочи искали: какЪ сами не могли. Ваше [дорогой мой ФилискЪ] представленіе; всякой благодарности достойно. [СказалЪ ЦицеронЪ.] Я, все то сЪ терпеливостью слушать готовЪ; что туманЪ печали моей прогнать, а сердце мое вЪ прежнюю его веселость привести можетЪ. Хотя я искусствомЪ своимЪ довольно себѣ славы получилЪ, однако еще такЪ мудрымЪ отнюдь себя не почитаю, что бы мнѣ у васЪ многосовершеннѣйшему не научиться. ФилискЪ сталЪ говорить. Посмотримъ же сперьва, подлинноель это зло; которое такЪ сильно тебя мучитЪ? А потомЪ уже разсудимЪ, чемЪ бы сей бѣде помочЪ. По перьвому, я вижу; что ты бодрЪ, и со всѣмЪ здоровЪ: а сіе состояніе, всякому человѣку за перьвое себѣ благополучіе почитать должно. ПотомЪ не вижу; чтобЪ у тебя кЪ содержанію жизни, надобныхЪ вѣщей недоставало. По сему; ни голоду, ни жажды, ни наготы, ни стужи, ни зною, ни жару, бояться тебѣ нѣчего. ЦицеронЪ отвѣчалЪ. Все это [любезной ФилискЪ] самая истинна! Да чтожЪ во всѣхЪ

сихЪ

сихъ пользахъ такому человѣку, которой самъ въ себѣ такъ не спокоенъ: что внутренняя печаль, больше ему тягости причиняетъ; нежели тѣ вѣщи удовольствiя приносятъ, о которыхъ ты сказывалъ? Меня, здоровье мое за тѣмъ не веселитъ; что умъ мой, о потеряномъ въ такую болѣзнь пришолъ: которая ему, оставшимся малымъ имѣнiемъ; наслаждаться не допускаетъ. А что бы ты въ тѣ поры сказалъ, или подумалъ; когдабъ тебѣ ни пить ни ѣсть нѣчего было? Ты о такомъ излишествѣ печалишся, въ которомъ человѣку дальней нужды нѣтъ. Ты ни отъ дѣда, ни отъ своего отца, ничего въ наслѣдство себѣ не получилъ; а что было велерѣчiемъ своимъ нажилъ, то опять своимъ же языкомъ потерялъ. Перестаньже о лишенiи такова имѣнiя печалиться; которое тѣмъ же самымъ способомъ изъ рукъ твоихъ ушло, которымъ оно въ твои руки пришло. Корабельшики въ жестокую бурю, излишней грузъ корабля своего съ великою охотою въ море бросаютъ, только бы симъ облегченiемъ весь корабль свой спасти; а морю, то на жертву отдать: что отъ нево получили. Полно объ этомъ говорить! Я тово человѣка много щасливымъ почитаю, у ково ни въ пищѣ ни въ одеждѣ недостатка нѣтъ: а напротивъ тому, за всякимъ излишествомъ; трудъ, попеченiе, не правда, обида, зависть, ненависть, гоненiе, а наконецъ: и самая погибель богатому слѣдуетъ. Это я очень знаю, что тѣлесная благая до тѣхъ поръ человѣку не милы: пока сердце съ душею печальми отягчено. Душа съ тѣломъ такъ тѣсно соединена, что тѣлу безъ искушенiя духовнаго, пробыть не возможно. Только думаю; что душевныя болѣзни легче исцѣлить, нежели тѣлесныя: для того, что тѣло наше изъ плоти. изъ крови, изъ жилъ, да еще изъ костей составлено: а слѣдственно, изъ такихъ различныхъ вѣщей сложено; которыя тѣлесному пользованiю больше препятствуютъ, нежели душевному. Отъ бога произшедшая душа; есть духовное, и простое существо. Когда уже ты душею болѣзнуешъ, то должно намъ теперь того посмотрѣть; какое ты благо по нраву, и по сердцу своему имѣешь: какою пользою, по душе своей одаренъ; и какимъ зломъ, душа твоя отягчена? Я это вѣдаю; какъ многихъ людей ты своею мудростiю превышшаешъ. Ты не только Римскому Сенату и народу всегда полезное

Филискъ.

совѣто-

совѣтовалъ; да многимъ, а особливо добродѣтельнымъ людямъ всѣмъ усердіемъ помогалъ. Я твоей справедливости, и отмѣнному великодушію, такіе подлинныя опыты знаю: что ты не только отечество, и друзей своихъ мужественно защищалъ; да страшнымъ врагамъ твоимъ противиться, героичною душею не боялся. По сему; всей твоей нынѣшней печалѣ, ни что другое причиною: какъ одно твое праведное постоянство въ добродѣтеляхъ, а притомъ безмерная любовь, и не поколебимая вѣрность къ общему всѣхъ Римлянъ добру; также, къ полезнѣйшему всей отчизнѣ вашей храненію государственныхъ законовъ. Вся твоя жизнь, доказываетъ воздержаніе твое. Учиненныя тобою славные дѣла, въ самой полдень о томъ свидѣльствуютъ; что ты темную ночь роскошей, мужески побѣдилъ. Изо всѣхъ разговоровъ твоихъ, видно хвалы достойно мужество; и великодушіе твое. Легко статься можетъ, что не щастіе, нѣкоторую часть силъ у тебя отнявши, изъ такой крѣпости тебя выгнало: которую ты обратно взять можешь. Я вижу; что ты тѣломъ здоровъ, а душою бодръ. По этому не нахожу, какую бы ты великую притчину къ толь глубокой печалѣ

Цицеронъ имѣлъ? развѣ тебѣ этотъ стыдъ малъ кажется; что я изъ отечества выгнанъ, и бещестнымъ обьявленъ? Дому, жены, дѣтей, сродниковъ, и друзей, за неволю лишившись; по чужой землѣ ссылочнымъ скитаксь. Непріятелямъ своимъ радостью, и посмѣщищемъ здѣлался: а у друзей моихъ въ мерзость, и въ напрасное поношеніе пришолъ. Все это [по самой истиннѣ] кажется мнѣ: великое зло и крайнее не щастье?

Филискъ А я, во всемъ этомъ; нималаго зла не признаваю. Человѣкъ сложенъ изъ души, да еще изъ тѣла. Какъ тѣло, такъ и душа; доброе свое отъ природы имѣетъ. Ежели одного изъ нихъ недостаетъ, то подлинной человѣку вредъ, и совершенной стыдъ: а когда оба цѣлы, то человѣкъ со всѣмъ хорошъ. Въ этомъ состояніи тебя, сей часъ я вижу. Что касается до страму и до стыда; то оба эте пороки, по одному только мнѣнію, а не въ самомъ дѣле злы; и слѣдовательно, ни души ни тѣла повредить не могутъ. Чье бы тѣло, отъ того одного когда нибудь разболѣлось или умерло: или, чья бы душа правду и науку свою отъ того потеряла; что человѣкъ обруганъ, и въ ссылку посланъ? Ты мнѣ ни одного такова человѣка показать не возможешъ. Для того; что обѣ этѣ вѣщи таковыже

же сами въ себѣ не злы: какъ то въ самомъ себѣ не добро, что бы человѣку отъ людей почтену быть, или въ своемъ отечествѣ умереть. Этѣ вѣщи таковы; что, и какъ, человѣкъ объ нихъ думать станетъ. Учоные люди, еще по сю пору о томъ согласиться не могли; что честь, и что безчестьѣ. Одинъ то хвалитъ, что другой хулитъ. Третей, то награждаетъ; за что четвертой наказываетъ. Пятые, о имени чести да безчестья: и слышать не хотятъ. Они въ томъ, не очень еще и виноваты. До человѣка одно то касается, что къ ево природѣ и къ существу принадлежитъ. Не смѣшноль бы было, здороваго человѣка въ тѣ поры больнымъ почитать, когда ему за немочъ велятъ? И то, сему же смѣху подобно; дабы человѣкъ для того бещестенъ былъ, что люди ему бещеснымъ быть приказываютъ. Все твое изганiе, сему же подобно. Оно ни что иное: какъ съ напраснымъ отъ народа руганiемъ соединенное путешествiе. Ежели ругательство само собою не зло, то и во изгнанiи твоемъ никакой худобы нѣтъ. Много такихъ людей, которыхъ вся жизнь самое путешествiе, и всегдашнее странствованiе: а они сего ни за стыдъ, ни за вредъ себѣ не почитаютъ. Въ томъ все различiе; съ охотою, или съ роптанiемъ, мы: къ сему странствiю готовимся. Которой бы умной человѣкъ не съ охотою то дѣлалъ, чего переменить не льзя? Человѣку; [по стародавному правилу] не тово желать, чего онъ хочетъ: да того хотѣть надобно, чему съ нами быть и здѣлаться должно. Жизнь наша со всѣми ея случаями не въ нашей силѣ, и не въ человѣческой власти. Мы должны тѣмъ довольствоваться, какъ воля и судьба божiя дѣла наши учредитъ, а житье и пути всякаго человѣка управить изволитъ. Хотя мы сему и противимся, однако повиноваться принуждены. Ежели тебѣ, худое воздаянiе за любовь и за вѣрность твою ко отечеству; болѣзненнѣе изганiя, и чувствительнѣе стыда, такъ думай: что божiей волѣ угодно было, сiе терпѣнiе на тебя наложить. Притомъ; за честь и за благополучiе себѣ почитай, что ты не повинно страждешь. Ты всегда, и во всемъ правду дѣлалъ: а врати твои не праведно поступали. Для сей притчины тебѣ должно радоваться, а имъ печальнымъ быть; ежели только ты, отъ судьбы и отъ руки божiя возложенное на тебя бремя, съ терпѣнiемъ носить станешь. буде на чесиь и на стыдъ

смотришь; такъ это человѣку гораздо честнѣе, что бы никакого зла не здѣлавъ изъ отечества удалится: нежели въ отчизнѣ оставшись, плутомъ и злодѣемъ быть. Не тому человѣку стыдъ, кто безвинно изгнанъ, да тѣмъ злымъ людямъ вѣчная срамота, кои его напрасно изгнали. Яжъ еще слышалъ; что ты безъ неволи, и безъ народнаго осужденія добровольно изъ Рима удалившись, съ такими злыми людьми жить не хотѣлъ; которыхъ тебѣ ни исправить, ни отъ погибели удержать со всѣмъ не возможно было. Ихъ то по самой истиннѣ ссылочными, а не тебя изгнаннымъ называть должно: для того, что они; все доброе изъ сердецъ своихъ выгнали. Ты напротивъ того; по той притчинѣ передъ ними много честенъ, щасливъ, и вѣчной славы достоинъ: что вездѣ, и всегда, за правду стоялъ; а и нынѣ, за ту же истинну великодушно страждешь. Отнюдь тебѣ не надобно; рабомъ воли, и плѣнникомъ власти ихъ быть. Ты за сїе богу много благодарить долженъ, что вседневной хлѣбъ, и безбѣдное пропитанїе имѣешь. Не мѣсто человѣка щасливымъ творитъ, да человѣкъ мѣсто просвѣщая; вездѣ себѣ службу и благоденствїе промыслить можетъ. Это было извѣстнѣе славному у васъ Римлянъ Полководцу Камиллу, которой не поскучилъ въ Ардѣе жить: да другому вашемужъ Генералу Сципїону, когда онъ въ бѣдной своей деревенькѣ Литернѣ, спокойную жизнь провождалъ. Я уже объ Аристидѣ, да о Темистоклѣ, и упоминать не хочу; которыхъ честь со славою, не повинымъ изгнанїемъ весьма умножалась. Аннїй, да Солонъ; цѣлую десять лѣтъ въ чужихъ краяхъ изъ доброй воли жили. По сему, ничево за зло не признавай; что ни до души твоей, ни до тѣла твоего не касается: а на судьбу и волю божїю, отнюдь не ропщи. Сыщется ль на свѣте такой человѣкъ, что бы все по его волѣ и намѣренїямъ шло; и кто бы всесильной волѣ Творца, противиться могъ? Ежели мы Святымъ Создателя нашего судьбамъ терьпѣливно, и добрымъ произволенїемъ повинуемся; то отъ всѣхъ своихъ печалей и бѣдъ, свободны будемъ. Когда же онымъ противиться начнемъ, то воля божїя здѣлаетсяжъ: а человѣкъ за упрямство свое болѣзнь, печаль, и наказанїе отъ бога приметъ. Различїе безщастныхъ и щасливыхъ людей, въ томъ; что первые, волѣ божїей добрымъ произволенїемъ пови-

повинуючисъ: въ награду сей покорности своей, душевное спокойство получаютъ; а последніе, тоесть безщастные люди, не терпѣливостью своею въ маловременной печали, жестокую муку сами себѣ причиняютъ. Прошу васъ дорогой Цицеронъ, все это въ памяти своей прилѣжно содержать; для облегченія теперешной печали вашей. Не тужи и не сердисъ о томъ, когда услышишъ; что враги и гонители твои въ благоденствій живутъ. Время нечестивыхъ такъ коротко, что на завтрѣе пришедши со изумленіемъ увидишъ: что и фундаментъ тѣхъ дворовъ изъ земли вырытъ, гдѣ беззаконники жили. Что больше человѣкъ на свѣте благополучія имѣетъ, толь скорѣе щастье ево какъ безъ мѣры грузной корабль, со всѣмъ опрокинется. Злая жизнь мятежниковъ, подобна такимъ безстрашнымъ корабельщикамъ, кои въ жесточайшую бурю нарочно по морю ходятъ: но отъ свирѣпыхъ волнъ, во мгновеніе ока поглощаются. Я тебѣ о Друзусе, о Сципіонѣ, да о Тиверій Грахе, и говорить уже не хочу. Вспомни одно то; какою смертью славной вашъ Камиллъ, свободя Капитолію отъ рукъ Галловъ: толь бѣдно умеръ? Лутчель сего Аристиду, да Темистоклу, послѣ ссылки ихъ было: о томъ самъ ты лутче меня знаешъ. По всѣмъ обстоятельствамъ надѣяться можно, что ты изъ нынѣшней бѣдности своей во отечество взятъ будешъ: а это [какъ я думаю] черезъ тѣхъ же людей здѣлается, которые къ твоему изгнанію больше другихъ помогали. Только я усердно того желаю, что бы ты въ Римъ не ѣздилъ. Пожалуй! Дружески меня послушавъ, купи себѣ деревеньку при морѣ. Тамъ экономію заведши, и въ тихости живучи; попримѣру Ксенофона, да Туцидида, книги пиши. Въ этомъ премудрости по священномъ убѣжище, постоянное удовольство, безъ всякаго мятежа и безъ страху себѣ найдешъ. Ежели равнаго съ ними безсмертія желаешъ; то также живи и дѣлай, какъ они. Пропитаніе у тебя довольное; а чести и чиновъ, самъ не ищешъ. Ты уже Консуломъ одиножды былъ. А теперь, лутче тебѣ Консульство на вѣки забывши, во все Цицерономъ остаться; нежели по Маріусову примѣру, семь разъ бещастнымъ Консуломъ быть. О принятіи тобою высокаго чина, самъ я потому не надѣюсь; что ты даваннаго тебѣ знатнаго достоинства, честно и великодушно не взялъ. Всѣ свѣтскія чины; одна только притчина съ поводомъ къ зависти, къ оболганію,

 и кле-

и клеветамъ; къ ненависти и къ гоненію, а на конецъ; къ не избѣжной погибели носящему ихъ. Я это не въ указъ тебѣ говорю. Ты уже щастье и не щастье отвѣдавши, самъ разсудить можешъ что лутче. Жизнь наша кратка, и бѣдами наполнена. Когда уже спокойство лутче мятежей, тишину выше волненія, волю паче не воли, а безопасность дороже страху всегда почитать надлежитъ: то самъ разсудя, выбирай себѣ лутчее; ежели достальныя дни свои въ мирѣ проводить, а имя свое безсмертнымъ учинить желаешъ. буде же къ возвращенію въ Римъ, и къ дальней чести во отечествѣ твоемъ непреклонную охоту имѣешъ; то хотя я тебѣ никакого зла пророкать не хочу, но когда безмѣрную невоздержность велерѣчиваго языка твоего, съ необузданною силою соперниковъ и непріятелей твоихъ разсуждаю, то весьма боюсъ того; чтобъ тебѣ не только въ другоредь изъ отечества выгнану не быть, но и безвременною бы смертью не погибнуть. Хотя Цицеронъ отъ сего съ Филискомъ разговора, и увѣщаніемъ его довольно успокоился: только по маломъ времени возвращенъ будучи въ Римъ, точно такою смертью погибъ; какъ ему Филискъ за нѣсколько лѣтъ, по мудрости своей напередъ сказалъ.

42.

Ничтожество, и тлѣніе, всего, что на свѣте есть.

Надъ Цицерономъ власно то же здѣлалосъ, что почти со всѣми молодыми людьми бываетъ. Сколько бы ты имъ о суетѣ, о непостоянствѣ, и отлѣнности всего на свѣте ни говорилъ: только они лобъ наморщивши, и словъ твоихъ не слушая, все свое думаютъ. Такихъ благонравныхъ людей очень мало, которые бы добраго ученія охотно слушали, а отъ полезнаго имъ наставленія мудрыми учинилисъ. Альхимисты; суетной трудъ свой во мнимомъ дѣланіи золота, тогда узнаваютъ: какъ всѣ свои червонцы черезъ кубики и скляницы, на воздухъ перегнавши; въ достойное награжденіе безумныхъ и суетныхъ трудовъ своихъ: кромѣ уголья, да золы, ничего не получаютъ. Вся слава мира сего, подобна лѣтучему змѣю. Она весьма не то, чѣмъ человѣку ложно кажется. Я лѣтомъ по улицѣ идучи, увидѣлъ такой камень, которой блистаніемъ своимъ противъ

тивъ солнечныхъ лучей; золотымъ крупинкамъ, и мѣльчайшимъ алмазнымъ крошкамъ, много уподоблялся: а какъ я поднявши ево разломилъ, то съ крайнимъ изумленіемъ увидѣлъ, что это древьяной камень былъ. Таковы власно всѣ прелести свѣта сего. Мы, одну наружнюю корку вѣщей употребляемъ; а на гладкую поверьхность ихъ, безъ памяти и безъ разсужденія заглядываемся. Всемудрѣйшій Творецъ, человѣку два глаза для того даровалъ: дабы мы на все видимое, пристально смотрѣли; а притомъ бы не забывали того, что у насъ еще другое зрѣніе есть. Тѣлесными глазами, человѣкъ только наружную кору, или кожу у всякихъ вѣщей видитъ: а душевными очами здраваго ума и разсужденія, надобно человѣку глубже проницать; дабы цѣну всякой вѣщи, по ея тлѣнному достоинству подлинно знать. Славнѣйшей въ Персидскихъ Царяхъ Ксерксъ, весьма неразсудно о томъ печалился; когда высокія его намѣреніи тѣмъ уничтожились, что безчисленныя его войска отъ наступившей нечаянно стужи, какъ мухи померли. Онъ было собралъ превеликую армѣю, вооружилъ ужасные флоты, наполнилъ Ельлеспонтъ [морской проливъ въ Греціи] безчисленнымъ множествомъ кораблей; срылъ страшную гору Атосъ долой; и всю натуру переворотить задумавши: на сухомъ пути кораблями плавать, а по морю колесницами ѣздить намѣрился. По что сей Монархъ такъ сильно трудится, и куды все намѣреніе не усыпныхъ трудовъ своихъ клонитъ? По что онъ самого себя, и бѣдныхъ Грековъ мучитъ? Развѣ онъ всю палящую ярость гнѣва своего, въ крови Афинейцовъ утолить желаетъ? Или ужé за тѣмъ многія годы вооружался, что бы цѣлой миліонъ людей своихъ въ пять мѣсецовъ [однимъ лѣтомъ] погубить? Достойной конецъ надменной гордости, и праведное наказаніе суетной злобѣ человѣческой! Когда уже сильнѣйшей Монархъ на цѣломъ свѣте, дѣлъ человѣческихъ по своей волѣ управя въ дѣйство произвесть не можетъ; то мнѣ бѣдной твари на что о томъ печалиться, чево я перемѣнить не могу? Самъ я земля и пепелъ; а о прахѣ да о пыли, печалью себя мучу? Пагубное самолюбіе, такія мечты въ мысль человѣческую приводитъ. Теперь то ужé я верьховнаго достоинства, и крайняго благополучія на свѣте достигъ! Ни въ разумѣ, ни въ богатствѣ, ни въ чести, ни въ роскошахъ, ни въ забавахъ, и

ни въ чемъ недоспатка не имѣю. Я людямъ пріятенъ; разуменъ, во всемъ искусенъ, ко всякимъ дѣламъ способенъ, многимъ людямъ помогаю; а они мнѣ служатъ. Все это изрядно и хвалы достойно! А долголи ты другъ мой въ этомъ, [по твоему суетному мнѣнію] блистательномъ житье своемъ пробыть; и подержаться думаешъ? Знаешъ ли какія бещисленныя препятства, на этомъ синемъ льду: и нагладчайшемъ пути своемъ встрѣтишъ? Соперники; высокія твои замыслы, всякими способы унизятъ. Злоба, да зависть, лутчимъ дѣламъ твоимъ должнаго почтенія, и славы не дастъ. Собственное мечтаніе, или какая нибудь страсть твоя; начнетъ тебя мучить. А не большая лихорадка, всѣ твои забавы съ весельемъ уничтожитъ. Тѣми большими печальми, и стращать тебя не хочу; когда голодъ, война, пожары, или разбойники: изъ дому тебя выгонятъ. Клевета съ оболганіемъ, тайныхъ или явныхъ непріятелей твоихъ, всю честь и славу твою помрачитъ. Жестокая болѣзнь, всѣ члены тѣла твоего раздробитъ; а нечаянная смерть, самую жизнь и всю твою славу въ землю втопчетъ. Видишъ ли бѣдной человѣкъ; что намъ совершеннаго спокойства и благополучія, въ высочайшемъ мѣсте искать надобно? Человѣку, отъ одного имени щастья или не щастія, пужаться не должно. Обѣ этѣ вѣщи перемѣнны, и весьма не постоянны. Онѣ, въ самомъ дѣле не то; чѣмъ кажутся. Умному человѣку, на сонъ свой надѣяться; и ему много вѣрить отнюдь не надлежитъ. Вся наша жизнь самой сонъ, и сущее привидѣніе: а множайшіе люди, подобны соннымъ Имъ, во снѣ грѣзится, а глазами ничего не видятъ. Многое слышится, а прямыми ушми ничего не слышатъ. Симъ людямъ кажется; будто пьютъ, и ѣдятъ: а во ртѣ у нихъ ничево не бывало. Все чувствуютъ, а ни чѣмъ не наслаждаются. Во снѣ своемъ работаютъ, ѣздятъ, говорятъ, смѣются, по воздуху лѣтаютъ, дерутся, бранятся, плачутъ, и радуются: а сами на постелѣ своей лѣжа, ни рукою ни ногою тронуть не могутъ. Такъ власно мечтаніе; не спящими людьми шутитъ. Жалости достойной человѣкъ; любитъ, или ненавидитъ; желаетъ, или боится; радуется или печалится о такихъ вѣщахъ, которыя и самаго мнѣнія легче. Одинъ о себѣ думаетъ, будто выше премногихъ почтенъ; а самъ къ презрѣнію, и на ругательство бѣжитъ.

Другой

другой ложно думаетъ, будто веселится; а онъ себѣ печаль и болѣзнь, за ранѣе готовитъ. Третей, пустымъ мнѣнїемъ богатъ; а на дѣле съ голоду умираетъ. Четвертому видится, будто изрядно живетъ; а онъ уже дѣйствительно умираетъ. Такъ то суета слугъ своихъ прельщая, очевидно слѣпитъ. Кому бы изъ насъ, минувшее; не показалось сномъ? Для чего намъ этѣ вѣщи въ близи не такъ ясны, каковы изъ дали кажутся? Можетъ ли воля наша, лутче разума объ нихъ разсуждать? Мы носимъ въ рукахъ своихъ ледъ. Что крѣпче человѣкъ жать его станетъ, то скорѣе ледъ въ рукѣ у насъ розтаетъ. Въ неудержимой стѣни минувшаго; всякой человѣкъ, истинное подобїе настоящей чести и славы своей, такъ ясно какъ въ зеркалѣ видитъ. Какъ скоро красота человѣческая родится, такъ уже и умирать начнетъ. Я этова понять не могу, для чего человѣкъ обьявленныя предъ симъ вѣщи, постояннѣйшими себя признаваетъ? Сколько честей и сокровищъ, однимъ днемъ въ ничто обратилось? Спроси ты Сицилїянскаго Тирана [владѣтеля] Дїонисїя; какъ онъ съ Царскаго Престола сошедши, школьнымъ учителемъ зделался? Спроси у богатѣйшаго всѣхъ Царей Креза; для чего онъ суеты и ничтожества сокровищъ своихъ до тѣхъ поръ не зналъ, какъ самово на костеръ дровъ къ сожженїю взвели? Еще спроси славныхъ и сильнѣйшихъ народовъ, за чѣмъ они дѣлъ человѣческихъ постоянными, и вѣчными учинить не могли? Не думай того; будто Египтяне, покорившіи себѣ многїе народы: сами напрасно въ подданство пришли. Почти цѣлаго свѣта побѣдители Римляне, теперь другимъ работаютъ. Храбрые Персїяне; отъ рабовъ своихъ Парфянъ побѣждены. Сими то уму нашему непостижимыми способы свѣтская суета безпрестанно вертится, и въ такое смѣшенїе приходитъ: что человѣкъ вмѣсте съ нею вертѣтся принужденъ, ежели на сїю стѣнь крѣпко по надѣется. Настоящее, одна перемѣна. Минувшее, въ море вѣчности ушло: а будущее, темнота; и самая не извѣстность. Одинъ думаетъ, будто на высоту взходитъ; а онъ отъ другихъ пораженъ, и на низъ катится. Другой тужитъ, будто со всѣмъ пропалъ; а онъ у всѣхъ выигралъ. Темнота, закрываетъ будущее; а тлѣнность настоящаго, ругается человѣческому попеченїю о суетѣ, и о ничтожествѣ; о стѣни, о

вѣтре.

вѣтре, и о такой пыли, которую на дорогѣ передъ глазами идущаго; клубомъ, и столбомъ вертитъ.

43.

Общая бѣдность временной жизни.

Маловременная жизнь человѣческая, отъ самаго рожденія по день смерти нашей; ни что иное, какъ самая бѣдность: а имянно, трудъ, болѣзнь, печаль, страхъ, надежда, и самая смерть. Всѣ этѣ обстоятельства, природное наше добро! Ежелибъ мы общія тягости жизни своей печалью отвратить, или облегчить могли; тобъ на людей и пѣнять въ томъ нѣчего было, что они часто печалятся, и много тужатъ. Когда уже мы съ природы своей очень бѣдны, то для чего намъ этѣ бѣды свои, безполезною печалью и дряхлымъ туженіемъ, напрасно умножать? Намъ должно было о томъ стараться, какъ бы общія бѣды свои самовольнымъ терпѣніемъ облегчать: а мы еще масло на огонь льючи, о томъ трудимся; что бы сносное, чрезъ не терпѣливость свою не сноснымъ учинить. Мы это надъ собою, и надъ другими людьми ежедневно видимъ; какимъ бѣдамъ весь родъ человѣческой подверженъ. безпамятство наше первая тому притчина, что человѣкъ о не возможномъ печалится. Есть ли на свѣте хотя едно совершенное благо? Мы еще и совершенства подлинно не знаемъ, а совершенно благополучными быть хотимъ. Люди, то свѣтомъ называютъ; въ чемъ не много темноты. Здоровье наше, не чувствительная болѣзнь; а и самая жизнь, почти всегда: тайная смерть. развѣ мы того желаемъ, чтобъ припадки въ жизни нашей постояннѣе житья: и совершеннѣе самихъ насъ были? Или, постояннаго благополучія на такой землѣ ищемъ; которая всегдашними перемѣнами содержится? Весьма безумно того желать, что бы глыба земли легче пера здѣлалась: вѣтеръ бы да воздухъ, постояннымъ учинился; рѣчная бы вода, всегда на одномъ мѣсте стояла; а огонь бы не жегся. Или, упрямствомъ своимъ всю тварь одержавши, то здѣлать пожелаемъ; что бы солнце подъ землю не заходило, а день бы смерканіемъ не оканчивался. Премудрый Саломонъ, для того все суетою назвалъ; что все на свѣте тлѣніе, не постоянство, дымъ, сонъ, и привидѣніе. По что же мы на сію мглу и пыль, такъ

твердо надѣемся? Все на свѣтѣ кругомъ ходитъ, и такъ скоро вертится; что одно наступя, опять тудажъ уходитъ откуды пришло. Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, огонь, воздухъ, и вѣтеръ; захожденіемъ своимъ поглощается, а восхожденіемъ вновь родится Для сей причины всемогущій богъ, этѣ свѣтила на тверди небесной за тѣмъ поставилъ; чтобъ они свѣтящимся движеніемъ своимъ, смотрящему на нихъ человѣку напоминали о не постоянствѣ всего, что въ свѣтѣ ни видитъ. Радость, и печаль; плачъ, и смѣхъ; жизнь и смерьть; имѣетъ свое время. Всемогущій Творецъ; сими переменами человѣка научить, и увеселить хотѣлъ. Кто такъ чужъ въ домѣ своемъ, какъ бѣдной человѣкъ? Онъ никогда того не помнитъ, что во временной жизни имѣетъ. Вся тварь подобна той землѣ, отъ которой человѣкъ взятъ. Земля, безъ перемѣнъ года; стоять не можетъ. Всегдашнее лѣто, весьмабъ ей вредно было. Зимѣ, должно притти для приданія землѣ плодородительной силы. Такъ власно студеному вѣтру бѣдъ, и печалей; надобно все естество человѣческое, къ произращенію добродѣтелей способнымъ учинить. Жало и смерьтельной ядъ грѣха, въ плоти нашей утолить; а сѣмя всякаго добра, отъ терьнія внутренняго зла, непостижимою силою очистить: дабы сіе доброе сѣмя, къ содержанію людей и всего свѣта, благія плоды произрастить могло. Премудрѣйшій Создатель, въ твореніи мира сего: видимой нами свѣтъ изъ тьмы произвелъ; а въ содержаніи всей твари, доброму: изъ видимаго нами зла произходить должно. Это къ содержанію всей твари не обходимо служитъ; дабы перемѣняющіеся между собою спорные тѣла, другъ друга порядочно смѣняли. О семъ говоритъ Еліусъ, у Іова въ главѣ 34 сими словами. Мнитъ ли кто Господа зло творити, иже созда небо и землю? Кто же есть творяй подъ небесную и сущее все, развѣ его? Аще бо хощетъ правду удержати, и духъ въ себѣ удержитъ. Умретъ же всяка плоть. Всякъ же человѣкъ въ землю пойдетъ, отнюду же созданъ бысть. Нетерпеливая и малодушная жена Іовля, сихъ высокихъ словъ неразумѣвши, мужу своему сказала. Рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри. Но смиренный и праведный Іовъ, по благонравію и по обычной кротости, женѣ своей отвѣчалъ. Что; яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси.

благая бо пріяхомъ отъ руки Господня, злыхъ ли не стерьпимъ? Для чего намъ того пужатся; что всякому человѣку сродно, и всѣмъ намъ свойственно? Человѣкъ по выходѣ отъ утробы матери своей, крикомъ и слезами даетъ знать: что онъ не господинъ, и не обладатель вселенной; да бѣдной рабъ грѣхамъ, болѣзнямъ, бѣдамъ, скорьбямъ; и въ холопство смерьти родился. Для чего мы не хочемъ въ теченій жизни своей того стерпѣть, что человѣкъ еще отъ чрева матери по природѣ своей, за ранѣе узналъ? Славной въ практикѣ свѣтскаго житья Менандръ, дѣйствителнымъ искусствомъ узналъ; что въ сладчайшей радости, тайная печаль скрыта. Въ высочайшей чести, трудъ и попеченіе; у великаго богатства, страхъ съ безсонницею, скупость съ немилосердіемъ; а всечасная боязнь, съ ненасытствомъ; на цѣпяхъ прикованы лежатъ. На сіе, кромѣ ежедневнаго искусства; никакихъ свидѣтелей и доказательствъ не надобно. Ни въ одномъ чинѣ и состояніи житья свѣтскаго: какъ старымъ, такъ молодымъ, и среднихъ лѣтъ, обоего пола людямъ; безъ печалей пробыть не возможно. То всего удивителнѣе, когда уже язычники свѣтомъ природнаго разума сіе узнали; что человѣку за грѣхи свои, бѣды и не щастье терпѣть должно. Какъ Персидской Царь Дарій о смерьти супруги своей не утѣшно печалился, то Демокритъ къ сему Монарху пришедши, обѣщалъ Царицу его оживить; ежели Дарій прикажетъ на гробѣ ея имяна такихъ трехъ человѣкъ написать, которые бы во всю жизнь свою никакой печали не имѣли. Умной Царь Дарій, скоро разсудилъ. Какъ по Демокритову требованію здѣлать не возможно, такъ и тому статься не льзя: что бы мертвую Царицу его оживить. Я сіе пишу на показаніе печальнымъ людямъ того; какъ суетно сѣтованіе, и коль напрасно туженіе ихъ. Начто человѣку о томъ печалиться, что ему такъ сродно какъ самая жизнь, а не обходимо такъ, какъ повседневной хлѣбъ. Когда я ни чемъ другихъ людей не лутче, то для чего мнѣ меньше ихъ: бѣдъ, и не щастья себѣ желать? Не всѣ ли мы такъ власно къ трудамъ, какъ птицы на лѣтаніе родились? Дни житія человѣческаго, по самой истиннѣ; маловременными, и злыми названы. Грѣхи, всѣхъ насъ отъ плоти рожденныхъ; бещестными, и нечистыми творятъ. Страсти, безпокоятъ. Страхъ съ надеждою, безпрестанно мучитъ. Желаніе съ прихотьми, непрерывно

прерывно человѣка терзаетъ. Любопытство, внѣ себя выводитъ. Суета прельщаетъ, а заблужденіе помрачаетъ умъ. Работа съ трудами, умаляетъ силы наши. Искушеніе, поощряетъ насъ къ злому. Враги, всякими способы на насъ нападаютъ. Нужда и бѣдность, потемняетъ остроту разума. Всякой человѣкъ, свой крестъ несетъ; а яснѣе сказать. У всякаго изъ насъ своя нужда, и особливая печаль. Какъ многимъ страхамъ подвержена молодость? Какія скуки, болѣзни, и печали, окружаютъ старость нашу? А и самая средина лѣтъ человѣческихъ; трудами, попеченіемъ, и великими опасностьми наполнена, съ такимъ только различіемъ: что у одного больше бѣдъ, нежели у другова человѣка. Для чегожъ мнѣ, къ сему общему воздуху непривыкать? За чемъ мнѣ одному то страннымъ кажется, что ежедневно, и надъ всякимъ человѣкомъ дѣлается? Развѣ я того не знаю, что свѣтъ сей одною перемѣною содержится? Для чегожъ такому терпѣнію меня озлоблять, которымъ будущая радость моя умножится? Или уже я различія тѣхъ голосовъ не помню, которые всю музыку пріятною творятъ? Темныя тѣни, живописную работу возвышаютъ; а я такую бѣду снести боюсь, безъ которой вся жизнь моя красна; а добродѣтель, совершенна быть не можетъ. Кто бы про Гектора зналъ, ежелибъ Греки города Трои не раззорили? Развѣ уже я природу свою такъ мало знаю, что такого случая пужаюсь; которой всѣмъ намъ отъ натуры вкорененъ? Ежели мы сего свѣта подлинно не знаемъ; то, не только Христіянскіе учители, но языческіе Философы насъ тому учатъ.

44.

Различіе человѣческой бѣдности показываетъ намъ; что исполненіе должности разумнаго человѣка, есть истинной способъ, и единой путь къ спокойству душевному. Это; одна суета и гордость стоическихъ Философовъ была, что они ко всякой нуждѣ, и къ болѣзни; не только крѣпкими, но и нечувствительными себя казали. Сила добродѣтели не въ томъ, что бы человѣку нужды и болѣзни своей не чувствовать: да въ томъ больше состоитъ; что бы намъ къ нуждѣ да къ болѣзни своей, терпѣливно привыкать: и оную великодушно нести. Изъ сего уже то утѣшеніе

Свѣтъ сей, есть боевое поле; или битвенное мѣсто.

произойдетъ, что человѣкъ страданіи своими, собственное не щастіе побѣждаетъ. Добродѣтель къ тому надобна, что бы человѣка въ благополучие привесть; а не щастіе съ бѣдами къ тому нужно, что бы насъ чрезъ разныя практики добродѣтельными учинить Горьшая бѣдность, происходитъ отъ злости человѣческой. Что больше мы ко умаленію зла помогаемъ, тѣмъ больше всеобщее благополучіе поспѣшествуемъ. Исполненіе добродѣтелей, умножаетъ человѣческое благополучіе; А кто о худомъ времени жалуется, тотъ изъ сихъ злыхъ дней лутче усмотритъ; что ему къ своей, и къ общей пользѣ дѣлать. Между щастьемъ и не щастьемъ, такоежъ различіе; какъ между людьми. Свѣтъ сей, содержится безпрестанною перемѣною. Самая нужда того требуетъ; чтобъ нѣкоторые люди въ свѣте сильны, и велики; другіе безсильны, и малы: третіе убоги, четвертые богаты, пятые многомощны, а шестые худосильны: и безпомощны были. Ежелибъ одному въ другомъ нужды не было, то кудабъ и весь порядокъ дѣвался? Кто бы могъ повелѣвать, и кто бы сталъ повиноваться? Когдабъ всѣ люди на свѣте равны были, тобъ сіе опасное равенство между поврежденными съ природы людьми; не сказанныя бѣды, и страшныя мятежи произвело. Но понеже не большое число сильныхъ, всѣ части свѣта въ безпокойство приводитъ; то какой бы въ тѣ поры страхъ былъ, ежелибъ всѣ люди равное богатство имѣли? Со всѣми благими жизни нашей, тожъ самое обстоятельство. Ежелибъ одни равно богаты, тобъ другія равно бѣдны были. Гдѣжъ бы красоту съ порядкомъ сего свѣта найти; ежелибъ ни господъ, ни рабовъ; ни ремесленныхъ людей, ни художниковъ, ни крестьянъ не было? Самое состояніе жизни нашей того требуетъ, чтобъ одни убожеѣ и подлѣе; а другія люди богатѣе, и честнѣе ихъ были. Для чего мнѣ одному безразсудно того желать; что бы жеребей убожества меня обошедши, другому достался? Мнѣ своимъ недостаткомъ, къ общей пользѣ въ порядкѣ убогихъ: тожъ можно здѣлать, что и другимъ въ классѣ богатыхъ. По чему это вѣдать, кто должность свою съ большею охотою: или, съ меньшимъ помѣшательствомъ исполняетъ? Я житьемъ своимъ потому доволенъ, что состояніе свѣта того требуетъ: дабы множество

малыхъ людей, одного человѣка великимъ учинить; а одному сильному, великое число бѣдныхъ людей содержать.

45.

Ежели намъ еще прилѣжно подумать; то мы въ свѣте, больше печали нежели радости найдемъ. Для чего же я тому и дивлюсь; что мнѣ тою монетою платять, которая въ свѣте знакомѣе, и больше другихъ денегъ ходитъ? Ежелибъ человѣкъ во всегдашнихъ роскошахъ и забавахъ жилъ, такъ тѣже бы роскоши со всегдашнимъ весельемъ, напослѣдокъ: ему же въ муку, въ печаль, и въ тоску обратилисъ. Хотябъ забава человѣку такова же пріятна, какова Пророку Іонѣ тыква мила была: только на конецъ, черьви корень у нѣе подъѣдятъ. Земное веселіе съ забавами, быстрѣе такой воды течотъ; которая тину печалей и скорьбей, съ собою тащитъ. Хотя золото, серебро, драгоценное каменьѣ, и все что свѣтъ сей высоко почитаетъ; съ мудростью сравнится не можетъ, и не достойно: только человѣческая мудрость не совершенна, и скукою наполнена. Люди еѣ великимъ трудомъ, и многимъ страхомъ ищутъ: а когда получатъ, то о безумій свѣтскомъ ежедневно печалятся. Ежелибъ у человѣка такіе изрядныя дѣти были, о которыхъ бы онъ великую надежду имѣть могъ, то хотя сіе и не малое щастье; однакожъ, ничего совершеннаго въ себѣ не имѣетъ. Дѣти твои смерьти подлежатъ, а ежели важную о себѣ надежду оказавши нечаянно помрутъ: то печаль твоя объ нихъ, толь чувствительнѣе будетъ. Когда они испортившисъ злыми учинятся, то печаль твоя поблизости крови, весьма умножится. Протчія на свѣте вѣщи, и дѣла; власно таковыжъ. Подъ медомъ ихъ ядъ, и жало: а въ сахарѣ, жолчъ есть. Все свѣтское; гораздо больше притчины къ печали, нежели къ радости въ себѣ имѣетъ. Что больше человѣкъ свѣтскаго желаетъ, то больше случая къ печалямъ да къ безпокойству, самъ себѣ ищетъ. Чемъ болѣе у человѣка друзей; тѣмъ больше ему притчины къ жалѣнію о не щастьѣ, о болѣзни, или о смерьти ихъ будетъ. Доброй конь, на бою; а прямой другъ, въ нуждѣ да въ бѣдахъ познавается. Когда тебѣ сіе не удастся; въ тѣ поры узнаешъ, каковы люди на свѣте. Хотя у тебя богатства

Гдѣ больше печали, нежели радости?

ства и много, однако ты при всѣмъ томъ не безъ страха, и не безъ печали. Что больше имѣешь, то больше потерять; и о томъ жесточаѣ печалиться можешь. Имѣніе, главное въ свѣте намѣреніе; и та самая мѣта, къ которой всѣ живущія на земли, однимъ устремленіемъ единодушно текутъ. Всякъ изъ насъ съ яблони, лутчее яблоко сорвать хочетъ. буде человѣкъ въ великой силѣ и въ чести, такъ у нево такихъ тайныхъ ненавистниковъ, и явныхъ гонителей много; которые день и ночь того смотрятъ, какъ бы ево съ бархатнаго стула збросить. Что выше ты сидишь, тѣмъ больнѣе отъ сего паденія ушибесся. Этотъ стыдъ весьма чувствителенъ, и толь виднѣе будетъ; что на бѣломъ платьѣ не только пятно, да волосъ не утаится. Что долѣ человѣкъ живетъ, то больще и чаще бещастенъ быть можетъ. болѣзни, съ разныхъ сторонъ печали, гоненіи, стыдъ, и многія слабости; тѣмъ чаще стануть ево мучить. Человѣкъ можетъ все благополучіе свое переживши, подъ старость; самому себѣ въ скуку, и въ тягость быть. буде у тебя всево много, такъ у другихъ ничево нѣтъ. Какъ великое число такихъ нужду терпящихъ людей сыщется, которые бы однимъ излишествомъ славнаго банкира, весьма довольны были? Я о томъ не печалюсъ, что у меня ничего чужова нѣтъ. Да о томъ радуюсъ; что никого не обидѣлъ, и не ограбилъ: а тово отнюдь не желаю, за чтобъ люди меня кляли. Пускай, свѣтъ сей таковъ будетъ, каковъ онъ есть; а я постараюсъ такимъ себя учинить, какову мнѣ быть должно: а имянно такому разумному человѣку, котораго сердце къ развращенному свѣту неприлипаетъ, и его перемѣнами также не безпокоится; какъ земледѣлецъ о томъ мало тужитъ, что послѣ одного ведренаго дня, трои или четверы сутки дожжъ идетъ.

46.

Не надѣяться на людей.

Человѣку гораздо меньше бѣдъ и напастей будетъ; ежели онъ на подверженныхъ смерьти людей, также на перемѣнное и не постоянное щастье, надѣятся не станетъ. Жизнь наша, со всѣми роскоши и забавами, такъ вертится какъ колесо. Которая спица сей часъ въ низу была, та во мгновеніе ока на верьху очутится. Которой человѣкъ

на

на перемѣну по надѣется, тотъ съ симъ колесомъ и самъ заверьтясь, стремглавъ упадетъ. Кто до тебя очень милостивъ, того нечаянная кончина или паденіе, и тебѣ смертью здѣлатся можетъ. Ежели ты на подлежащаго смерти человѣка всю свою надежду возложишъ, то нечаянной отъ него гнѣвъ, съ перемѣною милости: обѣщаніе, или отказъ; надежда, или страхъ; польза, или убытокъ; жизнь, или смерть: безпрестанно тебя мучить станетъ. Это чувствованіе не умирающей клятвы, отъ бога за то на людей положено: что они на смертнаго человѣка, то все совершенное упованіе возлагаютъ, которое Творцу и единому Господу нашему принадлежитъ. Царь и Пророкъ Давидъ, по сему дѣлу въ самой практикѣ искусясъ: одну половину безъ сильныхъ, а другую часть лживыхъ людей нашелъ. Какъ онъ ихъ вѣсами здраваго разума взвѣсилъ, то они ему легче самой суеты показались, для того: что перемѣнной нравъ съ не постоянствомъ ихъ, основательно узналъ. Которыя сего дня на ево сторонѣ были, тѣ на другой день противъ его стояли. Саулъ, и дочь ево а Давидова жена Царевна Мельхола; другъ за друга, Давида: любили, и ненавидѣли. А искреннѣйшаго Давиду друга Царевича Іоанафана, смерть съ нимъ разлучила: о чемъ сей мудры Царь и богоотецъ, въ сорокъ второмъ псалмѣ пѣсней своихъ пространнѣе пишетъ.

47.

Не лутчель и не безопаснѣе ли намъ, подъ защищеніемъ крылъ божіихъ жить; и его Святому провидѣнію себя предать? Покровъ божественной десницы его, тихое и безопасное прибѣжище всѣмъ, въ бѣдахъ и въ печалѣхъ погруженнымъ душамъ: о чемъ въ другой части сей книги пространнѣе обьявится. Язычникамъ, отъ природнаго разума данныя утѣшеніи; Сенека, и другія Философы, въ книгахъ своихъ пространно описали: а нынѣ только сіе разсудимъ, что Цесарь Маркъ Аврелій сказалъ. Развѣ богъ о людяхъ не попечется? А что значитъ ихъ молитва, и жертвъ приношеніе? Ежели богъ о насъ воистинну печется, какъ всѣ мы вѣримъ, и вѣрить должны: то онъ о людяхъ своихъ ничево злаго не заключилъ. Какая бы то Но на бога.

вѣщъ

вѣщь была; которая бы Святое, Всеблагое, и Кроткое Существо, ко учиненію мнѣ вреда побудить могла? За чемъ я своею волею не довольствуюсь, когда подлинно знаю, что богъ, никакого зла: кромѣ пользы, и кромѣ всѣхъ благъ, воистинну мнѣ не пожелаетъ? Ежели бы человѣку самому себя всѣмъ снабдѣвая, всечасное о себѣ попеченіе имѣть; тобъ онъ кромѣ тово ничего не дѣлалъ, какъ только безпрестанно мучился: для того, чтобъ ему объ отвращеніи такого зла всечасно думать надлежало, которое человѣка безпрестанно окружаетъ. Это суетное мнѣніе съ напраснымъ трудомъ, по всякой бы день новую въ насъ печаль раждало; живымъ предсшавленіемъ того страха, которымъ все естество наше опутано. Въ какомъ бы непрерывномъ страхѣ, бещисленныя притчины къ смерьти, человѣка содержали? Для того намъ не сравненно лутче, всю свою печаль на того бога возложить; которой Святымъ словомъ страшныя силы своея все движитъ, и непостижимо содержитъ. Кто въ несовершенныя силы природы очень глубоко запутается, тотъ не обходимымъ ихъ теченіемъ связанъ будетъ. Египтяне, и другіе народы разумно признали; что тотъ человѣкъ выше всѣхъ печалей, кто душу свою съ превѣчнымъ богомъ соединяетъ.

48.

Не уповать, на непостоянное щастіе

Кто вмѣсте съ подлымъ, народомъ, о не постоянствѣ такъ называемаго щастья жалуется; тому я тожъ самое отвѣчаю, что бозцій Ксантипу сказалъ. буде ты себя слѣпому щастью ввѣрилъ, то не жалуйся на коварства и наухищреніи его. Надъ тобою, ничево новаго и страннаго не дѣлается. буде думаешь, что щастье къ одному тебѣ перемѣнилось; такъ весьма грѣшишъ. Оно всегда, и со всѣми людьми власно также поступаетъ: а надъ тобою хотѣло то показать, что щастье и въ тѣ поры таковожъ было, какъ на тебя ласкательнымъ лицомъ умильно взирало; каково оно тебѣ теперь кажется, когда косыми глазами изъ подлобья лукаво, и свирѣпо на тебя смотритъ. Нынѣ можешь двойное лицо, этой прелестной и ложной богини видѣть. Ты сей часъ то узналъ, чево многіе люди до сѣхъ поръ не вѣдаютъ. Привыкай же къ непостоянству фортуны безъ

ропшанія: а къ вѣтреному ея нраву; безъ гнѣва, безъ жалобъ, безъ печали, и безъ воздыханія. буде тебѣ ложъ, и прелесть ея мерзска: то, всѣ такія тлѣнности презирай; которыми щастіе человѣка обманываетъ. Тогда получишъ свободу отъ печалей своихъ. Помни, что о семъ Горацій написалъ. Слѣпое щастье, дѣйствуетъ по строгости своей; и обращаетъ лестную игру, не постоянства свѣтскаго. Сего дня ко мнѣ, завтра къ тебѣ выше мѣры ласково: а послѣ завтра обманетъ, обѣихъ насъ равно. Для того, хвалю я щастье пока оно пребываетъ. А какъ обернувшись начнетъ отмѣнятся, и на лѣту своемъ перье легкое пускать: то ево забывши, останусь я твердъ. Положусь во всѣмъ на бога, и возьмусь за добродѣтель. Она мнѣ будетъ щастье въ не щастій, а богатство въ убожествѣ моемъ. Не стыдноль это Христіянамъ, что язычникъ о перемѣне прелестнаго щастія, разумнѣе ихъ говоритъ: и великодушнѣе насъ разсуждаетъ? Когда ты вѣдалъ, что на вѣтреное щастье никто положиться не можетъ: то за чемъ хоромы надежды своей, на такомъ гниломъ фундаментѣ строилъ? Ты владѣтельницею себѣ избралъ не постоянную и вѣрченую фортуну, а потомъ этой вѣтреницѣ предписываешъ законы, долго ли ей стоять? Сѣвши въ корабль не хочешъ туды ѣхать, куда вѣтеръ тебя несетъ! Посѣявши сѣмя въ землю, не хочешъ збирать того, что земля приноситъ. Не трудисъ напрасно; не оборотишъ уже круглаго колеса не постояннаго щастья. Ежелибъ оно постоянно было, такъ бы не было фортуною. Я съ тобою, вмѣсто этой ложной богини стану говорить. Не обвиняй меня другъ мой напрасно. Я тебѣ никакого зла не здѣлала, и ничего у тебя не отняла. буде ты это думаешъ, такъ станемъ судиться. Все то богатство фортунино было, которое ты изъ рукъ уронивши потеряннымъ щитаешъ. Ты съ собою на свѣтъ ни одной нитки не вынесъ, а меня тѣмъ клеплешъ будто я тебя ограбила. Ты моимъ жалованьемъ долго владѣлъ, а теперь я похотѣла свое у тебя взять. Не говорижъ о томъ и не жалуйся, будто ты свое потерялъ. Честь и богатство, не тебѣ; да мнѣ служатъ. Какъ я отъ тебя прочь пойду; то, и слуги мои за мною итти должны. Ежелибъ то подлинно твое было, о чемъ ты плачешъ: то, какъ бы тебѣ ево потерять? Не отнимай ты у меня моего права. богу

небесному вольно, самой свѣтлой день облаками, и тучами помрачить. Кто можетъ твари его въ то время противиться, когда она, травою и цвѣтами розкрашеную землю, снѣгомъ и льдомъ покрываетъ? Кто запретитъ морю тихому быть, или волноваться? А человѣческой умъ хочетъ меня привесть къ тишинѣ, которая свойству, и природѣ моей со всѣмъ противна. Позволь же мнѣ другъ мой, обыкновенную игру мою по прежнему продолжать. У меня такой нравъ; что я верьхнее въ низъ, а нижнее въ верьхъ оборачиваю. Ежели ты сей день на верьхъ всходишъ, такъ не отрекисъ же завтра на низъ сойти, когда игра моя того потребуетъ. Ты самъ это знаешъ, что я по натурѣ моей не постоянна. будь доволенъ, прежнею моею малою къ тебѣ милостью. Можетъ статься, что я впредь и большимъ тебя награжу: ежели ты разуменъ, и терпеливъ будешъ.

49.

Человѣкъ своимъ бѣдамъ, иногда самъ притчиною бываетъ.

„ Мы нѣмое щастье, велерѣчивымъ здѣлали. Ежелибъ страстьми помраченной человѣкъ, глубочайшую премудрость божія провидѣнія, и непостижимость судебъ его изслѣдовать могъ: тобъ о щастьѣ и о не щастьѣ, по меньше говорилъ. Нечаянныя случаи въ жизни человѣческой, разумнѣйшимъ язычникамъ такъ трудны показалисъ: что Философы объ нихъ, въ страхъ и въ трепетъ приходили. Но понеже этѣ мудрыя люди притчины сему узнать не могли, то они, такіе вѣщи и дѣла слѣпому щастью приписали: которыя отъ одного только человѣческаго сердца происходятъ. Христіяне тѣмъ щасливѣе язычниковъ, и выше всей Философій ихъ: что отверзстое слово божіе предъ глазами имѣя, при семъ божественномъ свѣтильникѣ: главныя притчины печали нашей, несравненно яснѣе язычниковъ видятъ. Тамъ открыто намъ истинное самого себя познаніе, и премудрѣйшее разположеніе Святыхъ и непостижимыхъ судебъ божіихъ. Ко успокоенію жалобъ своихъ, въ священномъ писаніи находимъ; что человѣкъ почти всему тому самъ притчиною, что его ни мучитъ. Какъ много такихъ бѣдъ и напастей, которымъ человѣческое безуміе или безпамятство, перьвая и главнѣйшая притчина. Для чегожъ мы о томъ жалуемся, что плоды трудовъ своихъ ѣдимъ? Надъ всѣми

что зделалось; которые добраго совѣта слушать, и по оному исполнять не хотѣли. Развѣ ты думаешь; что настоящїе припадки, не подлинные слѣдства прошлыхъ грѣховъ нашихъ? Всеконечно они! Катонъ сїе за немалую погрѣшность призналъ, что въ такое мѣсто водою ѣздилъ, куды сухимъ путемъ ѣхать могъ. А какъ въ кораблѣ заболѣлъ, то ни на море не пѣнялъ, ни на погоду не жаловался: да всю сїю немощь себѣ приписывалъ. Человѣкъ до тѣхъ поръ погрѣшенїя своего не видитъ, пока пользу отъ того имѣетъ: а какъ чужою злостью накажется, въ то время мудрость глаза ему открывши, ясно покажетъ; какого наказанїя отъ бога, не извѣстной; и не признанной грѣхъ нашъ достоинъ? Многїе люди для того насъ ругаютъ, облыгаютъ, и расхищаютъ: что бы мы чрезъ сїю обиду ихъ, въ согрѣшенїяхъ своихъ чувствительнѣйшими того учинились, нежели въ то время были; когда безпамятствомъ своимъ, или наглостью въ молодыхъ лѣтахъ: другихъ людей ругали, и обидѣли. Щасливъ тотъ человѣкъ которой при всякихъ на него приходящихъ горестяхъ, притчины сему не щастью въ самомъ себѣ ищучи: и симъ чувствительнымъ напоминанїемъ самъ себя исправляя, отчасу къ большему просвѣщенїю премудрости идетъ. За чемъ же я не терпеливъ въ такомъ не щастьѣ, которое мнѣ самому отъ себя пришло: и для чего о томъ ропщу, что на терновнике кислые ягоды ростутъ? Собственные самого себя обвиненїи во грѣхахъ своихъ, великое человѣку облегченїе въ печаляхъ его приносятъ. Хотя минувшаго возвратить и не льзя; однако великая въ томъ душе человѣческой польза, что бы прошлыя погрѣшенїи свои признавая, часто помнить. Этѣ мудрыя разсужденїи, и богу прїятныя мысли; вгоняя человѣка внутрь себя, кажутъ ему грѣхи и пороки: а чрезъ сїе поминанїе сердце и душу его, тайнымъ наказанїемъ исправляючи; впредь разумнымъ и осторожнѣйшимъ творятъ. Божїя честь весьма тѣмъ поспѣшествуется, когда мы правосудїе Господне въ томъ признаваемъ; что богъ, всякому человѣку по дѣламъ его воздаетъ. Какъ великому тогда спокойству въ душе нашей быть должно, когда человѣкъ сїе чувствуетъ; что онъ въ себѣ часъ отчасу исправляется? Сїе внутреннее испытанїе или разсмотрѣнїе себя, есть сѣмя кротости и смиренїя: которое въ сердцѣ Христїянскомъ, наилутчїя

плоды принесть можетъ. О происходящемъ изъ сего смиренія душевномъ спокойствѣ, во второй части этой книги пространнѣе обьявится.

50.

Кто лутче, тотъ все бещастнѣе другихъ.

Терпѣніе непорочныхъ людей; радованіемъ доброй совѣсти, вездѣ и всегда оказывается. А понеже они въ сердцахъ своихъ, нѣчто лутчее суетныхъ утѣхъ чувствуютъ; то, на свѣтское безумство, очень мало смотрятъ. За сіе упадаетъ на нихъ ненависть безумныхъ; а рѣдкая ихъ добродѣтель, востритъ на нихъ же зубы, злораднаго множества въ подломъ народѣ. По сему, нимало недивно; что лутчіе и добродѣтельнѣйшіе люди, горшія за то бѣды отъ свѣта сего терпятъ: что зборище злыхъ и лукавыхъ, никакого блага снести; а добродѣтельныхъ людей, передъ глазами у себя видѣть не можетъ. Это уже знакъ подлинной добродѣтели; ежели гурьба злыхъ людей, одного человѣка не навидя гонитъ. Перьваго вѣка Христіяне, жестокое на себя гоненіе Цесаря Нерона, для того за честь себѣ почитали: что [по слову Тертуліянову] такіе мучители и безчеловѣчные уроды, одну только чистую добродѣтель, въ крайнемъ омерзѣній имѣть долженствовали. Сократъ; по изреченію Оракула отъ языческихъ боговъ, премудрѣйшимъ человѣкомъ названъ. Въ домѣ; бѣшеная жена его Ксантипа всякой часъ безпокоила, а внѣ двора, напрасно ненавидящіе Афинцы, сегожъ добродѣтельнаго мужа безвинно ругаючи, и на конецъ въ тюрьму посадя, ядомъ уморили. Мудрость съ безуміемъ, отъ начала свѣта до нынѣ, помирится не можетъ: и во вѣки у нихъ мира не будетъ. А понеже безуміе сильнѣе мудрости, то оно всегда ея утѣсняетъ. Неправедное гоненіе на многихъ въ древности добродѣтельми славныхъ мужей, ясно кажетъ; чего подобныя имъ въ добродѣтеляхъ люди, отъ злостей лукаваго свѣта ждать имѣютъ? И нашихъ времянъ злоба, много добродѣтельныхъ людей по мытарствамъ водитъ: а это уже великое щастье, когда съ добродѣтельными людьми, при слѣдующихъ Эпиктетовыхъ словахъ останется. Желаешъ ли быть мудрымъ? Готовся къ руганію! Кто по слову божію живетъ добродѣтельно; тотъ будетъ посмѣшищемъ коварнаго свѣта;

которой добрыхъ ругая, межъ собою такъ говоритъ. Посмотрите на враля, и строгова книжника. Онъ то глупымъ житьемъ, и грубымъ ученьемъ своимъ, мѣшаетъ нашему веселью; забавамъ, и щастію. Какое мерзлякъ, тебѣ до того дѣло; что я сію краткую жизнь свою, въ забавахъ да въ роскошахъ окончать хочу? И самъ я не хуже тебя. Подижъ, лови себѣ мухъ; и враньемъ своимъ какъ хочешъ забавляйся. Симъ то комплиментомъ, злой и не праведной свѣтъ сей, добродѣтельныхъ встрѣчаетъ; а смѣхомъ и ругані́емъ, мудрыхъ провожаетъ. Ежели мудрой до конца не претерпитъ, то злыя люди опять его въ томъ ругаютъ что онъ молчитъ и будто уступаетъ, а особливо тамъ; гдѣ богатство да честь, сильнѣе мудраго; и выше всѣхъ его законовъ. Концабъ тому не было; ежелибъ отъ крове праведнаго Авеля, до неповинно пролитой крови новаго завѣта, все то изчислять: что лутчія въ добродѣтеляхъ люди напрасно претерпѣли. Святая вѣра Христова; о произходящей изъ сихъ печалей пользѣ, лутче всѣхъ языческихъ книгъ насъ учитъ. Здравой разумъ человѣку сказываетъ, что въ томъ гораздо больше пользы и внутренняго удовольствія, когда человѣкъ по такой дорогѣ пѣшъ идетъ, которая терні́емъ бѣдъ и напастей усыпана; нежели въ золоченой коретѣ, съ богатымъ экипажемъ ѣдетъ. Хотя сей пространной путь натуральному, тоесть плотскому человѣку безмѣрно пріятенъ: только очень прелестенъ, и въ погибель ведетъ. Всякому человѣку отъ бога на волю дано, пагубную ли онъ роскошъ выбрать, или святую добродѣтель взять: и ей вѣчно послѣдовать желаетъ. Роскошъ безмѣрно человѣка слѣпитъ прелестнымъ, и крайне приманчивымъ весельемъ: а добродѣтель напередъ сказываетъ, что намъ за нѣе нѣсколько времени потерпѣть надобно. Ежели пристанешъ къ злымъ, то ясно увидишъ что забавы ихъ съ печалью, и крайнимъ въ душе смятені́емъ смѣшаны. А буде къ добрымъ людямъ присоединишся, то по краткой трудности, за исполнені́е всякой правды; такое спокойство и радость въ душе своей почувствуешъ, которая все превозходитъ, что въ свѣте ни есть. Когда уже лутчі́е и добродѣтельнѣйші́е люди, въ жизни своей бѣды и напасти терпятъ: то о чемъ печалится мнѣ такому человѣку, которой, ни тысяшной доли мудрости и добродѣтели ихъ не имѣетъ. Предвѣчная; во образѣ божій человѣкомъ явившаяся правда, и безсмертная добро-

добродѣтель, [Христосъ богъ нашъ] больше всѣхъ пострадалъ: а я червь, и муха, малаго снести отрицаюсь. Свѣтъ сей для меня ни когда уже не перемѣнится, да таковъ же золъ и безуменъ останется, каковъ отъ созданія своего по се время былъ. Напраснож мнѣ того и ждать; чтобъ у добродѣтели со грѣхомъ, а у добрыхъ людей со злыми, дружба и любовь здѣлалась. Когда уже на свѣте, ни добра ни зла безъ примѣсу нѣтъ: то великая человѣку отъ такого разсмотрѣнія польза произойдетъ, въ безумствѣль, истиннаго и постояннаго удовольствія больше: или въ мудрости? Хотя у безумія и больше слугъ, однако премудрость, лутчихъ при себѣ служителей имѣетъ. Для чегожъ я за лутчими, и за добродѣтельнѣйшими людьми въ слѣдъ нейду? Они, больше меня добра здѣлали; а зла, хотя и больше моего претерпѣли: только добродѣтель ихъ до скончанія вѣка въ безсмертной славѣ, и памяти пребудетъ: а безумныхъ людей имя, всегда смрадомъ пахнетъ; или уже вмѣсте съ ними вѣчно погибнетъ. Сколь много такихъ злыхъ людей на свѣте было, которыхъ упрямство съ наглостью ослѣпивши такъ укрѣпило, что они великія бѣды и напасти за не правду свою терпѣли? развѣ умъ человѣческой въ томъ одномъ силенъ, что бы насъ къ упрямственному постоянству въ зломъ, такъ сильно побуждать? При такомъ случае человѣку терпѣніе Іовле, а премудрость Саломонова надобна; когда злость съ не правдою такъ насъ одолѣетъ, что злые люди, добра въ дѣло ставить не станутъ. Хотя у добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ Израильтянъ Давида, сердце часто о томъ сокрушалось; что Сауловы придворные, мудраго сына Іессеова, безумцомъ весьма не праведно звали: однако Давидовой добродѣтели, власно какъ золоту; симъ огнемъ клеветъ и ругательства искусясь, очиститься долженствовало. Разсуди безсильной человѣкъ немощь свою, и укрѣпись. Ты отваживаешся за добродѣтель умереть, а того еще стерпѣть не можешъ; что бы кто честь твою тронулъ. Смотри и берегись того, дабы жизнь съ богатствомъ; не крѣпче чести къ сердцу твоему приросла, на такой случай; ежели кто за одно изъ нихъ хватится. Это, весьма естественное дѣло; чтобъ у огня съ водою, а у разумнаго съ безумнымъ, природной противности [Антипатія] быть. Развѣ ты еще сего не вѣдаешъ; что безумной, а притомъ пороками распестренной упрямецъ, добродѣтель за то бранитъ: что

что она пороки его обличаетъ? Для сего то злыя люди, искренность разумныхъ грубостью зовутъ: а доброй и полезной совѣтъ ихъ, безумїемъ величаютъ. Они того и смотрятъ; какъ бы имъ, отъ скучнаго [по ихъ ложному слову и мнѣнїю] дружества и обхожденїя съ добрыми людьми, скорѣе отлучится. Для сей притчины злой человѣкъ ложно думаетъ, будто добрыя люди его ненавидятъ: или уже ложными пороками ихъ обвиняетъ. буде доброй человѣкъ богобоязливъ, такъ злыя люди ханжою, и лицемѣромъ его зовутъ. Ежели добродѣтели свои скрываетъ, такъ атеистомъ величаютъ. Когда правду говоритъ, такъ грубїянъ и невѣжа. буде молчаливъ, то обманщикъ. Ежели ласковъ, такъ льстецъ. Кто воздерженъ и постояненъ, того спѣсивымъ титулуютъ: или уже, обыкновенно про него говорятъ; онъ умничаетъ. Кроткаго глупымъ, а великодушнаго бѣшенымъ имянуютъ. Съ такимъ то не разумїемъ; злыя люди о добрѣ говорятъ, и такъ объ немъ, какъ слѣпые о красках разсуждаютъ. Но сїе уже не сносно, когда они повелѣваютъ; чтобъ и тѣ люди разсужденїи ихъ за праведныя почитали, кои лутче ихъ видя знаютъ; что онѣ со всѣмъ не правые. Въ томъ то все тиранство безумныхъ, что они не только мудрость побороть хотятъ, да такимъ образцомъ себя дѣлаютъ, по которому бы другимъ людямъ во всемъ поступать. Злой обычай свой за такое правило полагаютъ, которому бы всѣ люди не отмѣнно послѣдовали. Кто сїе за не правду признаетъ, или, волю ихъ ихъ хотя въ маломъ чемъ о споритъ: того человѣка титуломъ упрямца, или враля, немедлѣнно обложатъ. Пока эте люди во власти и въ силѣ своей; до тѣхъ поръ съ ними дѣлать, и говорить ничего. Хотя бы представленїе твое такъ праведно и столь ясно учинилось, что бы имъ устыдясь противъ тебя спорить не возможно было: только они правду твою оставя, а на предлагающаго оную жестокимъ стремленїемъ на падши, въ лицо ему скажутъ. Ты правду говоришъ, а самъ не то дѣлаешъ. Симъ коварнымъ способомъ только того ищутъ, что бы пороки свои какъ можно скрыть. Хотя подлинно увидятъ, что ты правдою и добродѣтелью живешъ: однако по злобѣ и по обыкновенному невѣрїю своему, такъ скажутъ. Все это обманъ; и притворство. Кто на разсужденїе такихъ злостныхъ безумцовъ положится, тотъ никогда и никакого добра не получитъ. И ты въ томъ согрѣшишъ, ѐжели правду только для того дѣлать станешъ,

нешь, чтобъ люди её видѣли; а тебя хвалили. Когда уже всякое добро, само собою любленія, и славы отъ рода человѣческаго достойно: такъ весьма несправедливо будетъ, ежели человѣкъ для одного себя и ради собственной славы, добро дѣлать станетъ. Сему золоту; надобно сквозь огнь неблагодарности, ругательства, гоненія, и ненависти прошедши: симъ опытомъ, и этою крѣпкою пробою, отъ всякаго примѣсу вреднаго самолюбія очиститься. Ежелибъ на добродѣтель много охотниковъ было; тобъ она подлымъ, и надмѣру дешевымъ товаромъ здѣлалась. Но сіе, всего на свѣтѣ честнѣйшее сокровище, многія годы въ слипкахъ забвенія до тѣхъ поръ лѣжитъ; пока одинъ прямой охотникъ, и доброй знатокъ на него выищется. Для сей притчины, не сердись на такихъ людей; которые тово не хвалятъ, чего сами не знаютъ. Они потемному разуму, и похудому понятію своему, одно то любятъ и хвалятъ; что ихъ развращеннымъ мыслямъ мило, а слѣпымъ чувствамъ пріятно кажется. Между ими и тобою такое различіе, что ты истинное и вѣчное благо любишь: а имъ то пріятно, что ложной видъ не прямой доброты имѣетъ. Ты ихъ своею помощію исправь; или уже въ прежнемъ невѣденіи, къ дальнему сихъ людей заблужденію, и къ неизбѣжной погибели: безъ всякаго вреда оставь. Безъ сего бы труда немалое тиранство было, ежелибъ ты того потребовалъ: что бы всѣ эте люди, тебѣ во всѣмъ послѣдуючи, одного съ тобою мнѣнія были. О слѣпомъ люди жалѣютъ, что онъ видѣть; а о хромомъ, что ходить не можетъ. Но сіе рѣдко кто здѣлаетъ, чтобъ слѣпого за руку взявъ, а хромова въ коляску къ себѣ посадя, въ домъ его или въ то мѣсто отвести; куда онъ пожелаетъ. Тебѣ вкусны щи, а другому каша смачнѣе кажется. Для чего ты хочешь такимъ людямъ насильно лѣкарство давать, которые о себѣ думаютъ, будто они со всѣмъ здоровы? Ежелибъ съ Ераклитомъ о безумій всякаго человѣка плакать, тобы со слезъ ослѣпнуть надлежало. А буде бы кто о вредѣ, и о погрѣшностяхъ другихъ людей, съ Демокритомъ смѣяться похотѣлъ; тотъ бы скоро со смѣху умеръ. Мстить ли имъ думаешь? Это женское дѣло. Ненавидѣть ли ихъ хочешь? Такъ это зло. Презирать ли ихъ станешь? Такъ въ гордость впадешь. Буде ругать ихъ начнешь; то, обиду и безчестіе имъ здѣлаешь. Принуждать ли ты ихъ намѣренъ? Такъ это мученіе, и тиран-

тиранство будетъ. Лутче сихъ людей исправь, или уже сноси погрѣшности ихъ. Добродѣтель, имѣетъ въ себѣ особливую красоту; и чудную къ тому силу, что бы человѣка у людей въ любовь привести. Кому она не вкусна, тѣ люди не мщенія или ненависти, да сожалѣнія достойны. Самое человѣколюбіе необходимо того требуетъ, что бы заблуждающему прямую дорогу указавши: въ хожденіи по ней, полную волю ему дать. Не завидуй же мнимому благополучію, на одинъ только видъ щастливыхъ людей, а ложнаго и суетнаго ихъ мнѣнія, отнюдь не перебивай. Они отъ сего только ту пользу имѣютъ, что бѣдность и печаль до тѣхъ поръ ихъ ждетъ, пока они отъ сего глубокаго сна пробудившись, о безуміи своемъ сердечно жалѣть начнутъ. Нынѣшнее твое объ нихъ жалѣніе не такъ имъ горько, какъ та ихъ собственная о себѣ печаль въ то время несносна имъ будетъ, какъ совѣсть возбудясь; непрестанно мучить ихъ начнетъ. Иные коварные люди для того тебѣ зло дѣлаютъ, что ты за всякую обиду, и за каждой нападокъ сердишся. Ежели ко всему чувствителенъ будешъ, то нападчику своему способъ къ тому подашъ, что бы онъ тебя обидѣлъ: а злость ево тому станетъ веселится, что ты обо всемъ гнѣваешся. Тебѣ можно тотъ стыдъ про себя уберечь; дабы такихъ людей не порицать, за которыми только и дѣла, что во всю жизнь свою сами себя ругаютъ. Ежелибъ все ихъ обхожденіе не всегдашнее посмѣшище, или не сатирическое ругательство самихъ себя было: тобъ еще люди могли ихъ простить. По сему, другова тебѣ дѣлать нѣчего; какъ на оборону отъ сихъ во тмѣ преходящихъ огненныхъ стрѣлъ, и отъ мороваго душе твоей повѣтрія: противнымъ ядомъ, часто вооружатся. Императоръ Маркъ Аврелій отъ такихъ злостей, всякое утро новыми разсужденіи боронился. Буде и ты того же опасаешся; то, сими полезными мысльми самъ себя успокоивай. (1.) Какъ бы ты злыхъ людей ни любилъ, а имъ тебя до тѣхъ поръ ненавидѣть; покамѣстъ ты, злостямъ ихъ противиться станешъ. Развѣ тебѣ чужой порокъ помѣшаетъ, добродѣтели исполнять? Или для того хочешъ перестать любовнымъ, кроткимъ, долготерпеливымъ, праведнымъ, и разумнымъ быть: что другія люди злы, ненавистники, завистливы, злобны, лукавы, неправедны, и безумны? Развѣ думаешъ

ешь, будто тебя такой человѣкъ повредить можетъ; отъ котораго ты никогда злѣйшимъ не здѣлаешся? Для чего злымъ нравамъ другихъ людей, твой доброй нравъ повредить? Дай время злобѣ ихъ укипѣть. Они напослѣдокъ сами умякнутъ, или уже вовсе згорятъ. (2.) Не смѣшноль это? Тебѣ можно злость свою отмѣнить; а ты не только не препятствуешъ, да еще потакаешь ей? Чужой злости помѣшать не можешъ, а не хочешь ея на глазахъ у себя видѣть? Когда самъ ты себя, всякими способы выкручаешъ; такъ для чего другихъ людей извинить, или по крайней мѣре имъ того дозволить не хочешъ, чтобъ они себя сами оправдали. (3) Сносижъ чужія пороки; такъ и другіе люди, твои погрѣшности сносить станутъ. На томъ уже свѣтъ стоитъ. Изъ противныхъ между собою вѣщей, одному другое сносить надобно. Симъ противнымъ смѣшеніемъ, цѣлой свѣтъ содержится. (4.) Какъ много и часто ты бога грѣхами своими прогнѣвляешъ, и онъ тебя какъ щагося милосердо прощаетъ; а ты людей ни въ маломъ простить не хочешъ. (5.) Не лутчель тебѣ, не правду и обиду отъ людей терпѣть: а самому ихъ ни чемъ не обидѣть? (6.) Злымъ людямъ на свѣте, также быть надобно; какъ черному подлѣ бѣлаго. Твоя добродѣтель, ихъ пороками оказаться должна. Какъ бы ты терпѣнію, безъ ихъ супротивленія; кротости, безъ гнѣва сихъ людей; а любви къ ближнему, безъ ненависти ихъ научиться могъ? Ихъ невоздержность, учитъ тебя цѣломудрію. Ихъ безчеловѣчіемъ, научаемся человѣколюбію. Отъ ихъ лжи, долженъ ты учиться правдѣ. Отъ вертопрашества ихъ, учисъ постоянству и вѣрности: а отъ безумія и своенравства чужова, должно намъ навыкать употребленію здраваго разума. Для чего ты жалуешся на такихъ людей; которыхъ безумство, тебя разуму учитъ? Они слѣпы, а ты хочешь что бы зрячи были! Буде они по своему обыкновенію живутъ, то ты своему нраву послѣдуй. Имъ такія мнѣніи надобны, которыми бы эти люди, дѣла свои оправдать могли. Когда они о дѣлахъ своихъ жалѣть и раскаиваться начнутъ, тогда умъ ихъ и самъ исправиться. Не упрямсяжъ! И не требуй того, что бы рысь не пестра была. Чтобъ терновникъ не кололся; чтобъ у змей яда не было; а тотъ бы человѣкъ добръ былъ; кто золъ родился, и зло дѣлать съ малу привыкъ. (8.) Кто

отъ

отъ человѣчества удалится, тому стыдно; а кто бога прогнѣвалъ, тотъ бещастенъ. Всемогущій Творецъ, Фіалы гнѣва своего долготерпѣливо носитъ; а ты не хочешъ малаго стерпѣть? Имрекъ хочетъ въ воду броситься. Кто ево держитъ? Тебѣ съ нимъ другова дѣлать нѣчего, какъ только о безумствѣ сего человѣка жалѣть, а о спасеніи души ево бога молить. (9.) * Аще оставиши безумна и нечестива; оладѣетъ, и травою поростетъ весь. И будетъ яко засыпаный кладезъ оставленъ, и огради его каменьніи разкопаются. Чтожъ тебѣ дѣлать; дабы сей внутрь тебя живущей колодезь всегда чистъ, ни чемъ не оскверненъ, и не засыпанъ былъ? Всегда о томъ стараться; чтобы простосердечнымъ, равнодушнымъ, добрымъ, и честнымъ человѣкомъ быть. (10.) Никто безъ вины своей, обруганъ не бываетъ. Честь добродѣтельнаго человѣка не въ чужой хвалѣ, и не въ людской славѣ; но весьма глубокое коренье имѣетъ. Она ростетъ въ сердцѣ, а разпространяется въ потомкахъ. (11) Ежели ты самъ въ себѣ добръ, то никогда худымъ отъ того не здѣлаешся; что люди тебя ругаютъ, и злословятъ. Верьхи высочайшихъ горъ, подъ чистымъ небомъ такъ безопасно стоятъ; что ни молнія, ни громъ, ни дожжъ, ни градъ, ниже вѣтры съ бурями, ничего имъ здѣлать не могутъ. Великой на Христіянъ гонитель Римской Цесарь Домитіянъ, изгнаннаго Аполлонія спросилъ. Кто тебѣ помощникъ, и защититель будетъ? Аполлоній, ему отвѣчалъ. Духъ божій, время, и любленіе мудрости. Во истинну! Великія помощники. Рѣчи ихъ, сильнѣе крику ругателей; а слова сихъ защитниковъ такъ проницательны, что страданіе неповинной добродѣтели, до скончанія вѣка славно; а роду человѣческому любезно пребудетъ (12.) Я знаю! Ты разумно и праведно упрямъ будучи, кромѣ почитателей истинной добродѣтели, ни отъ кого любимъ быть не хочешъ. Изволь же готовиться къ ругательству нечестивыхъ, и неповинную добродѣтель всегда гонящихъ людей: а такимъ отнюдь не угождай, кои сами собою не довольны. Буде желаешъ злыхъ людей побѣдить; то душу твою терпѣніемъ скрѣпивши, войди внутрь себя. Въ этой казенной палатѣ духа божія столько дѣла найдешъ, что о другихъ людяхъ и подумать не успѣешъ: а сіе, напомянутъ тебѣ слѣдующіе строки. Хотя бы ты по Геркулесову, или по Тезееву примѣру;

* Притчей Саломон: глава 24.

мѣру; родъ человѣческой отъ змѣи, отъ монстровъ, или отъ поганыхъ чудищъ очистить могъ: однако выгони прежде изъ собственнаго сердца ту страшную змѣю, которая тебя печальми да роскошьми, очень часто язвитъ. Какое до другихъ, людей тебѣ дѣло? Гордой ругатель, взгляни на себя. Вошедши въ свое сердце, вымети изъ него весь соръ и нечистоту. Выбрось изъ себя суету, и грязь злыхъ страстей; страхъ, печаль, скуку, злобу, и ненависть; скупость, гордость, зависть, и лакомство: а вмѣсто ихъ наполни сердце твое добродѣтельми. Не трогай сучка въ одномъ глазу ближняго, да вынь прежде по бревну изъ обѣихъ глазъ твоихъ. Буде то не пользуетъ, такъ молчи! Богъ, всепремудро и праведно дѣлаетъ. Онъ праведныхъ любитъ, а грѣшниковъ милуетъ. (13.) Развѣ еще ты въ добродѣтели не такъ крѣпокъ, чтобъ тебя люди однимъ противнымъ словомъ, или непріятнымъ взоромъ озлобить могли? Или уже ту честь безумцамъ уступить хочешъ, что бы имъ уподобиться? Пускай они подобное себѣ любятъ; а ты будь разуменъ, и дѣлай правду. То самое Царское дѣло; чтобъ добро всегда дѣлать, а злословіе и ругательство, великодушно терьпѣть. (14.) Ежели праведной къ нечестивому въ домъ пришедши разумно поступаетъ, то хозяина къ не праведной на себя злобѣ, великою силою потому неволитъ: что злыя не только видѣть, но и слышать тово не могутъ, что другія люди добрыми становятся: а усмотрѣвши сіе, тогожъ часа огнемъ злобы загараются. Ненависть, злоба, и зависть; всякой добродѣтели такъ власно противится, какъ тьма свѣту. Въ злыхъ нравахъ то перьвое, и самое ехидное свойство: что бы добродѣтель ненавидя гнать, и какъ можно ей препятствовать. (15.) По слушай злорадной гонитель, добродѣтели мудрыхъ словъ славнаго язычника; и постыдисъ о безумной злобѣ твоей. Злыя люди [пишетъ Сенека о блаженной жизни] въ томъ пользу свою признаваютъ; чтобъ никого добрымъ, кроткимъ, и праведнымъ не признавать. Они не напрасно думаютъ, что признаніе чужой добродѣтели, всѣ ихъ пороки посрамитъ. Оставьте эту злую мысль! Добрыя люди, ни въ чемъ съ вами не равны. Они, во первыхъ не скупы. Крови и корыстей не желаютъ: гордости, лжи, и обидъ не знаютъ. Подобныхъ вамъ злыхъ людей не вредятъ, и ни чемъ до васъ не касаются.

касаются : а вы имени ихъ слышать не хочете. Што же вы за люди, и кто таковы; што про одно имя добродѣтельныхъ, помянуть вамъ не льзя? За што вы все то страшнымъ злословіемъ ругаете; што безумію вашему уподобляться не хочетъ? (16.) Какое вамъ до того дѣло, что добродѣтельные люди не все, и не всегда по словамъ своимъ исполняютъ? Довольно того, что отѣ честные люди; добрыя мысли, и благое намѣреніе имѣютъ. Ежелибъ они все то дѣлали, что имъ добро и право кажется: тобъ не только добродѣтельные, но и во всемъ совершенныя люди были. Для чево ты разумные слова ихъ опровергать, а честное сихъ людей сердце за то ругать хочешъ: что оно доброю волею, и полезными намѣреніями преисполнено? Въ великихъ дѣлахъ; не только самое дѣйство, но одно благое произволеніе со истиннымъ намѣреніемъ, всякой похвалы достойно. Я свою смерьть, не боязненнымъ сердцемъ встрѣчу. Ни печаль, ни труды, отъ того меня не удержатъ; чтобъ я тѣлу своему постояннымъ великодушіемъ помощи и укрѣпленія не подалъ. Я твердо намѣрился; нынѣшнее свое богатство такъ презирать, какъ бы ево никогда у меня не бывало. Ежели оно опять ко мнѣ въ руки придетъ, то никогда меня гордымъ не здѣлаетъ: а буде ево не получу, то объ немъ во вѣки печалиться не стану. И щастіе, таково же мнѣ равно. Придетъ ли оно ко мнѣ, или опять отъ меня уйдетъ: это мнѣ все едино. Вся земля, общее мнѣ отечество. Я хочу такъ жить, какъ бы для людей родился. Имѣнія моего, ни скупостью умножать; ниже не воздержностью расточать, отнюдь не хочу. Собственнымъ своимъ, только то почитать стану; что я праведными способы, и трудами рукъ своихъ нажилъ. Што я на добраго и достойнаго человѣка употреблю, тѣмъ никогда убыточенъ не буду, и сего за скудость себѣ отнюдь не почту. Для суетной похвалы, ничево не дѣлаю; но все по доброй совѣсти исправляю. Ѣства и питье у меня, долженствуетъ быть по нуждѣ натуры моей. Съ друзьями своими, стану я любовно обходиться. Потщусь имъ, прежде прозьбы ихъ служить. А до нужды и до бѣдности, всею возможностью допускать ихъ не стану. Со врагами моими, кротко и человѣколюбно поступлю. Хотя Сенека, все сіе дѣйствительно исполнялъ; однако Цесарь Неронъ его не навидѣлъ.

видѣлъ. Враги сего Философа до тѣхъ поръ гнали, пока его уморили. Гонитель, и гонимой; оба должны умереть. О чемъ же мнѣ и печалиться?

51.

Постоянное терпѣніе.

По что намъ бога обвинять? Онъ лутче насъ вѣдаетъ, что намъ нужно и полезно. Для чего злыхъ людей проклинать? Они то ненавидятъ, что съ ними не сходно. Къ чему намъ нетерпѣливостью своею, нещастіе наше отчасу больше умножать? Оно еще намъ сносно. По что человѣку на свѣтъ сей жаловаться? Онъ, по своему обычаю поступаетъ. Не дадимъ же себя, собственному нашему мнѣнію въ обманъ. Человѣкъ, одно только тлѣніе теряетъ. Повинемся воли и провидѣнію Всемогущаго. Терпѣніе, всякую печаль облегчаетъ. Все то съ радостью претерпимъ, что мы терпѣть должны; или грѣхами своими праведно заслужили. Это уже извѣстное дѣло; что противу рожна прать не возможно. Примемъ всякую печаль съ великодушіемъ, дабы намъ не здѣлаться такимъ судномъ; которое отъ малаго прикосновенія къ камню, немедленно объ него разбивается. Вспомни Каланово постоянство, а Сократову смерть; о чемъ Горанцій слѣдующее пишетъ. Которое нещастье, злыхъ людей сердца сокрушаетъ; то спокойства душъ добрыхъ, отнюдь не трогаетъ. Сей покой, избираетъ доброе; а лутчаго на свѣте всею крѣпостью держится. Хотя народное ругательство и гордыхъ тирановъ мученіе, на покой нашъ какъ на злѣйшаго врага наступаетъ; только онъ ни грозъ, ни мукъ, ни лютейшей смерти не боится. Сими Горацієвыми словами, Корнелій Витъ въ мученіи своемъ укрѣплялся, и претерпѣвая раны, этѣ стихи безпрестанно говорилъ. Намъ отъ самаго искусства познавши, сему научиться можно было: что не случай, и не припадокъ, да одна упорная нетерпѣливость насъ мучитъ. Она то нещастью на и болѣе противится, а безпокойной нравъ нашъ: желчъ, и полынной сокъ, въ случаи жизни человѣческой мѣшаетъ. болѣзнь въ то время больше умножается, когда мы еѣ убѣгаемъ. Для чего мнѣ съ такою долею бороться, которая гораздо сильнѣе меня? По што мнѣ чрезъ нетерпѣливоть свою, сносное не щастье тяжчайшимъ игомъ дѣлать? Для чего я роптаніемъ моимъ Всеблагаго, а во обѣтованіяхъ своихъ паче всѣхъ

всѣхъ человѣкъ вѣрнейшаго бога прогнѣвляю? Какая мнѣ отъ сего помочь; когда я того не терплю, что терпѣть долженъ? Я не сумнѣнно вѣрую, что мнѣ безъ воли милосердаго бога, никакой худобы здѣлатся не можетъ: а того понять отрицаюсь, что сія печаль къ лутчему мнѣ клонится? Моихъ дѣтей, за не послушанiе наказываю; а своимъ не терпѣливымъ противленiемъ, лозу Всеправеднейшаго Отца Небеснаго; отъ себя отвратить думаю? Не лутчель мнѣ печаль свою такими разсужденiями облегчить, отъ которыхъ произходитъ терпѣнiе? Сталъ ли бы тѣсной башмакъ ногу мою давить, ежелибъ я ево своими руками на ногу себѣ не встянулъ? Сильной вѣтръ за тѣмъ тростника не ламаетъ, что тросникъ нагибаючись къ землѣ клонится. И я бы въ себѣ гораздо спокойнѣе былъ, ежелибъ жестокимъ бурямъ не щастiя уступалъ: а отъ гоненiя бы разумно уклонялся. Упрямой робенокъ часто о томъ плачетъ, што ему воли не даютъ. Что болѣе мать ево тѣшитъ, то больше блажной робенокъ кричитъ и надсѣдается. А какъ скоро отецъ на сей вопль пришедши, крикуна своего плѣтью или лозою хорошенько высѣчетъ; то дурное дѣтище ево, и ревѣть перестанетъ. Всѣ такiе люди этому своенравному робенку подобны, которые въ не щастьѣ своемъ безмѣрно плачутъ, и безразсудно крушатся. Што ты себѣ слезами пособишъ? Ничево! Только што наказанiе свое умножу. Своевольная природа до тѣхъ поръ успокоится не можетъ, пока ее больше не побьютъ. Для сего то на роптательную нетерпѣливость, больше нужды и бѣды накладывать должно. Къ отвращенiю сего постараюсь я о томъ, что бы мнѣ всѣ душевныя силы свои собравши, всякими способы просебя утѣшать. Уподоблюсь я такимъ художникамъ, которые изо всякаго дерева то дѣлаютъ, что изъ него здѣлать можно. Во время сильной бури, и темной тучи; стану уповать дражайшаго ведра, прiятной тишины, и солнечнаго сiянiя. Изъ горькихъ травъ терьпѣнiя моего; чистительное лѣкарство просебѣ здѣлавши, самъ я себѣ скажу Этотъ порошокъ, отъ такой; а эта мазь, отъ другой болѣзни. При семъ еще то вспомню, что после сей горести, и малѣйшее удовольствiе печальному человѣку, выше мѣры прiятно бываетъ. Симъ способомъ душу свою успокоивши, въ добродѣтель терпѣнiя облеку. Сiе послушанiе Всемогущему, угоднѣе жертвъ и всесожженiя будетъ. Онъ терпѣнiя учитель, на

труди

труды мои съ милосердіемъ призритъ. Ты блаженное терпѣніе! Учини меня господиномъ и обладателемъ страстей моихъ; дабы онѣ, не подали мнѣ новаго случая къ печалямъ. Вѣйте около меня, скорбей и печалей жестокія вѣтры. Шумъ вашъ не погубитъ, и не устрашитъ меня. Я нашолъ себѣ такой вертепъ, гдѣ вы меня ни поколебать, ни озлобить не возможете. Сего дня вы шумите и свищете, а завтра повелѣніемъ Всемогущаго Творца, всѣ утихнете. Что безпокойной свѣтъ, спокойному духу здѣлаетъ? Ежели я внутри себя спокоенъ, што мнѣ наружное щастье здѣлать можетъ? Терпѣніе; утѣшаетъ меня истиннымъ любленіемъ добродѣтели, великодушіемъ, и доброю совѣстью. Этѣ важнѣйшія пользы, всякую печаль превышаютъ. И то еще статься можетъ; что горесть болѣзней тѣлесныхъ, душевное исцелѣніе производитъ. Мнѣ свое время, гораздо на лутчія вѣщи, нежели на суетную печаль употребить можно. Такихъ людей на свѣте премногія тысячи, кои несравненно бѣднее меня. Въ свѣте ничего чрезвычайнаго, и не обыкновеннаго нѣтъ. Всякой человѣкъ свою печаль, и ежедневную заботу имѣетъ. Лутчіе на свѣте люди, хуждьшее воздаяніе имѣютъ. Легко статься можетъ; что я гораздо больше того нещастья достоинъ, которое нынѣ терплю. Мнѣ кромѣ не обходимой нужды, никакія излишества не надобны. По што же намъ, не нужнаго желать? Человѣку безъ великаго богатства, гораздо безопаснѣе. безъ высокаго чина, въ сотеро свободнѣе; а безъ великой тягости, несравненно легче тово: какъ безмѣрное бремя печалей и суетъ, на плечахъ своихъ нести. Мнѣ случилось на рыбака смотрѣть, которой сѣти свои многажды закидывалъ; только кромѣ снятковъ и мелузги, ни одной крупной рыбы не поималъ. Я, на него смотря скучилъ; а ему въ безплодной ловлѣ своей, ни малой скуки не было. Не все вдругъ удается. Человѣку надобно ждать, и смотрѣть времени. Гдѣбъ мы ни были, и что бы ни дѣлали; только притчины бѣдъ нашихъ вездѣ, и всегда съ нами. Для того должно намъ въ оборону отъ нетерпеливости, какъ отъ главы всѣмъ симъ притчинамъ: укрѣпить себя твердымъ намѣреніемъ къ терпѣливому сношенію того, чево перемѣнить не льзя. Какъ бы мы отъ бѣдъ ни бѣгали, только никуды отъ нихъ не уйдемъ: по объявленію товожъ Горація, въ слѣдующихъ строкахъ. Каковыбъ твои стѣны

крѣпки

крѣпки ни были; только печаль, и сквозь камень пройдетъ. Она проползаетъ въ высокія палаты; разбиваетъ шлемы, и стальныя латы. Не уйдешъ отъ неѣ въ крѣпость, не запрешся и въ башню. Хотя бы ты домъ себѣ на морѣ построилъ; такъ горе да печаль, и тамъ тебя сыщетъ. Горе отъ человѣка ни гдѣ не отстанетъ, хотя бы ты пѣшъ шолъ; верьхомъ, или моремъ ѣхалъ. Мѣшаетъ намъ спать на мягкихъ перинахъ, сыщетъ и въ каютѣ по среди Океана. До тѣхъ поръ за тобою гоняется; пока изъ ума выложишъ всю свою печаль, а горе забудешъ. Положась на бога, предайся терьпѣнію. Съ тебя и того времени довольно, которое сей день и сей часъ носишъ. На што тебѣ печалиться о не извѣстномъ утрѣ? Пускай оно собою, и о своемъ печется; а тебѣ полно будетъ сегоднишной тягости. Перестань мое сердце печалью съѣдаться. Укрѣпись терьпѣніемъ, веселись ты надеждой. Ничего на семъ свѣте совершеннаго нѣтъ. Не погода ли грозитъ, съ бурею жестокой? Терпи, и уповай солнечна сіянія.

52.

Надежда.

Всѣ не щастій въ жизни нашей таковы; что человѣка скоро погубляютъ, или надеждою лутчаго времени веселятъ. Предвѣчная божія мудрость, сей твердой якорь душе человѣческой на то даровала; дабы мы въ жестокихъ буряхъ бѣдъ своихъ, онымъ укрѣплялись. Надежда, вседневная пища всѣмъ страждущимъ: а отъ жизни нашей, ни чемъ не раздѣльна. Мы въ лотерѣю много денегъ кладемъ съ такою надеждою, что въ сотеро больше того выиграемъ. Бѣднѣйшей человѣкъ, въ такой надеждѣ горести свои терьпитъ; а вослибо печаль его минувши, въ радость обратится. Иной; для того себя мыслью и мнѣніемъ обманываетъ, чтобъ ему одну надежду чувствовать. Нѣкоторой человѣкъ, просилъ Министра о сумнительномъ дѣле. Но увидя, что едва ли сему здѣлаться; на конецъ Вельможе сказалъ. Пожалуйте милостивой государь меня только увѣрьте, я и тѣмъ доволенъ буду. Хотя бы надежда подлинно насъ обманула, однако человѣкъ, со всѣмъ тѣмъ еѣ любитъ. Хотябъ она тысячу разъ ему солгала, только человѣкъ обыкновенно говоритъ. Еще надежда есть. Видимъ какъ упованіе въ глазахъ насъ прельщаетъ; но сладкая его надежда,

глаза нам закрываетъ. Она тому причиною; что бергманъ [рудокопъ] въ глубочайшей ямѣ, а каторжной на цѣпи сидя веселится, и пѣсни поетъ. Якорь ея; премногія тысячи тѣхъ бѣдныхъ людей, между свирѣпейшихъ волнъ трудной жизни толь твердо держитъ: что хотя они волнами и оборачиваются, однако не тонутъ; но безпрестанно спокойнаго дня, и тихой погоды ждутъ. Когда надежда, [чрезъ сей способъ] въ щасттїи болѣе мученїемъ; а въ нещастїи, утѣшенїемъ человѣку бываетъ: то для чего намъ сїю благую склонность, къ облегченїю собственной природы въ настоящихъ бѣдахъ и въ напастяхъ своихъ не употреблять? Хотябъ мы въ чемъ и обманулисъ; такъ пускай этотъ обманъ, лутче отъ надежды облегчающей бѣдность нашу, нежели отъ того ложнаго мнѣнїя, и жаромъ кипящаго мечтанїя произойдетъ; которое человѣческїя печали, и напасти умножаетъ. Христїянство, въ этомъ случаѣ; вторичную, и всякъ умъ превозходящую пользу намъ приноситъ. Оно человѣческую печаль; не только твердою надеждою, но крѣпкою вѣрою, и всегдашнимъ прибѣжищемъ къ щедротѣ Господни; также несумѣннымъ упованїемъ на милость и на всесильную помощъ всемогущаго бога, неизреченно облегчаетъ. Весьма человѣку не пристойно; на малую суету великую надежду возлагать. Къ этой росписи, вся земная слава принадлежитъ. Кто праведно уповать желаетъ; тому надежду свою не на безсильную тварь, но на Всемощнаго Творца возложить должно. Сїя надежда, потому разумнымъ упованїемъ начаться имѣетъ; что она утверждается на природной склонности къ содержанїю себя. Кто желаетъ разумно содержатся, тому ненадобно самого себя безумно любить. Ежели иначе поступитъ; то отъ сего худова лѣкарства сердце у человѣка заболитъ, а особливо тогда; какъ онъ якорь надежды своей въ сыпучемъ пескѣ утвердитъ. Въ этомъ намѣренїи, древнїя Евреи; надежду и безумїе, однимъ именемъ называли для того: что безумство, отъ суетной и глупой надежды родится, а особливо тогда; какъ человѣкъ отъ мудрости удалѣетъ. На послѣднюю мѣру; терпѣнїе наше сильною помощїю надежды, прїятную перемѣну получаетъ: а человѣкъ, упованїемъ время выигрываетъ. Сїе всего дражайшее время, производитъ облегченїе въ бѣдахъ и въ злостраданїяхъ нашихъ.

53.

Ежели бремя великихъ печалей человѣку не сносно; то привыканіе къ нимъ, конечно ихъ облегчитъ. За обыкновеніе, всѣмъ страждущимъ въ бѣдахъ и въ напастяхъ ихъ, великая помочь: а сему привыканію, самая не терпѣливость человѣка учитъ. Какъ человѣкъ по долговременномъ самому себѣ сопротивленіи, отъ безпокойства умучится; то не послушаніе такъ ему скучитъ, что онъ отъ жару печалей, какъ воскъ растаетъ: или уже какъ глина отъ огня окрѣпчаетъ. Оба эте состояніи такъ опасны кажутся; что со временемъ въ окаменѣніе, или уже въ отчаяніе обратиться могутъ. Тогдабъ лѣченіе, хуже болѣзни было. А изъ сего пользованія, человѣческая задеревенѣлость; или уже конечная пагуба произойти можетъ. Я о такомъ за обыкновеніи говорю, которое человѣка тому учитъ; дабы по времени и по обстоятельствамъ смотря, разумно поступать. Бремя свое по малу, и легкимъ трудомъ до техъ поръ въ движеніе приводить; пока человѣкъ въ состояніе придетъ, сію ношу поднявши, самъ себѣ на плеча положитъ. Какъ Гишпанскіе Министры, о приключившемся Королю своему Филиппу второму двойномъ не щастьѣ стали сожалѣть: то великодушной Монархъ, симъ жалѣтелямъ отвѣчалъ. Хотя ко мнѣ двѣ бѣды въ гости пришли, только и насъ противъ ихъ, двое. Я, да время. Время, носитъ привычку на плечахъ; а обычай бѣшеную лошадь: уздою да временемъ, къ смиренству приводитъ. Время съ обычаемъ, львовъ усмиряетъ; слоновъ и медьведей; по малу укрощаетъ; камни разбиваетъ, а человѣка тому учитъ: какъ печаль свою забывать, или уже терпѣливо нести. Какъ душа со временемъ узнаетъ, что прошлая мнимая забава, не прямое сердцу веселье; то мнѣнія своего о бѣдности по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, очень много убавитъ: подлинно увидя, что это больше мнимая, нежели прямая печаль. Сіе облегченіе, получаетъ душа отъ обычая. Цицеронъ къ брату своему Квинту пишетъ: Мнѣ это утѣшеніе очень велико; когда наглость злыхъ людей такъ меня укрѣпила, что нынѣ уже то и не очень противно мнѣ кажется; о чемъ бы я прежъ сего сильно злобится, или безмѣрною печалью самъ себя мучить могъ. Природа человѣческая понятна, уклончива, и ко всему привыкаетъ.

Такожъ надеждѣ.

Сїя уклончивость съ прїобыкновенїемъ, есть особливой даръ; которымъ милосердое провидѣнїе божїе, ко многимъ бѣдамъ и горестямъ рожденнаго человѣка, такъ предуготовить хотѣло; что бы онъ къ ношенїю всего привыкнуть могъ. Роскошной, можетъ воздержаться; а пьяница, со временемъ вытрезвится. И такихъ людей не мало, которые въ не щастьѣ да въ убожествѣ ласковѣе, смиренье, и гораздо порядочнѣе, нежели въ благоденствїй своемъ бываютъ. Понтской Царь Митридатъ; особливымъ искусствомъ, къ скорому глотанїю отравы и яда привыкъ. Другїе люди къ тижелой работѣ, а третїе къ суровой ѣствѣ: со временемъ привыкаютъ. Натура, симъ по малу произходящимъ облегченїемъ; всему роду человѣческому великую пользу приноситъ. Какъ человѣкъ искусившись со временемъ увидитъ, что иная печаль ему полезна: или по маловременномъ безпокойствѣ, надежду къ щастью ему оставляетъ: то въ рожденное намъ самолюбїе, прїучитъ человѣка къ ношенїю такихъ бѣдъ, которыя ево не умерщвляютъ. божїя сила и премудрость, повелѣла землѣ; на всякую болѣзнь особливыя травы, и цѣлительныя вѣщи произноситъ. Точно такимъ же способомъ, и всякая печаль; особливое въ себѣ утѣшенїе имѣетъ. Какъ нѣкотораго человѣка воры покрали, то онъ по туживши печалится пересталъ. Сосѣдъ на утѣшенїе къ нему пришедши, въ разговорахъ ему сказалъ. Ежелибъ это не щастье твое надо мною здѣлалось, такъ бы я съ горести не зналъ куды дѣваться: а какъ сего утешателя самово обокрали, то онъ разговаривающимъ его отвѣчалъ. Теперь уже и я искусившись въ самомъ дѣле вижу; что печали да напасти, всякому человѣку не избѣжны. Этотъ случай, слава богу еще сносенъ! Дай Господи; что бы горшей бѣды на меня не пришло! Весь родъ человѣческой, къ бѣдности прикованъ. Одинъ золотою, другой серебреною, а третей желѣзною цѣпью. Станемъ же тому учится; какъ эту всѣмъ намъ не избѣжно-общую печаль, Христїянски терпѣть; а о не щастїй своемъ, какъ можно не жаловаться. Потщимся того вожделѣннаго дня терьпѣливно ожидать, которой нечаянно пришедъ, и печальми утѣсненныя души наша изъ темницы тѣла сего свободя: въ блаженную свободу, и въ вѣчную радость преселитъ.

54.

Всякъ легко разсудитъ; что сїе о крайнемъ концѣ жизни нашей, тоесть о смерьти говорено. Какъ мнѣ о такомъ важномъ утѣшенїи не упомянуть, которымъ во всѣхъ минувшихъ вѣкахъ бывшїе разумныя люди ободрялисъ: и въ печаляхъ своихъ, сами себя великодушно утѣшали. Мнѣ не до такихъ развращенныхъ людей дѣло, которые отъ малѣйшаго не щастья скучивши: по злобѣ или съ нетерьпѣливости своей, смерьти себѣ съ великою охотою желаютъ; но отъ приходу ея, трясутся и трепещутъ. Этѣ люди, не подлинно умереть; да одну свою волю исполнить желаютъ. буде къ тому надежда есть; то они естественную смерьть, за горшаго себѣ врага для того признаваютъ, что она ихъ всѣхъ роскошей и забавъ лишить можетъ. Напротивъ того разумныя люди, смерть въщастье своемъ: за обыкновенное, и по естеству за неизбѣжное дѣло почитаютъ; а въ не щастьѣ, за убѣжище отъ всѣхъ бѣдъ и отъ печалей своихъ, праведно признаваютъ. Дѣти, боятся страшной хари; а дѣтскаго нрава люди, смерьти за тѣмъ пужаются, что не на одно не избѣжное разрѣшенїе души съ тѣломъ, да еще на оставленїе всего прїятнаго въ свѣте, черезъ мѣру тороплывыми глазами смотрятъ: а о безконечной жизни будущаго вѣка, никогда не подумаютъ. Въ такомъ мнѣнїи и славнѣйшей Аристотель, смерьть: всего ужаснаго страшнѣйшимъ называетъ. Но сїе представленїе; есть не праведная мысль плотскихъ, и такихъ безумныхъ людей, которые бы по упрямству и по развращенному своенравїю; всю тварь и уставы естества переворотить желали, ежели бы только могли. Этѣ буйственныя головы, хотятъ на семъ свѣте безконечныя вѣки жить, а того не разсудятъ: чтобъ они сами себя проклинать стали, ежелибъ сей временной жизни конца не было. Мы смотря на умирающихъ, должны за то природѣ своей много благодарить; что одинъ другому мѣсто очищая, отшествїемъ своимъ отъ временной жизни, ко умаленїю той бѣдности много способствуетъ: которая бы въ тысячу мѣръ не сноснѣе была, ежелибъ грѣшнымъ, и отъ природы своей злымъ людямъ; на свѣте безконечныя вѣки жить. Человѣку о смерьти своей, безъ всякой чувствительности разсуждать; и также на неѣ безъ страху смотрѣть не должно, какъ живо-

Время, и обычай.

тнѣ

тинѣ на тотъ ножъ, которымъ еѣ со временемъ колоть и рѣзать станутъ. Какъ отъ сего вѣстника разставанію души нашей съ тѣломъ; слабой плоти, и боязливой крови человѣческой не испужаться? Намъ, то больше всего помнить должно; какъ разрѣшеніемъ своимъ, всякія вѣщи очищаются; а изъ видимой кончины ихъ, новая и чистѣйшая жизнь произходитъ: такъ власно и духъ нашъ въ то время прямо жить начинаетъ, когда отъ тѣлесной нечистоты смертью разрѣшасъ, совершенно очистится. Смерьть; прямое исправленіе существу, и всему естеству нашему. Она конецъ той войнѣ, которую умъ нашъ со страстьми: а разумъ, съ чувствами имѣетъ. Смерьть, успокоеніе тѣмъ противнымъ движеніямъ; которыя въ человѣке отъ страстей вовбуждаются. Она праздникъ, и день покоя всѣмъ печалямъ духа; и попеченія человѣческаго о тѣле своемъ. Смерьть, разрѣшеніе того состава; которой изъ бещисленнаго множества малѣйшихъ частицъ, отъ природы сложенъ. Смерьть есть разсыпаніе о слабѣвшихъ Элементовъ; [стихій] дабы онѣ другое, и новое тѣло произвесть могли: а душа, какъ божественное и не кончаемое существо; къ безсмертному и превѣчному началу, тоесть къ богу своему, въ духовное отечество возвращается. Ежели дѣтское мнѣніе отъ смерьти отнять; то она такое чистое дѣло природы, и не обходимое дѣло естества; которое къ человѣческому исправленію, и ко обновленію цѣлаго свѣта служитъ; а слѣдственно ничево страшнаго, и злова въ себѣ не имѣетъ. Ежели умной человѣкъ, часто о семъ помнить станетъ; то смерьть ему утѣхою, и даромъ природы покажется. А безразсудному человѣку, преужаснымъ страшилищемъ себя являетъ. Императоръ Маркъ Аврелій пишетъ. Вспомни, какъ давно ты сихъ разсужденей не имѣлъ; и сколь часто тѣми случаями непользовался, которые самъ богъ въ руки тебѣ подавалъ? Нынѣ уже время тебѣ о томъ подумать, къ которому ты свѣту принадлежишъ? Еще помяни; что ты отъ того духа произошелъ; которой всѣмъ свѣтомъ владѣетъ. Не забудь же и того, что жизни твоей предѣлъ положенъ. Ежели ты сей жизни на успокоеніе себя употреблять не станешь, то вѣдай себѣ; что время во мгновеніе ока улѣтитъ. Тебя съ собою унесетъ; а на задъ, во вѣки не возвратится. Частое напоминаніе о смерьти, за прямую дорогу къ истинному благополучію для того почитать должно; что оно всякому человѣку сущую о немъ правду сказываетъ, чего, и

какихъ

какихъ пользъ ему отъ злова, отъ прелестнаго, и отъ суетнаго свѣта сего ждать? Мы это ежедневно видимъ, что на свѣте все одно: и все по прежнему дѣлается. Для сего то намъ видимая суета, не только скоро скучна: но по маломъ времени о мерзѣвши, гадка становится. Долго ли мнѣ не здоровыми ѣствами насыщаться? Долголь намъ на одно безумство, и на туже злость непостоянныхъ людей смотрѣть. Человѣку совершенно скучится, ежели на одну комедію трожды посмотритъ. Это, отъ начала свѣта прямое мнѣніе лутчихъ: и разумнѣйшихъ людей было. Которые изъ нихъ бещастнѣйшіе были, тѣ уже заблаговременно радовались, когда только кончину всякой плоти: [смерть] какъ безопаснѣйшее себѣ убѣжище естественно почувствовали, или издалече увидѣли. Всѣ мы на свѣте странные, и пришельцы. По что людямъ на скуку, и на печаль маловременнаго странствованія своего смотрѣть? Путышествующимъ въ карчму пришедъ, или на постоялой дворъ пріѣхавши; надобно тѣмъ довольнымъ быть, что у хозяина сыщется. Мы въ тѣ поры довольны, и совершенно спокойны будемъ; когда домой пріѣдемъ. Человѣку въ маловременной жизни своей, никакой печали близко къ сердцу допускать не надобно: да по примѣру комедіянтовъ поступать надлежитъ. Они свою персону свободно, и безъ всякаго пристрастія представляютъ. Плачутъ, а не печалятся. Купятъ, и продаютъ; а у самихъ ничево нѣтъ. Повелѣваютъ безъ власти, и безъ любоначалія. Сердятся, безъ гнѣва; а наказываютъ, безъ злобы и безъ мщенія. На конецъ, персону свою вмѣсте съ платьемъ скинувши; безъ гнѣва, безъ печали, и безъ всякой жалобы, весело низполагаютъ. Щасливыбъ мы были, ежелибъ по примѣру странныхъ и пришельцовъ поступая: безъ алчбы, и безъ жажды душе нашей пагубнаго богатства, съ однимъ искреннимъ желаніемъ скораго прибытія въ прямое отечество наше, добродѣтелно продолжали. Свѣтъ сей подобенъ театру, а всякой человѣкъ на семъ театрѣ комедіянтъ: тоесть игрокъ. Тебѣ совѣтую я; лутче смотрителемъ, нежели дѣйствующимъ человѣкомъ [акторомъ] быть. Смерть, карты сего свѣта такъ чудно мѣшаетъ: что хлопца подлѣ Короля, а шестерку сверьхъ туза кладетъ. Ежели богъ мнѣ опредѣлилъ бѣдну, и бещастну быть: такъ я въ этомъ скучномъ состояніи, до тѣхъ поръ

стану

стану жить, пока Творцу моему угодно явиться. буде же частымЪ напоминанїемЪ кончины моей, за ранѣе здѣлаю себя мертвымЪ; то чрезЪ сей душе моей полезной способЪ, избавлюсь всякой печали о скоро-преходящей суетѣ, и о бѣгущей стѣни. Весь видимой нами свѣтЪ, ни что иное, какЪ всегдашнее погребенїе времени. Настоящей день и часЪ, похороны минувшему дню и часу. быстрое теченїе времени; меня, жизнь мою, и всѣ мои труды, не чувствительно уноситЪ. Есмь, и нѣсмь. Что я видѣлЪ, то прошло; а што слышалЪ, то былЪ сонЪ: и самое привидѣнїе. ВЪ старые годы; была Троя, Картагена, Ниневїя, ВавилонЪ, Персеполь, да ІерусалимЪ: а нынѣ все эте города раззорены. Нѣкогда процвѣталЪ КоринфЪ, Спарта, и Афины: а теперь, всѣ эте мѣста опустѣли. Древней РимЪ давно уже исчезЪ, а вЪ нынѣшнемЪ новомЪ Римѣ, едва сыщешЪ ли то мѣсто, на которомЪ Неронова золотая палата, и гдѣ бѣдная хижина убогова Эпиктета стояла. По штожЪ мнѣ о свѣтской перемѣне печалится? Ни внутри, ни около насЪ; ничево постояннаго нѣтЪ. Настоящее упадаетЪ вЪ будущее, какЪ вЪ такую глубочайшую бездну или пучину; которая человѣка со всѣми ево бѣдами, нечаянно пожираетЪ. Гдѣ теперь тѣ люди, которые передЪ нѣсколько тысячами лѣтЪ; велики, и малы; богаты, или убоги; веселы, и печальны; побѣдители, и побѣжденные были? НѣтЪ ихЪ! А куды дѣвалисЪ? Всѣ померли. Для чевожЪ ты смерть, жестокимЪ и страшнымЪ дѣломЪ почитаешЪ? По што о такой бѣдности жалуешся, которую смерть прекращаетЪ? Это не малое кЪ намЪ благодѣянїе божїе; что онЪ маловременную жизнь человѣческую, многими болѣзньми и печальми для того наполнилЪ: дабы чрезЪ сей спасительной способЪ, душу и мысль нашу, отЪ земли кЪ небеси обратить. По сему то я, вЪ темнотѣ жизни нашей; вЪ этой навозной куче суеты; вЪ семЪ шумѣ премногихЪ тысячЪ злыхЪ людей; вЪ этой быстрой рѣке, минутами; какЪ крыльемЪ лѣтящаго времени, и вЪ непрестанномЪ его движенїи, ничево такого не нахожу: чтобЪ почтенїя, или попеченїя моего достойно было. Но о томЪ только искренно радуюсЪ; что мнѣ вЪ этой поганой луже, не вѣкЪ жить. Ты отЪ пеленЪ да изЪ колыбѣли своей; власно какЪ изЪ лодки вышедши, во страну живыхЪ пришолЪ. А какЪ вЪ этой землѣ, о суетѣ и отлѣнности свѣтской много печа-

печалипися сталъ; що про тебя ту лодку дѣлать начали, въ которой тебѣ на тотъ свѣтъ ѣхать. Не отягчай же души своей такими вѣщми, о которыхъ ты и самъ не знаешъ; когда, и какъ скоро, принужденъ будешъ ихъ оставить: да о той землѣ больше помни, куда тебя вѣчная дорога ведетъ. Тамъ ты не суету съ тлѣнїемъ, но безсмертїе съ превѣчнымъ богомъ найдешъ. Тамъ всирѣтитъ тебя съ небеси сошедшая истинна, и паки на небо взошедшая правда: [Христосъ богъ нашъ] въ которую ты всѣмъ сердцемъ вѣровалъ. А на конецъ, тотъ умы наши превосходящей миръ, съ божественною утѣхою тебя обыметъ; котораго ты въ тлѣнныхъ вѣщахъ суетнаго свѣта, весьма напрасно искалъ. Сїе тоесть оное божественное житїе, которое тебѣ добрая совѣсть и жизнь твоя, въ чашу спасенїя нальетъ; а небесной приставъ, [Ангелъ хранитель] введетъ тебя въ беседу и общество тѣхъ безсмертныхъ и благихъ духовъ: которыя въ безконечной радости, власно какъ въ непрестанно цвѣтущихъ, а никогда не увядающихъ садахъ, на безконечныя вѣки вселятся. Возрадуйся же о томъ, что ты со злою компанїею разлучасъ, въ честнѣйшее собранїе тѣхъ блаженныхъ душъ преселенъ будешъ; которыя на лонѣ Авраамли по среди многихъ обителей отца небеснаго; въ некончаемой радости, въ любви, и въ вѣчномъ мирѣ пребываютъ.

55.

Хотя бы смерть, конечное разрушенїе всего естества моего была; тобъ она мнѣ и въ тѣ поры для того полезна быть долженствовала, что меня бездыханнымъ и безчувственнымъ учинитъ. До тѣхъ поръ слышу, что въ тлѣнной храминѣ бреннаго тѣла моего, безсмертная душа съ такимъ высокимъ духомъ живетъ; которому весь свѣтъ малъ, и тѣсенъ. Сей же во мнѣ живущей духъ, на безконечную вѣчность созданъ Сему не тлѣнному и безсмертному духу, ни какая тлѣнности внутренняго удовольствїя принесть не можетъ. Сего божественнаго духа высокое размышленїе, глубокое разсмотрѣнїе правды съ притчинами всѣмъ вѣщамъ, различенїе настоящаго, понятїе будущаго; чувствованїе правды, наказанїе съ отверженїемъ лжи и неправды; разумѣнїе добра и зла; познанїе бога, и безсмертїя; обрѣтенїе умомъ иного житїя, и вѣчнаго блаженства. Не удовольствїе въ тлѣнныхъ, а наслажденїе со удовольствомї Смерть.

ствомъ въ не тлѣнныхъ вѣщахъ, воля и склонность къ почитанію Творца; стараніе о достиженіи совершенства божія; всѣ эти высокія свойства и доброты живущаго во мнѣ безсмертнаго духа: суть истинныя знаки, слѣды, образы, и подобій той вѣчности; которую премудрѣйшій Творецъ, во всѣ разумныя созданіи къ своему прославленію; а къ ихъ блаженству, на безконечныя вѣки и роды вліялъ. Я еще нѣчто такое въ себѣ чувствую, чего ни въ какой твари нѣтъ. Всѣ твари движутся чувствами и мечтаніемъ, а меня разумъ и мудрость водитъ. Хотя глаза мои того не видятъ, а уши не слышатъ, что есть правда, или что не правда: что зло, или что добро: Однако такая сила во мнѣ есть, которая сама собою наполнившись, неизмѣримую глубину вѣчности постигаетъ. Сіе высокое понятіе, также конца не имѣетъ; какъ самая вѣчность. Человѣкъ съ природы своей того желаетъ; чтобъ ему щасливо и въ покоѣ живучи, не тлѣннаго искать. Только на семъ свѣте, ничего вѣчнаго не находя; весьма умно и праведно разсуждаетъ, что послѣ сего маловременнаго и суетнога житья: со всѣмъ иной, и столь отмѣнной жизни быть надобно, гдѣ душа наша участницею совершеннаго спокойства быть можетъ. Хотя она совершенства на семъ свѣте усердно ищетъ; только ни гдѣ и никогда ево не найдетъ. Разумная природа; истинное желаніе спокойства и благополучія, не даромъ въ душу человѣческую вліяла. Сіе тоесть подлинной знакъ врожденнаго душамъ нашимъ усердія къ богу, и къ вѣчному благу. Моей душе, за тѣмъ вѣчной быть должно; что она вѣчнаго ищетъ, а безсмертнаго желаетъ.

56.

безсмертіе души

Отъ самаго Творца, въ души наши вліянской образъ превѣчнаго божества его: ни прейти, ни истлѣть не можетъ. Я въ себѣ, такую часть сего образа и подобія божія ношу; которая меня тогда укрѣпляетъ, когда тѣло мое не только въ болѣзняхъ страждетъ; но и самую смерть слышитъ. Только сія крѣпительная въ страданіяхъ сила; не человѣческая, но божія: не плотская, но духовная; не отъ сего видимаго и временнаго мира, но отъ не видимаго и вѣчнаго свѣта. По сему; душа моя весьма чудными

вѣщми

вещми укрѣпляется. Она отнюдь не тѣмъ, чемъ тѣло содержится. Отъ пищи и питья, ничего не умножается. Воля человѣческая; ни богатствомъ, ни честью, ни роскошью, ни забавами, совершеннаго себѣ удовольствія не получаетъ; и получить не можетъ. Она успокоивается воздержаніемъ страстей; возвышается отверженіемъ свѣтской суеты; прославляется правдою и мудростію; а справедливостью, умѣренностью, и разумною любовію, совершенно упитается. Когда всѣ эте душевныя свойства съ добродѣтельми вѣчны, и не тлѣнны; то и питающейся ими душе, безсмертной быть должно. Для чегожъ мнѣ о томъ печалиться; что душе моей больше вреда, нежели пользы и всякаго блага приноситъ? Душа моя, къ некончаемой жизни сотворена. За тѣмъ ее; печальми о настоящемъ, безъ мѣры отягчать не надобно. Разумному созданію; гораздо лутче, всѣ эте пользы къ своему спокойству употребить: а о потеряніи тлѣнностей, не много печалится. Онѣ; съ моимъ духомъ не равны, и ему отнюдь не свойственны. Умному человѣку, полезнѣе смотрѣть на такихъ людей; которые на сей свѣтъ безъ ума и безъ памяти заглядѣвшись, о будущей жизни очень мало думаютъ. Лисимахъ, Птоломей, Иродъ, Тиверій, Неронъ, и Діонисій, за тѣмъ съ великою прискорбностью померли: что отъ блаженной жизни, отъ бога, и отъ человѣческихъ должностей удалились. Напротивъ того Каланъ, Сократъ, Тераменъ, Іеронъ, Сенека, Фокіонъ, Маркъ Аврелій, и другіе добродѣтельми своими въ древности славные мужи: при самой смерти своей для того радостны и веселы были, что во всю на семъ свѣте жизнь свою; богомъ, да правдою веселились. Они это за благовременно видѣли, что смерти подлежащему человѣку, и живущему въ немъ безсмертному духу, весьма не пристойно; о тлѣнномъ печалиться, а о скоро преходящемъ плакать. Для того эте великіе люди, во всякихъ припадкахъ жизни своей всегда равнодушны: а при смерти, бодры и великодушны были. Нынѣ, въ такое мѣсто переселились; гдѣ [можетъ быть] малое временное терпѣніе свое, въ безконечной радости все позабыли. И со мною власно тоже будетъ. Душа моя на конецъ; какъ запертая птица изъ темной клѣтки тѣла своего вылетевъ, и во отечество чистыхъ духовъ преселясь: всю не

чистоту

чистоту земныхъ печалей и болѣзней забудетъ. Сія блаженная страна, изъ далече меня веселитъ подлинною о томъ извѣстностью: что ни какая болѣзнь, ни печаль, съ воздыханіемъ; до границъ Райскаго селенія достигнуть не можетъ. Какъ я умру, то тѣло мое землѣ предадутъ; а духъ мой, на небо ко Творцу и богу своему возвратится. Въ этомъ святомъ жилище, врагъ меня не утѣснитъ. Другъ меня не оставитъ; убожество не опечалитъ: богатство, въ свирѣпость не приведетъ; честь, не возгордитъ; ругательство, не обезпокоитъ: болѣзнь, не замучитъ; роскошь, не побѣдитъ; суета, ко грѣху не приведетъ; а ложное мнѣніе съ мечтою, никогда не ослѣпитъ. Оставайтесь же всѣ печали назади, а за мною далѣ постѣли моей не гонитесь. Сеи одръ, самое подобіе гроба моего. Въ этомъ я къ вѣчности опредѣленномъ домѣ моемъ; всѣ болѣзни, печали, бѣды, и напасти свои схоронивъ, а попеченіе о временной жизни, съ платьемъ скинувши; сладко спать стану. Не будитежъ меня; не пресѣкайте сладкаго сна, и драгова покоя моего. Лутче мнѣ васъ житейскія попеченія заранѣе оставить, нежели съ вами до тѣхъ поръ таскаться: пока уже смерьть сама человѣку скажетъ. Напрасно ты другъ мой, о суетномъ и тлѣнномъ печалился. Оставляй теперь все; ступайка со мною: пора тебѣ домой. Развѣ мнѣ о томъ попеченіе и трудъ приложить, что бы во всемъ должность разумнаго человѣка исполнить? Отъ сего произойдетъ ближнему моему польза. Мнѣ самому будетъ душевной миръ, и духовная радость: а Творцу моему честь, и слава во вѣки.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ КНИГѢ.